

МИЛОВАН ДЖИЛАС

НОВЫЙ КЛАСС

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ФРЕДЕРИК А. ПРЕГЕР
Нью-Йорк**

МИЛОВАН ДЖИЛАС

НОВЫЙ КЛАСС

ИЗДАТЕЛЬСТВО ФРЕДЕРИК А. ПРЕГЕР
Нью-Йорк

THE NEW CLASS

by MILOVAN DJILAS

Напечатано в Соединенных Штатах Америки в 1961 г.
издательством Фредерик А. Прегер,
64 Университи Плэйс, Нью Йорк 3, Н. Й.

Авторские права принадлежат изд-ву Фредерик А. Прегер,
США, 1961 г.

Все права сохранены

Первое издание этой книги на английском языке
было напечатано в Соединенных Штатах Америки в 1957 г.
издательством Фредерик А. Прегер

Издано в США

МИЛОВАН ДЖИЛАС (Биография)

Милован Джилас родился в 1914 г. в Черногории, теперь находится в заключении.

Изучал юридические науки и литературу в Белградском Университете.

Джилас примкнул к коммунистам в студенческие годы и вступил в партию в 1933 году. Принимал деятельное участие в студенческих движениях. За свою коммунистическую деятельность был приговорен к 3 годам тюрьмы.

В 1937 г. стал одним из участников группы Тито, реорганизовавшего коммунистическую партию в Югославии. В 1938 году стал членом Центрального Комитета, а затем членом Политбюро.

Когда летом 1941 г. вспыхнуло партизанское движение, Тито послал Джиласа в Черногорию вместе с покойным Моше Пияде для подготовки восстания. Моше Пияде и Джилас совершили ряд жестоких расправ среди своих соотечественников, которые сопротивлялись коммунистическим директивам. Тогда Тито отозвал Джиласа в главный Штаб, где он и оставался во время войны.

В 1943 г. он стал членом президиума Совета Народного освобождения и членом командного состава национально-освободительной Армии.

В 1945 г. он был избран в Учредительное собрание и состоял членом Федерального Собрания до своей опалы в 1954 г.

В первом Правительстве, образованном Тито в 1944 г., Джилас был в кабинете членом без портфеля.

Он оставался в Правительстве и в послевоенный период.

Он возглавлял Югославскую делегацию на нескольких общих заседаниях Объединенных Наций.

В 1947 г. работал с Эдвардом Карделем, одним из основателей Коминформа, представлявшим Югославию. Говорят, что Джилас был первым предложившим Молотову весной 1947 года основать Коминформ.

Будучи членом Политбюро и главой кадровой и пропагандной комиссий Центрального Комитета, он считался одним из главных теоретиков партии.

В январе 1953 г. Джилас был избран одним из четырех вице-президентов федерального исполнительного Совета. 25 декабря того же года был избран на высокий пост председателя федерального Народного Собрания.

В серии статей, напечатанных в «Борба» между октябрём 1953 г. и январём 1954 г., он высказал ряд критических замечаний по поводу режима, подозревая его в следовании сталинским методам. Джилас требовал большей свободы дискуссии внутри партии и предлагал образование второй политической партии, чтобы предоставить полную возможность свободному обмену политических мнений, не выходя за рамки марксистского мышления. В статье *Анатомия Морали*, напечатанной в журнале «Нова Мисао», его резкая критика образа жизни жен высших чиновников, а также нападки на поведение руководящего класса и на злоупотребление привилегиями, явились причиной его падения.

На пленуме Центрального Комитета, созванном Тито 15 января 1954 г., Джилас защищался слабо и просил извинения перед Центральным Комитетом. Дедьер поддержал его. Окончательным постановлением пленума от 17 января Джилас был смещен со всех партийных и правительственных постов и исключен из Центрального Комитета. Черногория лишила его депутатского мандата, а местный коммунистический совет отобрал от него членскую карточку.

Джилас, лишенный возможности выразить свои взгляды в югославской печати, высказывал их в ин-

тервью с иностранными корреспондентами, которым указывал на необходимость реформ в Югославии.

Он был привлечен к ответственности и предан Белградскому районному суду. Ему было предъявлено обвинение в попытке взорвать народное рабочее Правительство клеветническими заявлениями иностранным корреспондентам, в которых он ложно представлял положение в Югославии. Джилас был приговорен условно на 18 месяцев. Это было 24 января 1955 г.

Джилас, не имея возможности печатать свои взгляды в Югославии, 29 октября 1956 г. сделал сообщение Агентству France-press, в котором критиковал Югославское Правительство за его поведение в Объединенных Нациях, в связи с Советским вмешательством в Венгрии. Далее, в статье напечатанной в *New Leader*, Джилас критиковал режим Тито в частности и коммунизм вообще.

За это он был опять предан суду и 12 октября 1956 г. приговорен Белградским районным судом к 3 годам тюрьмы.

Незадолго до ареста Джиласу удалось переправить из Югославии рукопись своей книги Нью-Йоркскому издателю *Praeger*. Книга вышла под названием *Новый класс*. Югославское Правительство отнеслось к этой книге как к «враждебной пропаганде» (ст. 118 Югосл. Угол. Код.) и предало Джиласа районному суду в Сремской Митровице. Здесь, в октябре 1957 года он был приговорен к семи годам тюрьмы, в дополнение к трем годам, к которым он был приговорен раньше. Джилас этого приговора не обжаловал.

В тюрьме Джилас провел 4 года. 20 января 1961 года он был досрочно освобожден. В правительственном сообщении говорилось, что освобождение это — «условное», т. е. Джилас будет находиться на свободе под постоянным полицейским надзором.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все сказанное в этой книге могло бы быть изложено иначе: в виде истории одной из революций нашего времени, или как изложение ряда мнений, или, наконец, как личная исповедь революционера. Частично в ней можно найти и то, и другое, и третье. Но, даже если эта работа — всего лишь несовершенное сочетание истории, личных мнений и воспоминаний, она все же отражает мое стремление нарисовать по возможности наиболее полную и четкую картину современного коммунизма. Может быть, некоторые его особенности, более технического характера, здесь и отсутствуют, но от этого, я надеюсь, общая картина получилась и проще, и ясней.

Я попытался отвлечься от моих личных проблем, не касаться их. Мое положение в настоящее время, в лучшем случае, неопределенное и я вынужден поэтому заносить мои личные наблюдения и переживания наспех, хотя и отдаю себе отчет, что более детальный анализ мог бы многое добавить и, возможно даже, изменить некоторые сделанные мною выводы.

Я не претендую произнести мудрые слова или найти выход из огромного конфликта, болезненных превращений и объединительных процессов, происходящих в современном мире. Я полагаю, что эта задача непосильна ни одному человеку ни в одной стране. Я не претендую также на знание другого мира, кроме коммунистического, — того

коммунистического мира, в котором я имел счастье или несчастье жить. Когда я говорю о внешнем мире, то делаю это только для того, чтобы показать в перспективе мой собственный мир, сделать его сущность яснее.

Почти все, о чем говорится в этой книге, уж было сказано где-нибудь раньше, хотя и сказано иначе. Может быть, в ней найдутся кое-какие новые оттенки и настроения и несколько новых мыслей, — вот и все. Если это случится, то этого будет для меня вполне достаточно. Моя заслуга может заключаться в том, что, находясь в совершенно особом положении, я на собственный лад высказался тут о вещах, давно известных и знакомых другим и о которых они выражали, возможно, свое собственное мнение.

Читатель не должен искать в этой книге какой-нибудь философской системы — социальной или другой, даже в тех местах, где я не мог избежать общих суждений. Я пользовался общими суждениями, чтобы нарисовать картину коммунистического мира, а не для философствования.

Метод рефлексивного наблюдения был не только особенно близок моему сердцу, но и представлялся мне наиболее подходящим для изложения моего материала. Мои предпосылки могли бы быть подкреплены и мои выводы обоснованы путем цитат, статистических данных и настоящих документов. Но я хотел высказать свои мысли возможно проще и точнее, и прибег поэтому к рассуждениям и логическим доводам, сведя до минимума число цитат и статистических данных.

Мне кажется, что такой метод лучше всего подходит к тому, что мне хотелось сказать, и к моему способу писать и мыслить.

В качестве интеллигента я прошел в своей сознательной жизни весь путь, открытый для коммуниста: от низшей до высшей ступени иерархической лестницы, от местных и национальных до международных форумов, и от образования коммунистической партии и подготовки революции до установления так называемого социалистического

общества. Никто не принуждал меня принимать коммунизм или отказываться от него. Я был волен решать, как хотел, повинаясь своим убеждениям, свободно, насколько человек вообще может действовать свободно. И хоть я разочаровался, я не принадлежу к числу тех, у кого разочарование бывает особенно острым и доводит до крайностей. Я отходил от коммунизма постепенно и сознательно, по мере того, как передо мною вырисовывалась та картина и те выводы, которые я излагаю в этой книге. По мере того, как я все больше отчуждался от реальности современного коммунизма, я все ближе подходил к идее демократического социализма. Эта эволюция нашла, конечно, отражение в этой книге, но не является главной целью моих высказываний.

Я считаю излишним критиковать коммунизм, как идею. Идеи равенства и братства между людьми, которые существовали в различных формах с тех пор, как существует человеческое общество, и которое современный коммунизм признает на словах, — являются принципами, которые будут всегда вдохновлять борцов за прогресс и свободу. Подвергать эти идеалы критике было бы так же ошибочно, как тщетно и нелепо. Желание достичь их — мечта всего человечества.

Не занимался я также и подробной критикой коммунистической теории, хотя такая критика нужна и полезна. Я сосредоточил свое внимание на описании современного коммунизма, и касался теории лишь там, где это было необходимо.

В этой небольшой книге невозможно передать все свои наблюдения и поделиться всем своим опытом. Я ограничился самым существенным, прибегая к обобщениям там, где их нельзя было избежать.

Этот отчет может показаться странным тем, кто живет в некоммунистическом мире. Но те, кто живет в коммунистическом мире, не найдут в нем ничего необыкновенного. Я не претендую на исключительную заслугу оттого, что даю картину этого мира и высказываю мысли, касающиеся его. Это просто картина и мысли того мира, в котором я

живу. Я — продукт этого мира. Я принимал участие в его строительстве. Теперь я один из его критиков.

Это заявление может показаться непоследовательным только на первый взгляд. Я боролся в прошлом и борюсь теперь за лучший мир. Эта борьба может не дать желаемых результатов. Логика моих действий, однако, заключается в длительности и непрерывности этой борьбы.

Глава первая

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ КОММУНИЗМА

1

Современный коммунизм коренится в далеком прошлом; но до развития современной промышленности в Западной Европе он находился в зачаточном состоянии. Основные идеи коммунизма, это примат материи и реальность перемен; идеи эти заимствованы у мыслителей периода, непосредственно предшествовавшего зарождению коммунизма. По мере того, как коммунизм рос и набирался сил, эти основные идеи теряли свое значение. Это и понятно: войдя в силу, коммунизм все больше стремится переделать весь мир согласно своим идеям и все меньше хочет меняться сам.

Диалектика и материализм — изменение мира независимо от человеческой воли — составляли основу старого классического марксистского коммунизма. Эти основные идеи впервые были выдвинуты отнюдь не коммунистическими теоретиками, такими, как Маркс или Энгельс. Они заимствовали эти идеи и соединили их в одно, создав тем самым основу для нового целостного миропонимания.

Идея о примате материи была заимствована у французских материалистов XVIII-го века. Более ранние мыслители, включая Демокрита в древней Греции, выражали ее несколько иначе. Идея реальности перемен в результате борьбы противоположностей, получившая название диалектики, была взята у Гегеля. Эту

же идею, но в иной форме, высказывал в древней Греции Гераклит.

Не вдаваясь в подробности различий между идеями Маркса и прежними подобными теориями, необходимо отметить, что Гегель, излагая идею о реальности перемен, сохранил понятие неизменного высшего закона, иначе говоря, идею абсолюта. По его учению, в конечном итоге существуют неизменные законы, которые независимо от человеческой воли, управляют природой, обществом и людьми.

Подчеркивая ту же идею реальности перемен, Маркс, и особенно, Энгельс не переставали в то же время утверждать, что законы объективного или материального мира неизменны и независимы от людей. Маркс был уверен, что он откроет основные законы, управляющие жизнью общества, подобно тому, как Дарвин открыл законы управляющие живыми существами. Во всяком случае, Маркс уяснил некоторые социальные законы, особенно же действие этих законов в период раннего промышленного капитализма.

Но самый этот факт, даже если считать его неизбежным, еще не может оправдать утверждение современных коммунистов, будто Маркс открыл *все* общественные законы. Еще меньше может он служить оправданием попытки коммунистов переделать человеческое общество, руководствуясь этими идеями, подобно тому, как в животноводстве руководствуются открытиями Ламарка и Дарвина. Человеческое общество нельзя сравнивать с видами животных или с неодушевленными предметами: оно состоит из отдельных людей и групп, которые постоянно меняются, растут и при этом действуют сознательно.

В притязаниях современного коммунизма на то, чтобы воплощать в себе, если не единственную и абсолютную, то, во всяком случае, высшую науку, основанную на диалектическом материализме, таятся семена деспотизма. Источник этих притязаний можно найти в учении Маркса, хотя Маркс их сам и не разделял.

Конечно, современный коммунизм не отрицает существования объективных и неизменных законов. Но

достигнув власти, он действует совершенно не считаясь с ними, а для достижения власти пользуется совершенно иными методами, чем те, что подсказываются коммунистической теорией.

Исходя из предпосылки, что они одни знают законы, управляющие обществом, коммунисты приходят к упрощенному и ненаучному выводу, будто это знание уполномочивает их на захват власти и дает им исключительное право переделывать общество и распоряжаться его жизнью. В этом — основная ошибка коммунистической системы.

Гегель считал, что абсолютная монархия в Пруссии была воплощением его идеи абсолюта. Коммунисты, со своей стороны, утверждают, что они сами представляют собой воплощение объективных чаяний общества. Но дело не только в разнице между Гегелем и коммунистами: есть еще и разница между коммунизмом и абсолютной монархией. Монархия не была о себе столь высокого мнения, как коммунисты, и не обладала столь абсолютной властью.

2

По всей вероятности, Гегель был сам смущен теми выводами, к которым могли привести его теории. Так, например, если все постоянно меняется, превращается в свою противоположность, то такая участь предстоит его собственным идеям и тому государственному строю, который он хотел бы сохранить. Как профессор, назначенный королевской властью, он, во всяком случае, не мог открыто рекомендовать преобразование общества на основе своей философии.

Положение Маркса было иным. Молодым человеком он принимал активное участие в революции 1848-го года. Он сделал самые крайние выводы из гегелевских идей. Разве в кровавой классовой борьбе, которая охватила всю Европу, не проявилось стремление к чему-то новому и высшему? Выходило, что

Гегель был прав, то-есть, Гегель в толковании Маркса. Но выходило также, что философские системы потеряли свой смысл и свое оправдание, раз наука так быстро открывала объективные законы, в том числе и законы, применимые к обществу.

В науке уже восторжествовал к тому времени позитивизм Конта, как метод исследования; английская школа политической экономики (Адам Смит, Рикардо и другие) была в полном расцвете; в естественных науках открывались один за другим первейшей важности законы; современная индустрия пробивала себе путь на основе научной технологии; язвы молодого капитализма становились явными в страданиях и начинавшейся борьбе пролетариата. Все говорило о том, что начиналась эра господства науки над всем, даже над обществом, эра, долженствовавшая устранить капиталистическое понятие собственности, как последнее препятствие на пути к счастью и свободе человека.

Время созрело для одного решающего вывода. Маркс обладал достаточным мужеством и глубиной мышления, чтобы сделать этот вывод; и у него не было недостатка в общественных силах, на которые он мог бы опереться.

Маркс был ученым и был идеологом. В качестве ученого, он сделал важные открытия, в частности, в области социологии. В качестве идеолога, он создал идейную основу для самых значительных и обширных политических движений современной истории, которые сначала происходили в Европе, а теперь происходят в Азии.

Но именно потому, что Маркс был ученым, экономистом и социологом, он совсем не намеревался создавать всеобъемлющую философскую или идеологическую систему. Он однажды сказал: «Несомненно одно: я не марксист». Выдающиеся научные способности Маркса давали ему огромное преимущество перед такими его социалистическими предшественниками, как Оуэн и Фурье. То, что Маркс не настаивал на идеологически-всеобъемлющем характере своей философии, дает ему еще большее преимущество по

сравнению с его учениками. Большинство из них были идеологи, и только в очень ограниченной степени — ученые, как показывает пример Плеханова, Лабриола, Ленина, Каутского и Сталина. Их основным стремлением было построить из идей Маркса систему. В особенности это верно о тех из них, кто был наименее философски одарен и обладал в этой области наименьшим количеством познаний. Чем дальше, тем больше последователи Маркса проявляли склонность представлять его учение, как законченное и всеобъемлющее мировоззрение и считать себя ответственными за продолжение его дела, которое они считали чем-то окончательным и незыблемым. Наука постепенно уступила место пропаганде и, вследствие этого, пропаганда все больше выдавалась за науку.

Будучи детищем своего века, Маркс отрицал необходимость какой бы то ни было философии. Его самый близкий друг, Энгельс, утверждал, что философия умерла в результате развития науки. Тезис этот, впрочем, ничего оригинального в себе не заключал: после контовского позитивизма и фейербаховского материализма, так называемая, научная философия имела повсюду большой успех.

Легко понять, почему Маркс отрицал, как необходимость, так и возможность всякой вообще философии. Гораздо трудней понять, почему его преемники пытались объединить его идеи в одну всеобъемлющую систему, в новую, исключаящую все другие, философию. Отрицая в теории, что философия вообще нужна, они создали на практике свою собственную систему догматов, которую они считали «самой научной» или «единственно научной» системой. В эпоху всеобщего научного энтузиазма и великих перемен, которые вводила наука в каждодневную жизнь и в промышленность, они не могли не быть материалистами и не считать себя единственными представителями единственно-научного мировоззрения и метода, тем более, что они представляли общественный слой, находившийся в конфликте со всеми общепризнанными идеями того времени.

Идеи Маркса образовались под влиянием научной атмосферы его века, его собственного тяготения к научности и его революционного стремления придать движению рабочего класса более или менее научную основу. Ученики Маркса были под влиянием совершенно иной обстановки и руководствовались совершенно иными мотивами, когда они превращали его идеи в систему догматов.

Если бы политика рабочего движения в Европе не требовала новой и законченной в себе идеологии, философия, называющая себя марксистской — диалектический материализм — была бы теперь забыта, была бы устранена, как нечто не особенно глубокое или оригинальное, не смотря на то, что научный и литературный уровень экономических и социологических работ Маркса самый высокий.

Сила марксистской философии не в ее научных элементах, а в ее связи с массовым движением и прежде всего в ее сосредоточенности на одной цели — на изменении общества. В этой философии все время повторяется утверждение, что существующий мир изменится просто потому, что он должен измениться; что он несет в себе зародыш своего собственного антитезиса, своей собственной гибели; что рабочий класс хочет этой перемены и способен ее осуществить. Влияние этой философии неизменно возрастало, и в европейском рабочем движении создавалась иллюзия, что она всемогуща, по крайней мере, как метод. В странах, где не было соответствующих условий, например, в Англии и в Соединенных Штатах, ее влияние и значение были ничтожны, несмотря на силу рабочего класса и рабочего движения.

Как наука, марксистская философия значит не много, так как основана она, главным образом, на гегелианских и материалистических идеях. Но как идеология новых, угнетенных классов и, в особенности политических движений, она ознаменовала собой новую эпоху, сначала в Европе, потом в России и в Азии, создав основы для нового политического движения и для новой общественной системы.

Маркс считал, что замена капиталистического общества другим будет результатом революционной борьбы между двумя его основными классами, буржуазией и пролетариатом. Столкновение казалось ему тем более вероятным, что в капиталистической системе того времени, как нужда, так и богатство все время росли на противоположных полюсах общества, потрясаемого периодическими хозяйственными кризисами.

В конечном счете можно сказать, что учение Маркса было продуктом промышленной революции или борьбы промышленного пролетариата за лучшую жизнь. Не случайно, что страшная нужда и безжалостная эксплуатация масс, которыми сопровождались экономические перемены в области промышленности, имели на Маркса огромное влияние. В его важнейшем труде «Капитал», можно найти немало значительных и волнующих страниц, посвященных этому. Периодические кризисы, которые были характерны для капитализма 19-го века, вместе с нищетой и быстрым ростом населения, вполне последовательно привели Маркса к убеждению, что революция — единственно-возможное решение этих вопросов. Маркс не считал, что революция неизбежна во всех странах, особенно в таких, где демократические учреждения уже вошли в традицию общественной жизни. В качестве примеров, он приводил такие страны, как Голландия, Англия, Соединенные Штаты. Однако, если судить по его высказываниям, взятым в целом, неизбежность революции была одним из его основных убеждений. Он верил в революцию и проповедывал ее; он был революционером.

Революционные идеи Маркса, которые были связаны с определенными условиями и не были применимы повсюду, Ленин превратил в абсолютные и универсальные принципы. В своей работе «Детская болезнь левизны в коммунизме», наименее догматическом, пожалуй, из его произведений, Ленин развил эти принципы еще дальше и отошел от позиций Маркса, счи-

тавшего, что в некоторых странах революция не неизбежна. Ленин утверждал, что Англию больше нельзя рассматривать, как страну, в которой революция не неизбежна, потому что во время первой мировой войны она стала милитаристической державой и поэтому, мол, у английского рабочего класса не осталось другого выхода, кроме революции. Ленин заблуждался. Он не только не понял, что английский милитаризм был всего лишь временным явлением, обусловленным войной, но и не предвидел дальнейшего развития демократии и экономического прогресса в Англии и в других западных странах. Не понял он и сущности английского профсоюзного движения. Он придавал слишком много значения своим собственным или марксистским идеям научно-детерминистического характера и обращал слишком мало внимания на объективную общественную роль рабочего класса и на возможности его развития в высоко развитых странах. Хотя Ленин и отрицал это, но на самом деле он был убежден, что его теории и революционный опыт России применим повсюду.

По предположениям Маркса и согласно его теориям, революция должна была произойти прежде всего в высоко развитых капиталистических странах. Маркс верил, что результат революции, то-есть образование нового социалистического общества, поднимет свободу на более высокий уровень чем тот, что существовал в тогдашнем обществе, при так называемом либеральном капитализме. Это понятно. Отвергая все виды капитализма, Маркс в то же самое время был представителем своей эпохи, эпохи либерального капитализма.

Развивая положение Маркса, что капитализм должен быть заменен не только более высокой экономической и общественной формацией, то-есть, социализмом, но и более высокой формой человеческой свободы, социал-демократы по праву считали себя наследниками Маркса. Они имели на это не меньше права, чем коммунисты, которые ссылаются на Маркса, оправдывая свою идею, что замена капитализма другим общественным строем может произойти лишь

революционным путем. Однако, обе эти группы последователей Маркса — и социал-демократы и коммунисты — были только частично правы, ссылаясь на Маркса, как на источник своих идей. Делая это, они защищали свою собственную практику, возникшую уже в ином, изменившемся обществе. И хотя обе эти группы ссылались на Маркса и зависели от его идей, социал-демократическое и коммунистическое движения развивались в различных направлениях.

В тех странах, где политический и экономический прогресс был невозможен и где рабочий класс играл в обществе незначительную роль, постепенно возникла потребность превратить учение Маркса в систему и догму. Более того, в тех странах, где хозяйственные силы и общественные отношения еще не созрели для промышленных перемен, как в России или позднее в Китае, принятие революционной стороны учения Маркса и догматизации этого учения были наиболее быстрыми и полными. Революционные настроения выявились в рабочем движении. Марксизм становился сильнее, и после победы революционной партии стал господствующей идеологией.

Зато в таких странах, как Германия, где степень политического и экономического прогресса делала революцию ненужной, преобладали не революционные, а скорей демократические и реформистские стороны марксизма. Идейные и политические течения, направленные против догматизма, привели к тому, что рабочее движение делало там упор на реформы.

В первом случае связь с Марксом, по крайней мере на поверхности, укреплялась. Во втором она ослабевала.

Общественное развитие и развитие идей привели к глубокому расколу в европейском социалистическом движении. Грубо говоря, перемены в политических и экономических условиях совпадали с переменами в идеях социалистических теоретиков, потому что они толковали действительность неполно и односторонне, со своей, предвзятой, партийной точки зрения.

Ленин в России и Бернштейн в Германии — вот те два полюса, в которых нашло свое выражение

различие социального и хозяйственного развития и различие тех условий, в которых происходило рабочее движение.

От первоначального марксизма не осталось почти ничего. На Западе эти идеи отмерли или отмирали; в странах восточной Европы, в результате установления коммунистического режима, от диалектики и материализма Маркса остался лишь осадок формализма и догматизма, который был использован для укрепления власти, оправдания тирании и насилия над человеческой совестью. На Востоке, хотя по существу и там отвернулись от марксизма, он получил силу в качестве не подлежащей изменению догмы, могущество которой росло. Там он стал больше чем идеей, он стал новым режимом, новой экономикой и новой общественной системой.

Маркс, хоть он и дал своим ученикам толчек к такому развитию, сам его не хотел и не ожидал. История обманула этого большого ученого, как она обманула других, пытавшихся толковать ее законы.

Каков же был общий ход развития со времени Маркса?

В семидесятых годах прошлого века образование трестов и монополий началось в тех странах, где уже произошла промышленная революция, например, в Германии, Англии и Соединенных Штатах. К началу XX века этот процесс шел полным ходом. Его научный анализ был дан Гобсоном, Гильфердингом и другими. Ленин в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», дал политический анализ этого явления, основываясь главным образом, на мнениях этих авторов, и высказал ряд предсказаний, которые в большинстве случаев оказались неправильными.

Теория Маркса о растущем обнищании рабочего класса не подтвердилась ходом развития в тех странах, которые он имел в виду, вырабатывая эту теорию. Но, как указывает профессор Ситон-Ватсон в своей книге «От Ленина до Маленкова», теория эта оказалась довольно правильной в отношении аграрных восточно-европейских стран. Таким образом, в

то время, как для Запада Маркс остался всего лишь историком и ученым, для Восточной Европы он сделался пророком новой эры. Там его учение, подобно новой религии, стало возбуждать и вдохновлять людей.

Андрэ Моруа, в своей «Истории Англии», так описывает положение в Западной Европе, на основании которого Энгельс и Маркс вырабатывали свои теории:

«Когда Энгельс приехал в 1844 году в Манчестер, он застал там 350.000 рабочих, живших в сырых, грязных, полуразрушенных домах и дышавших воздухом, похожим на смесь воды и угля. В шахтах он видел полуголых женщин, с которыми обращались, как с вьючными животными. Дети проводили весь день в темных подземных галереях, где они должны были открывать и закрывать примитивные вентиляционные люки и выполнять другие тяжелые работы. На фабриках кружев эксплуатация труда доходила до того, что четырехлетние дети работали почти даром».

Энгельс дожил до совсем иных времен в Англии, но он видел еще более страшную — и что еще важнее — более безнадежную нужду в России, на Балканах, в Азии и Африке.

Технический процесс принес Западу огромные и непосредственно ощутимые перемены, — огромные с любой точки зрения. Он привел к образованию монополий и разделению мира на сферы влияния, в интересах тех же монополий и наиболее развитых западных стран. Он привел также к первой мировой войне и к октябрьской революции.

В развитых странах быстрый рост производства и приобретение колониальных источников сырья существенно изменили положение рабочего класса. Борьба за реформы, за лучшие материальные условия, наряду с использованием преимуществ парламентарного режима, сделалась чем-то более реальным и ценным, чем революционные идеалы. В таких странах революция стала бессмысленной и ненужной.

В совсем ином положении были еще не индустриализированные страны, в частности Россия. Они стояли перед следующей дилеммой: им предстояло либо индустриализоваться, либо перестать играть актив-

ную роль на арене истории и впасть в зависимость от более развитых стран и их монополий, что обрекло бы их на вырождение. Капитал, которым они располагали, а также класс и партии, представлявшие этот капитал, были слишком слабы, чтобы разрешить задачи быстрой индустриализации. В этих странах революция стала необходимостью, жизненной потребностью для народа, и совершить эту революцию мог только один класс — пролетариат, или представлявшая его революционная партия.

Причиной этого был непреложный закон, состоящий в том, что все человеческие общества, и все люди стремятся расширять и совершенствовать производство. Делая это, они вступают в конфликт с другими обществами и другими людьми и соперничают с ними, чтобы выжить в этой борьбе. Этот рост и расширение производства постоянно наталкиваются на различные природные или общественные преграды, такие, например, как личные, политические, юридические или международные навыки и взаимоотношения. Поскольку оно должно преодолеть препятствия, общество, то-есть, те, кто в данный момент представляют его производительные силы, должно устранять, изменять или разрушать преграды, возникающие внутри его или за его пределами. Классы, партии, политические системы, политические идеи — все это представляет собой выражение этой непрерывной смены движения и застоя.

Никакое общество или народ не могут позволить своему производству отставать до такой степени, чтобы это угрожало их существованию. Отставать, значит умирать. Люди добровольно не умирают; они готовы на любые жертвы, лишь бы преодолеть то, что препятствует развитию их производства и обеспечению их существования.

Естественные условия, а также материальный и духовный уровень общества определяют, как те силы и средства, которые будут применимы для развития и расширения производства, так и те последствия, которые проистекут из этого для общества в целом. Самая необходимость, однако, в развитии

и в расширении производства, под каким идеологическим знаменем и при каких общественных силах она бы ни происходила, не зависит от воли отдельных личностей. Общество и народы, стремясь продлить свою жизнь, сами находят тех руководителей и те идеи, которые в данный момент всего больше отвечают их потребности.

Революционный марксизм был пересажен, в период монополистического капитализма, из промышленно развитых стран Запада в страны промышленно неразвитого Востока, в такие страны, как Россия и Китай. Это было приблизительно в то время, когда на Востоке и на Западе развивались социалистические движения. Та фаза социалистического движения, о которой идет речь, началась с его объединения и централизации в рамках Второго Интернационала и закончилась разделением на социал-демократов (реформистское крыло) и коммунистов (революционное крыло). Затем последовала революция в России и создание Третьего Интернационала.

В тех странах, где иначе невозможно было бы провести индустриализацию, были еще и особые национальные причины для коммунистической революции. В полуфеодальной России революционные движения возникли за полвека до появления марксистского движения в конце 19-го столетия. Кроме того, были там другие существенные причины для революции, — международные, экономические и политические. Но основная причина — жизненная необходимость индустриализаций — была общей для всех тех стран, как Россия, Китай и Югославия, где произошла революция.

С исторической точки зрения было неизбежно, что большинство европейских социалистических течений после Маркса были не только материалистическими и марксистскими, но еще и в значительной степени замкнутыми и нетерпимыми в своей идеологии. Против них объединялись все силы старого общества: церковь, школа, частная собственность, государственная власть и, что всего важнее, могущественный механизм, поддерживающий эту власть, который издавна

образовался в европейских странах в результате постоянных войн.

Каждый, кто хочет изменить мир, должен прежде всего истолковать его основательным и «безошибочным» образом. Каждое новое движение, ставящее себе такую цель, должно быть идеологически замкнутым в себе и нетерпимым, особенно если революция — единственный для него путь к победе. И если это движение успешно, то самый его успех укрепляет убеждения и верования его участников. Если успех парламентских методов борьбы и забастовок укрепил реформистские течения в германской и других социал-демократических партиях, то у русских рабочих, которые не могли улучшить свое материальное положение ни на одну копейку, не вызывая кровавых репрессий, не было другого выхода, как взяться за оружие, чтобы избежать отчаянья и голодной смерти.

Другие страны восточной Европы — Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Болгария — не подпадают под это правило; во всяком случае оно не относится к первым трем из этих стран. Революции они не испытали, поскольку коммунистическая система была навязана им мощью советской армии. Им даже не приходилось стремиться к индустриализации, и еще меньше того, к индустриализации коммунистическими методами, так как первые три из этих стран были уже индустриализированы раньше. Во всех этих странах революция была навязана народу извне и сверху — иностранными штыками и аппаратом насилия. Коммунистические движения в них были слабыми, за исключением самой промышленно развитой из них, Чехословакии, где коммунистическое движение мало чем отличалось от лево-социалистического, реформистского — вплоть до прямой советской интервенции во время войны и до государственного переворота в феврале 1948 года. Поскольку коммунисты в этих странах были слабы, их коммунизм мог быть только тем же самым, по своей сущности и форме, что и коммунизм в Советском Союзе. Советский Союз навязал этим странам свою систему и местные коммунисты приняли ее с полной покорностью. Чем слабее

был местный коммунизм, тем более он подражал, даже в несущественных деталях, своему «старшему брату», тоталитарному советскому коммунизму.

Таким странам, как Франция и Италия, в которых коммунистическое движение было сравнительно сильным, было не так просто идти в ногу с промышленно более развитыми странами; отсюда и их социальные затруднения. Но так как они уже прошли через демократические и промышленные революции, их коммунистические движения сильно отличались от движений в России, Югославии и Китае. Поэтому во Франции и в Италии у революции не было настоящих шансов на успех. Даже руководители французской и итальянской коммунистических партий, живя и действуя в обстановке политической демократии, не могли полностью освободиться от парламентских привычек. Во всем, что касалось революции, они были склонны больше полагаться на международное коммунистическое движение и на помощь со стороны Советского Союза, чем на свою собственную революционную мощь. Сторонники же их, рядовые партийцы, смотрели на этих своих руководителей, как на борцов против нужды и нищеты, и наивно верили при этом, что партия борется за более широкую и подлинную демократию.

Современный коммунизм возник, как идея, одновременно с возникновением современной промышленности. Он отмирает или терпит поражения в тех странах, где промышленное развитие уже достигло своих основных целей. Он процветает в тех странах, где этого еще не произошло.

Историческая роль коммунизма в промышленно неразвитых странах определила ход и характер той революции, которую ему надлежало совершить.

Г л а в а в т о р а я

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1

История показывает, что в тех странах, где произошла коммунистическая революция, другие партии тоже не были удовлетворены существовавшими там условиями. Лучшим примером в этом отношении может служить Россия, где партия, которая совершила коммунистическую революцию, не была единственной революционной партией.

Однако, только коммунистические партии были столь же революционны в своей борьбе со старым строем, как упорны и последовательны в своей борьбе за индустриализацию. На практике это означало радикальное устранение существовавшего до того режима собственности. Никакая другая партия не шла в этом отношении так далеко. Никакая другая партия не была столь «индустриальна».

Но почему же программа революционных партий должна была быть социалистической? Объяснить это менее легко. При отсталости царской России частный капитал не только оказался неспособен провести быструю индустриализацию, но и был препятствием для нее. Частнособственнический класс развился в стране, где еще существовали крепкие феодальные отношения, и в то самое время, когда монополии других, более развитых стран, распространяли и цепко удержи-

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

вали свою хватку над этой огромной территорией, обильной рынками и запасами сырья.

По всему ходу своей истории царская Россия не могла не запоздать со своей промышленной революцией. Она была единственной европейской страной, которая не прошла через Реформацию и Возрождение, не знала ничего похожего на города-государства средневековой Европы. Будучи отсталой, полуфеодальной страной, с абсолютной монархией и бюрократическим централизмом, с быстрым ростом пролетариата в нескольких промышленных центрах, Россия оказалась в водовороте современного мирового капитализма и в сетях финансовых интересов гигантских банковских концернов.

В своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», Ленин говорит, что три четверти капитала крупных банков в России были в руках иностранных капиталистов. Троцкий, в своей истории русской революции, подчеркивает, что иностранцы владели сорока процентами акций промышленных предприятий в России, и что в некоторых ведущих отраслях промышленности этот процент был еще более высок. Что касается Югославии, то иностранцы обладали решающим влиянием в самых важных отраслях югославской экономики. Сами по себе эти факты еще ничего не доказывают; однако, они свидетельствуют о том, что иностранные капиталисты, пользуясь своей мощью, задерживали развитие этих стран, или содействовали их развитию лишь в качестве источников сырья и дешевой рабочей силы, в результате чего эти страны не развивались должным образом и даже приходили в упадок.

Та партия, историческая задача которой состояла в том, чтобы провести в этих странах революцию, должна была быть антикапиталистической в своей внутренней политике и антиимпериалистической во внешней.

Местный капитал был слаб и был в значительной степени орудием или филиалом иностранного капитала. В промышленной революции был жизненно заинтересован не класс капиталистов, а другой класс

— пролетариат, пополнявшийся за счет растущего обнищания крестьянства. Если для тех, кто уже были пролетариями, вопросом жизни и смерти было устранение безжалостной эксплуатации, то для тех, до кого доходила очередь становиться пролетариями, жизненно важным делом была индустриализация. Движение, которое представляло обе эти социальные группы, должно было быть антикапиталистическим, иначе говоря, социалистическим по своим идеям, лозунгам и обещаниям.

Революционная партия не могла всерьез помышлять о проведении промышленной революции, не сосредоточив в своих руках все внутренние ресурсы страны, особенно ресурсы местных капиталистов, которые, кроме того, вызывали озлобление народных масс жестокой эксплуатацией и бесчеловечными методами, которые ими применялись. Сходную позицию должна была революционная партия занять и по отношению к иностранному капиталу.

Другие партии были неспособны следовать такого рода программе. Все они стремились к сохранению старого строя и прежних имущественных отношений, или же, в лучшем случае, к постепенному и мирному развитию. Даже антикапиталистические партии в России, как например, эсэры (социалисты-революционеры), стремились вернуть общество к примитивному, идиллическому крестьянскому быту. И даже подлинно социалистические партии, например, меньшевики, не шли дальше требований насильственного уничтожения препятствий на пути к свободному капиталистическому развитию. Они считали, что необходимо достигнуть вполне развитого капитализма для того, чтобы потом прийти к социализму. Но при данном положении вещей, ни возврат к старой системе, ни беспрепятственное развитие капитализма, не были возможны для этих стран. При создавшихся внутри страны и во всем мире условиях, ни тот, ни другой путь не мог привести к разрешению насущного вопроса о дальнейшем развитии этих стран, то-есть, о промышленной революции.

Только партия, требовавшая антикапиталистиче-

ской революции и быстрой индустриализации, могла рассчитывать на успех. Ясно, что партия эта должна была быть кроме того и социалистической по своей программе. Но раз ей приходилось действовать в определенной обстановке и в рамках рабочего или социалистического движения, ее идеология должна была сочетать убеждение в неизбежности и пользе современного промышленного развития с убеждением в неизбежности революции. Такое сочетание убеждений уже существовало — в марксизме, в революционном марксизме. К тому же, связь с революционным марксизмом, с европейским социалистическим движением, была и без того совершенно естественна для партии в то время. Позже, в ходе революции и в связи с переменами в социалистическом движении в промышленно-развитых странах, для партии стало в такой же степени важно отмежеваться от реформистских тенденций европейского социализма.

Революция и ускоренная индустриализация были неизбежны, но требовали огромных жертв и были сопряжены с жестоким насилием. Для того, чтобы действительно к ним стремиться, нужны были не только те или иные надежды, но и вера в возможность наступления царствия Божия на земле. Идя по линии наименьшего сопротивления, как это часто делают и другие, сторонники революции и индустриализации нередко отходили от установленной марксистской и социалистической доктрины. Но отказаться от нее полностью было для них немыслимо.

Капитализм со своими особыми производственными отношениями был в свое время нормальным и неизбежным хозяйственным строем, выражавшим потребности и чаяния общества, а также его сознание необходимости улучшить и расширить производство. В Англии, в первой половине 19-го века, капитализм улучшил и расширил производство. И подобно тому, как промышленники в Англии должны были разорить крестьянство, чтобы достигнуть более высокой ступени производства, промышленники — иначе говоря, буржуазия — в России должны были стать жертвой промышленной революции. Участники и формы этих

процессов были различны, но в обоих случаях действовал один и тот же закон.

В обоих случаях новый общественный строй был неизбежен, — как лозунг и обязательство, как верование и высокий идеал и, больше того, как особый государственный строй и особый вид собственности, которые должны были облегчить промышленную революцию и сделать возможным улучшение и расширение производства.

2

Все революции прошлого возникали после того, как начинали преобладать новые производственные и общественные отношения, а старая политическая система становилась единственным препятствием к дальнейшему развитию.

Ни одна из этих революций не хотела, кроме разрушения старых политических форм, да еще освобождения пути для уже созревших общественных сил и отношений, которые образовались в старом обществе. Больше того: во всех тех случаях, когда революционеры стремились к чему-либо иному, например, к насильственному построению новых производственных и общественных отношений, как якобинцы во Франции, они терпели неудачу и быстро сходили со сцены.

Во всех прежних революциях насилие было результатом и в то же время орудием новых, но уже достигших преобладания производственных и общественных отношений. Даже если насилие и выходило во время революции из положенных ему пределов, под конец революционным энергиям приходилось обратиться к какой-либо положительной и достижимой цели. В этих случаях террор и деспотизм были неизбежным, но лишь временным явлением.

Все так называемые буржуазные революции, все равно, совершались ли они снизу, то есть с участием народных масс, как во Франции, или сверху, то есть

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

путем государственного переворота, как в Германии при Бисмарке, в конечном счете приводили к политической демократии. Это вполне понятно. Их основной задачей было уничтожение старой, основанной на деспотизме, политической системы и установление такого государственного строя, который соответствовал бы уже существующим хозяйственным и иным потребностям страны, особенно в отношении свободного производства товаров.

Совершенно иначе обстоит дело с современными коммунистическими революциями. Эти революции происходили не потому, что в экономике уже существовали новые, скажем, социалистические производственные отношения, и не потому, что капитализм достиг чрезмерного развития. Напротив, они происходили потому, что капитализм еще недостаточно был развит, и потому, что он оказался неспособен преобразовать страну в целях индустриализации.

Во Франции капитализм уже господствовал в экономике, в производственных отношениях и даже в общественном сознании еще до того, как началась революция. Такое положение вещей вряд ли можно сравнить с социализмом в России, Китае или Югославии.

Вожди российской революции сами это признавали. Выступая на седьмом съезде Российской коммунистической партии 7-го марта 1918 года, когда революция была еще в полном ходу, Ленин сказал:

«Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, выросшей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества...

«В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим...

«Отличие социалистической революции от буржу-

азной состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а советская власть — пролетарская — этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые в сущности охватили небольшие верхушки в промышленности и совсем мало еще затронули земледелие».

Эту цитату из Ленина можно было бы заменить цитатой из выступлений любого другого руководителя коммунистической революции или из произведений многочисленных других авторов, в качестве подтверждения, что для нового общества еще не существовало новых производственных отношений, но что кто-то, в данном случае «советская власть», должен был создать эти новые отношения. Если бы в стране, где коммунистическая революция победила, уже развились полностью новые «социалистические» производственные отношения, то не было бы надобности в стольких увещаниях, разглагольствовании и усилиях, направленных на «строительство социализма».

Это приводит нас к кажущемуся противоречию. Если условия, необходимые для нового общества, еще недостаточно определились в старом, то кому была нужна революция? Более того, каким образом она оказалась возможной? Как могла революция победить, несмотря на то, что новые производственные отношения еще не сложились в старом обществе?

Никакая революция, никакая партия никогда еще не ставили себе до сих пор задачи построить новые производственные отношения или новое общество. Однако, это-то именно и было основной задачей коммунистической революции.

Коммунистические вожаки, хотя они не лучше других знали законы, управляющие обществом, обнаружили, что в стране, где оказалась возможной коммунистическая революция, возможна была и индустриация, особенно, если она означала в то же время преобразование общества согласно их идеологическим установкам. Их опыт, то-есть, успех революции при «неблагоприятных» условиях, подтверждал это в их глазах; «строительство социализма» тоже давало

Такое подтверждение. Это укрепляло их иллюзию расчета того, что им известны законы общественного развития. И в самом деле, у них были возможности планировать новое общество, а потом и приступить к его строительству, кое-где делая поправки, кое-что опуская, но все время придерживаясь этих своих планов.

В странах, где произошла коммунистическая революция, индустриализация, будучи неизбежной и законной потребностью общества, слилась в одно целое с коммунистическим методом проведения этой индустриализации.

Тем не менее, хотя революция и индустриализация шли рука об руку, ни та, ни другая, не могли сразу привести к успеху. После завершения революции, кто-то должен был взять на себя ответственность за индустриализацию. На Западе эту роль взяли на себя экономические силы капитализма, освобожденные от политических уз, которые накладывал на них старый деспотический государственный строй. В странах коммунистических революций таких сил не существовало, и их функцию должны были взять на себя сами революционные органы, сама новая власть, иначе говоря, революционная партия.

В прежних революциях, революционный взрыв и революционное насилие становились помехой для хозяйственной жизни сразу же после свержения старого режима. В коммунистической революции они были условием для дальнейшего развития хозяйства и даже для прогресса вообще. В глазах прежних революционеров насилие было лишь неизбежным злом и средством для достижения их цели. У коммунистов оно возводится в культ и становится конечной целью. В прошлом, классы и другие социальные силы, которым предстояло образовать новое общество, уже существовали до того, как вспыхивала революция.

Коммунистические революции были первыми революциями в истории, которым приходилось *создавать* новое общество и новые социальные силы.

Подобно тому, как на Западе революции, после всех «отклонений» и «отступлений», неизбежно при-

водили к демократии, на Востоке они неизбежно приводили к деспотизму. На Западе методы террора и насилия становились ненужными, бессмысленными и даже мешали революционерам и революционным партиям проводить революцию. На Востоке положение было совершенно иным. Там деспотизм оставался в силе не только потому что индустриализация требовала столько времени, но, как мы далее увидим, продолжал оставаться в силе даже и после ее осуществления.

3

Есть и другие принципиальные различия между коммунистическими и прежними революциями. Прежние революции, даже когда хозяйство и общество были достаточно для них зрелы, вспыхивали только тогда, когда для этого были налицо благоприятные условия. Общие условия, необходимые для начала и успеха революции мы уже знаем. Но кроме этих общих условий, у каждой революции есть свои особые условия, дающие возможность ее задумать и совершить.

Для успеха прежних революций, по крайней мере крупных, не было необходимости в войне, или точнее, в вызванном войной крушении государственного строя. Но именно такое крушение было до сих пор основным условием для успеха коммунистических революций. Это верно даже в отношении Китая. Правда, там революция началась до вторжения японцев, но она продолжалась целое десятилетие и восторжествовала лишь с концом войны. Испанская революция 1936-го года, которая могла бы стать исключением, не успела превратиться в чисто коммунистическую революцию и поэтому победы не одержала.

Причину, в силу которой для коммунистической революции необходима была война и крушение государственного аппарата, именно и следует искать в

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

том, что хозяйство и общество не были достаточно зрелы для этой революции. При крушении старого строя, особенно во время войны, неудачной для правящих классов и для всей государственной системы, небольшая, но хорошо организованная и дисциплинированная группа людей неизбежно получает возможность захватить власть в свои руки.

Так, например, во время Октябрьской революции в коммунистической партии было около 30 000 членов. Югославская коммунистическая партия начала революцию в 1941 году, когда в ней было около 10 000 членов. Для захвата власти необходимы поддержка и активное участие хотя бы части народа, но во всяком случае партия, руководящая революцией и захватывающая власть, находится в меньшинстве и составляет группу, успех которой всецело зависит от создавшихся исключительно благоприятных для этого условий. Кроме того партия эта и не может стать партией большинства, до того, как прочно захватит власть в свои руки.

Осуществление такой грандиозной задачи, как разрушение старого строя и построение нового общества при отсутствии необходимой для этого «зрелости» общества и хозяйства, способно увлечь только меньшинство, и при том такое меньшинство, которое фанатически верит в возможность своего успеха.

Для коммунистических революций характерно, таким образом, наличие исключительных условий и наличие особой партии.

Осуществление всякой революции, так же, как и достижение военной победы, требует сосредоточивания всех сил в одних руках. Согласно теории Матье, французская революция была первой революцией, в которой «все ресурсы ведущего войну народа были в руках власти: живая сила, пища, одежда». Это в еще большей степени относится к «недозрелой» коммунистической революции: в распоряжении партии должны находиться не только материальные ресурсы, но и духовные силы страны, а сама партия, и в политическом, и в организационном отношении, долж-

на быть полностью централизована. Такую революцию могут проводить только коммунистические партии, тесно сплоченные вокруг своего ядра, проникнутые единообразной идеологией.

Централизация всех сил и средств, а также известная мера политического единства революционных партий, это основные условия для успеха любой революции. Но для коммунистической революции эти условия еще важнее, поскольку коммунисты с самого начала исключают возможность союза с какой бы то ни было другой, независимой от них политической группой или партией. В то же самое время они требуют единообразия всех взглядов, не только политических, но и всех вообще, например, этических или обще-философских. Тот факт, что левые эсэры участвовали в октябрьской революции, и что отдельные деятели и группы, принадлежавшие к другим партиям, принимали участие в революциях в Китае и Югославии, не опровергает, а скорее подтверждает этот тезис. Группы эти были только попутчиками коммунистической партии и принимали лишь ограниченное участие в борьбе. После революции эти партии либо были распущены, либо распались сами собой и слились с коммунистической партией. Большевики разгромили левых эсэров, как только последние захотели стать независимыми, а некоммунистические группы в Югославии и Китае, принявшие участие в революции, впоследствии отказались от всякой политической деятельности.

Прежние революции не проводились всего лишь одной политической группой. Правда, в процессе революции отдельные группы боролись и уничтожали одна другую, но революция, как таковая, не была делом единой группы. Во французской революции якобинцам удалось установить свою диктатуру лишь на короткий срок. Диктатура Наполеона, которая выросла из революции, означала одновременно конец якобинской революции и начало господства буржуазии. Во всех прежних революциях, даже если одна партия играла в них решающую роль, другие партии не отказывались от своей независимости. Если устранение

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

инакомыслящих и проводилось, то лишь в течение короткого промежутка времени. Других партий не удавалось уничтожить, и они всегда появлялись вновь. Даже Парижская коммуна, которую коммунисты считают прообразом своей революции и своего государственного строя, была многопартийной революцией.

Какая-либо отдельная партия могла играть главную и даже исключительную роль на том или ином этапе революции. Но в прошлом ни одна партия, не была, в отношении идеологии и организации, централизована до такой степени, как партия коммунистическая. Ни пуритане в английской революции, ни якобинцы во французской, не были в такой мере связаны одинаковыми философскими и идеологическими взглядами, хотя пуритане и были религиозной сектой. С организационной точки зрения, якобинцы представляли собой федерацию клубов, а о пуританах и этого сказать нельзя. Только современные коммунистические революции выдвинули на первый план партии монолитные, как в идеологическом так и в организационном отношении.

Во всяком случае ясно одно: во всех прежних революциях необходимость в революционных методах и партиях исчезала с окончанием гражданской войны и иностранной интервенции, так что эти методы и партии подлежали устранению. Но коммунисты продолжают применять революционные методы и после своих революций, и их партия быстро подходит к полнейшему централизму и к идеологической замкнутости и нетерпимости.

Ленин подчеркнул это сам во время революции, перечисляя условия приема коммунистических партий в Коминтерн:

«В нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны коммунистическая партия сможет выполнить свой долг только в том случае, если она будет организована наиболее централистским образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной, и если ее партийный центр будет являться властным авторитетным орга-

ном с широкими полномочиями, пользующимися доверием членов партии».

А в добавление к этому Сталин в своих «Основах Ленинизма» писал: «Так обстоит дело с дисциплиной в партии в условиях борьбы перед завоеванием диктатуры. То же самое надо сказать и о дисциплине в партии, но еще в большей степени, после завоевания диктатуры».

Революционная атмосфера и бдительность, упор на идеологическое единство, политическая и идеологическая замкнутость, политический и всякий другой централизм, не исчезают после прихода к власти. Наоборот, они еще усиливаются.

В прежних революциях беспощадность методов, идеологическая нетерпимость и монополия власти продолжались приблизительно столько же, сколько длилась сама революция. Но поскольку в коммунистической революции сама революция была первым проявлением деспотической и тоталитарной власти определенной группы, трудно предсказать, как долго будет продолжаться эта власть.

В прежних революциях, включая и режим террора во Франции, уничтожению даже настоящих противников уделялось не много внимания, а об устранении *возможных* противников и вовсе не заботились. Единственным исключением было истребление и преследование некоторых социальных или идеологических групп во время средневековых религиозных войн. И теоретически, и по собственному опыту, коммунисты знают, что они находятся в конфликте со всеми прочими классами и идеологиями; соответственно этому они и поступают. Они ведут борьбу не только против уже существующей, но и против потенциальной оппозиции. В балтийских странах тысячи людей были уничтожены одним махом на основании свидетельств об их прежних идеологических и политических взглядах. Такого же рода было убийство нескольких тысяч польских офицеров в Катыни. При коммунизме методы террора и угнетения продолжают применяться долгое время после окончания самой революции,

еще и развиваясь и совершенствуясь в некоторых случаях, например, при ликвидации кулачества. Идеологическая замкнутость и нетерпимость еще обостряются после революции. Если даже правящая партия оказывается в состоянии уменьшить физическое угнетение, у нее остается стремление еще крепче внушать предписанную раз навсегда идеологию: марксизм-ленинизм.

В прежних революциях, особенно в так называемых «буржуазных», большое значение придавалось установлению личных свобод тотчас после прекращения революционного террора. Даже сами революционеры считали необходимым обеспечить законные права граждан. Неизменным конечным результатом всех этих революций была независимость суда. Коммунистический режим в Советском Союзе все еще далек от независимого суда, после сорока лет властвования. Конечным результатом прежних революций часто бывало установление большей законности и более широкое обеспечение гражданских прав. О коммунистической революции это сказать никак нельзя.

Есть и еще одно большое различие между прежними революциями и современной коммунистической революцией. Прежние революции, особенно крупные, были обязаны своим успехом борьбе трудящихся классов, но их конечные результаты шли на пользу другому классу, под моральным и, часто, организационным руководством которого совершалась революция. Буржуазия, во имя которой проводилась революция, в значительной степени пожинала плоды борьбы крестьян и сан-кюлотов. Народные массы участвовали также и в коммунистической революции, но плодами этой революции пользуются не они, а партийная бюрократия. И бюрократия эта — не что иное, как партия, которая осуществила революцию. При коммунистических революциях революционные организации, совершавшие революцию, не ликвидируются. Коммунистическая революция может «пожирать своих детей», но не всех своих детей.

В самом деле: после окончания коммунистической

революции, между различными группами и фракциями, которые расходятся во мнениях относительно дальнейшего пути, заключаются секретные и весьма циничные сделки.

Взаимные обвинения постоянно вращаются вокруг догматических доводов насчет того, кого следует считать «объективно» или «субъективно» более рьяными контрреволюционерами, агентами внутреннего или иностранного капитала. Однако, независимо от разрешения этих споров, группа, выходящая победительницей в этой борьбе, всегда оказывается группой, которая наиболее последовательно и решительно выступала сторонницей индустриализации, согласно коммунистическим принципам, то-есть, на основе полной монополии партии, особенно в государственных органах, ведающих производством. Коммунистическая революция не пожирает тех из своих детей, которые могут ей пригодиться в дальнейшем ее пути, пригодиться для индустриализации. Революционеры, принявшие идеи, и лозунги революции в их буквальном смысле, наивно веря в их осуществление, обычно подвергаются ликвидации, тогда как группа, понявшая, что революция даст ей власть, на социально-политической коммунистической основе, в качестве орудия для дальнейшей индустриализации, одерживают победу.

Коммунистическая революция первая, после которой революционеры и их союзники, особенно же группа, пришедшая к власти, оказываются уцелевшими. В прежних революциях такие группы неизменно погибали. Коммунистическая революция — первая, проведение которой пошло на пользу самим революционерам. Они и бюрократия, которая образовывается вокруг них, пожирают плоды революции. Это дает им и более широким кругам партии иллюзию, что их революция — первая, которая осталась верна лозунгам, начертанным на ее знаменах.

Иллюзии, создаваемые коммунистической революцией относительно ее настоящих целей, шире и прочнее, чем иллюзии, создавшиеся прежними революциями. Это объясняется тем, что коммунистическая революция решает по новому вопрос о производственных отношениях и приносит с собой новую форму собственности. Прежние революции также неизбежно производили большие или меньшие изменения режима собственности. Но в этих революциях одна форма частной собственности заменяла другую. В коммунистической революции дело обстоит иначе; перемена радикальна и идет вглубь: частная собственность вытесняется собственностью коллективной.

Коммунистическая революция, в самом процессе своего развития, уничтожает капиталистическую, землевладельческую и всякую другую частную собственность, то-есть всякую собственность, при которой применяется наемный труд. Это сразу же создает иллюзию выполнения революционного обещания о новом царстве равенства и справедливости.

В то же самое время партия, или подчиненная ей государственная власть, начинает проводить широкие мероприятия по индустриализации страны. Это также укрепляет веру, что, наконец, наступило время освобождения от нужды. Деспотизм и насилие — налицо, но они воспринимаются, как временные явления, которые будут продолжаться только до того, как будет подавлено сопротивление приверженцев старого строя и закончена индустриализация.

В самом процессе индустриализации происходит ряд существенных перемен. Индустриализация в отсталой стране, особенно, если она проводится без поддержки извне, требует сосредоточенья всех материальных ресурсов страны в одних руках. Национализация промышленных предприятий и земли, это и есть первый шаг на пути сосредоточенья собственности в руках представителей нового режима. Этим, однако, дело не кончается и не может кончиться.

Новая форма собственности входит в конфликт с другими формами собственности. Новая форма собственности насильно навязывается мелким собственникам, которые не пользуются наемным трудом, или для которых такой наемный труд не имеет значения, то-есть ремесленникам, рабочим, мелким торговцам и крестьянам. Эта экспроприация мелкой собственности проводится даже тогда, когда она не вызывается хозяйственными соображениями, то-есть, желанием достигнуть более высокой производительности.

В ходе индустриализации отнимается собственность и у тех элементов, которые не противились революции и даже помогали ей. Формально собственником и тут становится государство. Государство управляет и распоряжается собственностью. Частная собственность совершенно исчезает или продолжает существовать как нечто второстепенное и могущее быть в любой момент уничтоженным по произволу новых правителей.

Коммунисты и некоторые элементы народных масс воспринимают это, как полное уничтожение классов и создание бесклассового общества. Действительно, завершением индустриализации и коллективизации старые классы исчезают. Остается стихийное и неорганизованное недовольство масс, которое не прекращается и не уменьшается. При этом продолжают коммунистические обманные и самообманные толки о «пережитках» и о влиянии «классового врага». Но иллюзия, что этим путем достигнуто долгожданное бесклассовое общество, сохраняется полностью, по крайней мере в глазах коммунистов.

Всякая революция и даже всякая война создает иллюзии и ведется во имя неосуществимых идеалов. Пока длится борьба, эти идеалы кажутся участникам борьбы вполне реальными; к концу ее они часто исчезают без остатка. Но с коммунистической революцией дело обстоит иначе. Те, кто проводит коммунистическую революцию, а также и многие в низших слоях, продолжают верить этим иллюзиям долгое время после окончания вооруженной борьбы. Несмотря на насилие, деспотизм, открытую конфиска-

цию собственности и наличие привилегий для правящей группы, часть народа — и особенно сами коммунисты — сохраняют иллюзии, сформулированные в их лозунгах.

Хотя коммунистическая революция может начаться с самыми идеалистическими понятиями, побуждающими к величайшему героизму, и огромным усилиям, она создает величайшие и самые прочные иллюзии.

В жизни народов революции неизбежны. Они могут привести к деспотизму, но они также и открывают народу пути, которые раньше были ему недоступны.

Коммунистическая революция не может осуществить ни одного из тех идеалов, которые назывались в числе ее движущихся сил. Однако, коммунистическая революция принесла известный промышленный прогресс обширным территориям в Европе и в Азии. Тем самым были созданы материальные основы для будущего, более свободного общества. Таким образом, принеся с собой полнейший деспотизм, коммунистическая революция создала также и предпосылки для уничтожения деспотизма. Если 19-й век ввел современную промышленность на Западе, то 20-й век распространит современную промышленность на Востоке. Так или иначе, тень Ленина простерлась над огромными пространствами Евразии. Будь то на путях деспотизма, как в Китае, или демократии, как в Индии и Бирме, все остальные азиатские и другие народы входят в фазу промышленной революции. Русская революция положила начало этому процессу. И процесс этот, со своими неисчислимыми последствиями, остается важнейшим историческим следствием революции.

5

Может показаться, что коммунистические революции, это, главным образом, результат исторических заблуждений и случайностей. В известном смысле это верно. Ни для каких других революций не нужно бы-

ло столько исключительных условий; никакие другие революции не обещали так много и не сделали так мало. Демагогии и подтасовки фактов коммунистические руководители избежать не могут, раз они вынуждены обещать самое, что ни на есть идеальное общество и «отмену всякой эксплуатации».

Нельзя, однако, сказать, что коммунисты обманули народ, то-есть, что они намеренно и сознательно делали не то, что обещали. На самом деле, они просто неспособны были выполнить то, во что они искренне верили. Они не могут признаться в этом даже тогда, когда вынуждены проводить политику, противоречащую всему, что они обещали до и во время революции. С их точки зрения такое признание было бы равносильно признанию, что революция была ненужной. А это значило бы, что они сами стали лишними, ненужными. Такое признание для них, разумеется, невозможно.

Конечные результаты социальной борьбы никогда не бывают такими, какими их себе представляли те, кто вел эту борьбу. Борьба эта зависит нередко от бесконечно сложного ряда обстоятельств, которые выходят за пределы сознательного человеческого замысла и действия. Это особенно верно в отношении революций, которые требуют нечеловеческих усилий, и которые производят внезапные и радикальные перемены в обществе. Они неизбежно вызывают в массах абсолютную уверенность, что после победы будет достигнута конечная степень благосостояния и свободы. Французская революция проводилась под знаком разума и убеждения, что в конце-концов будут достигнуты свобода, равенство и братство. Русская революция проводилась во имя «чисто научного мировоззрения» с целью создания бесклассового общества. Ни та, ни другая революция не могла бы быть совершена, если бы революционеры, — а с ними и часть народа — не верили в провозглашенные ими идеалы.

Коммунстические иллюзии, в том, что касается послереволюционных перспектив, были сильнее среди самих коммунистов, чем среди их сторонников. Ком-

мунисты должны были сознавать — и на самом деле сознавали — неизбежность индустриализации, но они могли только гадать о ее социальных результатах и о создаваемых ею новых производственных отношениях.

Официальные коммунистические историки в Советском Союзе и в Югославии описывают революцию так, как если бы она была результатом заранее обдуманных действий ее вождей. На самом деле обдумывался и планировался только ход революции, да вооруженная борьба, тогда как формы, которые принимала революция, вытекали из развития событий и из прямого действия. Показательно, что даже Ленин, несомненно один из величайших революционеров в истории, не предвидел, когда и в какой форме вспыхнет революция, даже накануне ее начала. В январе 1917-го года, то-есть, за месяц до февральской революции и только за десять месяцев до октябрьской революции, которая привела его к власти, Ленин, выступая на собрании швейцарской социалистической молодежи, говорил следующее: «Мы, старики, может быть не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но я могу, думается мне, высказать с большой уверенностью надежду, что молодежь, которая работает так прекрасно в социалистическом движении Швейцарии и всего мира, что она будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции».

Как можно говорить после этого, что Ленин, или кто-либо другой, был в состоянии предвидеть социальные последствия, которым предстояло обнаружиться после долгой и сложной революционной борьбы?

Но даже если цели коммунизма сами по себе были нереальны, то коммунисты, в отличие от прежних революционеров, действовали вполне реалистически, добиваясь того, что было возможно. Они проводили революцию единственным возможным способом: путем утверждения своей абсолютной и тоталитарной власти. Их революция была первой революцией в истории, в которой революционеры не только остались на

политической арене после победы, но и установили общественные отношения, совершенно противоположные тем принципам, в которые они верили, и обещаниям, которые они сами давали. Коммунистическая революция, в последующем процессе проводимой ею индустриализации, обращает самих революционеров в творцов и хозяев нового социального строя.

Предсказания Маркса, поскольку они были конкретны, оказались неверными. Еще в большей степени это можно сказать об ожиданиях Ленина, что при помощи диктатуры будет создано свободное, иначе говоря, бесклассовое общество. Но то, потребность в чем сделала революцию неизбежной — индустриализация на основе современной техники — это ныне осуществлено.

6

По строгой логике, коммунистическая революция, поскольку она в исключительных условиях и путем государственного принуждения достигает того же, чего достигли промышленные революции и капитализм на Западе, представляет собой лишь новую форму государственно-капиталистической революции. Производственные отношения, образовавшиеся после ее победы, это отношения государственно-капиталистического порядка. Это представляется тем более верным, что новая, вышедшая из революции власть, регулирует также и все политические, трудовые и иные отношения, и, что еще важнее, распоряжается национальным доходом, прибылями и всеми вообще материальными благами, ставшими собственностью государства.

Дискуссия о том, что такое социальный и хозяйственный строй Советского Союза и других коммунистических стран, — государственный капитализм, социализм или еще что-нибудь иное, — это в значительной мере спор о словах, решаемый на основании

догматических предпосылок. Однако такая дискуссия все же имеет большое значение.

Даже если предположить, что государственный капитализм не что иное, как «преддверие социализма», по определению Ленина, или что он — первая стадия социализма, то от этого ничуть не легче тем, кто вынужден выносить на своих плечах коммунистический деспотизм. Если характер собственности и производственных отношений, которые принесла с собой коммунистическая революция, будет сформулирован с большой точностью, то это сделает более реальными перспективы освобождения народа от этого общественного строя. Покуда народ не сознает сущности тех социальных условий, в которых он живет, или не видит, каким образом их можно изменить, его борьба не имеет надежды на успех.

Если коммунистическая революция, несмотря на свои обещания и иллюзии, государственно-капиталистична в своих мероприятиях и создает государственно-капиталистические отношения, то единственно законный и положительный путь, открытый для тех, кто хочет служить новому режиму, состоит в том, чтобы работать как можно лучше и уменьшать давление и безответственность государственного аппарата. Коммунисты не признают открыто, что они работают в рамках системы государственного капитализма, но их руководители ведут себя так, что это становится очевидным. Кроме того, они постоянно хвастают тем, что улучшают работу администрации и ведут борьбу «против бюрократизма». На самом же деле существующее положение вещей таково, что оно делает невозможным радикальное улучшение методов государственного управления.

Для того, чтобы определить характер того строя, который возникает в ходе коммунистической революции и потом укрепляется в процессе индустриализации и коллективизации, необходимо глубже проанализировать роль и деятельность государства при коммунизме. Прежде всего, необходимо отметить, что при коммунизме государственный аппарат, в отличие от партийного, не представляет собой орудия,

которое определяло бы производственные отношения и режим собственности; оно только служит опорой этих отношений и этого режима. Правда, все делается от имени государства и путем правительственных мероприятий. Но коммунистическая партия, включая профессиональную партийную бюрократию, стоит выше всех этих мероприятий, и любое из них именно ею и диктуется.

Именно бюрократия пользуется и распоряжается всей национализированной и обобществленной собственностью, как она распоряжается и всей жизнью общества. Роль бюрократии в этом обществе, то-есть, принадлежащее ей монопольное управление и распоряжение народным имуществом и народным доходом, ставит ее в особо привилегированное положение. Производственные отношения похожи на те, что свойственны государственному капитализму, тем более, что проведение индустриализации осуществляется не с помощью капиталистов, а при помощи государственного аппарата. Но на самом деле, функцию эту выполняет привилегированный класс, прикрывающийся государственным аппаратом и пользующийся им, как своим орудием.

Право собственности — не что иное, как право на прибыль и на распоряжение имуществом. Если определить классовые привилегии этим правом, то придется в конечном счете признать, что коммунистические государства положили начало новому виду собственности и новому правящему и эксплуататорскому классу.

В самом деле, коммунисты не могли действовать иначе, чем любой правящий класс, который существовал до них. Веря, что они строят новое и идеальное общество, они строили его для себя, единственным доступным им способом. Революция, совершенная ими, и общество, выросшее из нее, нельзя назвать случайными, произвольными; они вполне закономерны для определенных стран на определенном этапе их развития. Поэтому, как бы коммунистическая тирания ни была всеобъемлюща и бесчеловечна, общество в течение некоторого времени, а именно, пока длится

индустриализация, должно и может терпеть эту тиранию. В дальнейшем эта тирания уже перестает быть чем-то неизбежным и становится всего лишь оплотом грабительских привилегий нового класса.

В противоположность прежним революциям, коммунистическая революция, которая проводилась во имя уничтожения классов, привела к неограниченной власти одного, нового класса. Все остальное — маскировка и иллюзия.

Глава третья

НОВЫЙ КЛАСС

1

Как в Советском Союзе, так и в других коммунистических странах, все вышло совершенно иначе, чем того ждали партийные вожди, даже такие выдающиеся, как Ленин, Сталин, Троцкий или Бухарин. Они ожидали, что государство станет отмирать, а демократия крепнуть. Произошло обратное. Они ожидали быстрого повышения жизненного уровня, но ничего подобного не произошло, а в подъяремных странах Восточной Европы жизненный уровень даже и понизился. Во всяком случае, нигде жизненный уровень не поднялся пропорционально темпу индустриализации. Предполагалось, что разница между городом и деревней, между оплатой умственного и физического труда постепенно исчезнет; на самом деле эта разница увеличилась. В других областях, предсказания коммунистов — например, насчет развития некоммунистических стран — тоже не сбылись.

Самой большой иллюзией было предположение, что уничтожение капиталистической собственности, коллективизация и индустриализация в Советском Союзе приведут к бесклассовому обществу. В 1936-ом году, когда была обнародована новая советская конституция, Сталин заявил, что «класс эксплуататоров» перестал существовать.

И в самом деле, класс капиталистов и другие преж-

ние классы были уничтожены. Зато был создан новый класс, которого история до сих пор не знала.

Вполне понятно, что этот класс, — как это было и с прежними классами, — верил, что его приход к власти принесет человечеству счастье и свободу. Разница между этим классом и другими заключается в том, что он совершенно не задумывался над тем, что собственно могла означать задержка в осуществлении его иллюзий. Он сразу же добился власти гораздо более абсолютной, чем власть какого-либо другого класса в истории, а пропорционально этому, классовых иллюзий и предубеждений у него так же оказалось значительно больше.

Этот новый класс, бюрократия, или точнее выражаясь, политическая бюрократия, обладает всеми характерными чертами прежних классов; но есть у него и новые, одному ему принадлежащие черты. Происхождение его тоже не совсем обычное, хотя в основном и похоже на начало других классов.

Другие классы точно так же достигали могущества и власти революционным способом, разрушая политический и социальный строй, стоявший у них на пути. Однако эти классы почти всегда приходили к власти уже после того, как в старом обществе возникали новые хозяйственные отношения. С новым классом в коммунистических странах дело шло в обратном порядке. Новый класс пришел к власти не для того, чтобы закончить создание нового хозяйственного строя, а для того, чтобы установить свой собственный, нужный ему строй и подчинить своей власти все общество в целом.

В прежние времена приход к власти какого-либо класса, части класса или партии был последним звеном в образовании и развитии этого класса. В Советском Союзе произошло обратное. Новый класс сформировался окончательно лишь после того, как он пришел к власти. Его классовое сознание должно было развиваться раньше, чем его хозяйственная и вообще реальная его сила, так как он не имел корней в жизни своего народа. Класс этот определял свою роль по отношению ко всему остальному миру с

чисто идейной, отвлеченной точки зрения. Практических возможностей его это, однако, не уменьшало. Дело в том, что несмотря на все свои иллюзии, он был все же и выразителем объективной тенденции к индустриализации.

Практическая направленность его действий с этой именно тенденцией и была связана. Обещания идеального общественного строя подкрепляли веру в рядах его представителей и сеяли иллюзию в народных массах, воодушевляя их на огромные физические усилия.

Поскольку новый класс не образовался в лоне хозяйственной и общественной жизни народа до своего прихода к власти, он мог возникнуть лишь в виде организации особого типа, отличающейся особой дисциплиной и основанной на обязательном для всех ее членов единстве взглядов и убеждений. Строгое идеологическое единство и железная дисциплина были необходимы, чтобы преодолеть его слабость.

Ядром нового класса стала особая партия, партия большевиков. Ленин был прав, когда говорил, что его партия была исключением в истории человеческого общества, хотя, говоря это, он и не подозревал, что она положит начало новому классу.

Впрочем родоначальников нового класса следует искать не столько в партии, например, большевистской партии, взятой в целом, сколько в той группе профессиональных революционеров, которые составляли ее ядро еще до того, как она пришла к власти. Недаром после поражения революции 1905-го года Ленин утверждал, что только революционеры-профессионалы, люди, единственной профессией которых была революционная работа, способны построить большевистскую партию нового типа. И еще более показательно, что Сталин, будущий создатель нового класса, был как раз типичнейшим образчиком этих революционеров-профессионалов. Из этого-то — очень узкого — слоя революционеров постепенно и развился новый правящий класс. Долгое время они продолжали составлять его ядро. Троцкий отмечал в свое время, что революционеры-профессионалы до-

революционного периода положили начало будущей сталинской бюрократии. Но и он не понял, что они тем самым положили начало новому классу собственников и эксплуататоров.

Это не значит, что новая партия и новый класс — одно и то же. Но партия все же ядро этого класса и его основа. Трудно, а то и невозможно, определить границы нового класса и указать точно, кто его члены. В общем, однако, можно сказать, что к новому классу принадлежат все те, кто пользуется особыми привилегиями и хозяйственными преимуществами в силу своей классовой монополии по управлению государством.

Паразитизм сочетается тут с выполнением необходимых административных функций, причем не каждый член партии может рассматриваться, как представитель нового класса, подобно тому, как не каждый ремесленник или представитель среднего класса был представителем буржуазии.

В общем, можно сказать, что по мере того, как новый класс становится сильнее и приобретает более определенный облик, роль партии, как таковой, ослабевает. Ядро и основа партии создаются в партии и особенно на партийной верхушке, но они создаются также в государственных органах, в аппарате управления страной. Некогда живая, сплоченная, полная инициативы партия исчезает и превращается в самую обыкновенную олигархию нового класса, неудержимо притягивающую в свои ряды всех, кто стремится примкнуть к новому классу, и отталкивающую всех, у кого есть какие-то идеалы.

Сначала партия создает класс, но затем класс начинает расти и пользуется партией, лишь как фундаментом. Класс становится все сильнее, а партия — слабее. Такова неизбежная судьба каждой коммунистической партии, пришедшей к власти.

Если бы партия не была материально заинтересована в производстве или если бы она не заключала в себе того, что требовалось для создания нового клас-

са, она не могла бы действовать безрассудно с идеологической и моральной точки зрения и не могла бы, действуя так, надолго удержаться у власти. После окончания первой пятилетки, Сталин сказал: «Если бы мы не создали партийного аппарата, мы потерпели бы неудачу». Ему следовало сказать: «Если бы мы не создали нового класса»; тогда все было бы ясно.

На первый взгляд, утверждение, что политическая партия положила начало какому-то новому классу, кажется странным. Обычно партии являются продуктом классов или слоев общества, достигших духовного и хозяйственного могущества. Но анализ фактического положения вещей в дореволюционной России и в других странах, где коммунизм одержал победу над другими национальными силами, показывает, что возникновение партии такого рода — результат особо благоприятных условий, а не случайность. Несмотря на то, что корни большевизма далеко заходят в прошлое России, партия все же в некоторой мере, обязана своим возникновением той особой международной обстановке, в которой Россия оказалась в конце 19-го и в начале 20-го столетия. Оставаясь абсолютной монархией, Россия не могла бы существовать в современном мире, а русский капитализм был слишком слаб и слишком зависел от интересов иностранных держав, чтобы своими силами провести промышленную революцию. Индустриализация страны могла быть совершена только новым классом и путем перемены общественного строя. Но класса этого еще не было налицо.

Для истории не имеет значения, кто именно осуществит назревшую в ней перемену; важно одно: чтобы она была осуществлена. Таково как раз и было положение в России и в других странах, где произошла коммунистическая революция. Революция сама создала силы, идеи, организации и вождей, которые ей были необходимы. Появление нового класса объясняется объективными причинами и лишь во вторую очередь волей, действием и умением ее вождей.

Социальные корни нового класса нужно искать в пролетариате, подобно тому, как аристократия возникла из крестьянского общества, а буржуазия — из общества торговцев и ремесленников. В зависимости от национальных особенностей возможны исключения, но в экономически мало развитых странах отсталый пролетариат именно и представляет собой тот сырой материал, из которого возникает новый класс.

Есть и другие причины, по которым новый класс выступает, как защитник рабочего класса. Новый класс антикапиталистичен, следовательно он должен опираться на трудящиеся массы. Новый класс находит опору в борьбе пролетариата и в его традиционной вере в социалистическое или коммунистическое общество, где не будет грубой эксплуатации. Кроме того, для нового класса очень важно обеспечить нормальный ход производства, а раз так, то он не может терять свою связь с пролетариатом. Но всего важнее для него тот факт, что без помощи рабочего класса, он не может провести индустриализацию и не может укрепить свою власть. С другой стороны, рабочий класс видит в усиленном развитии промышленности спасение от нищеты и отчаяния. В течение долгого периода времени интересы, идеи, убеждения и надежды нового класса и части рабочего класса, а также крестьян-бедняков, совпадают и объединяются. Такого рода единение между совершенно различными классами наблюдалось и прежде. Ведь представляла же буржуазия интересы крестьянства в борьбе против феодальных властителей.

Продвижение нового класса к власти является результатом усилий пролетариата и бедняков-крестьян. Они представляют собой те массы, на которые партия, то-есть, новый класс, должна опираться и с которыми ее интересы больше всего совпадают. Но это верно лишь до тех пор, пока новый класс не установит окончательно своей власти и могущества. После этого новый класс интересуется пролетариатом и крестьянской беднотой лишь постольку, поскольку он

нуждается в них для развития производства и для того, чтобы держать в подчинении наиболее агрессивные и непокорные социальные силы.

Монополия, которую новый класс захватывает таким образом, во имя трудящихся, над всем обществом, это, прежде всего, монополия власти над самими этими трудящимися. Прежде всего это монополия в области мысли над так называемым авангардом пролетариата, а затем и над всем пролетариатом. Это наибольший обман из всех, которые новому классу предстоит совершить, и это вместе с тем показатель того, что мощь и интересы нового класса связаны в первую очередь с промышленностью. Без промышленности новый класс не может укрепить своего положения и своей власти.

Люди, вышедшие из рабочего класса, входят в новый класс, как самые убежденные и твердые его представители. История учит нас, что и в прежние времена наиболее умные и способные рабы переходили в ряды правящего меньшинства. Точно так же и теперь новый правящий и эксплуатирующий класс возник из эксплуатируемого класса.

3

Когда критикуют коммунистический строй, его основную черту видят, обычно, в том, что народом правит бюрократия, организованная на подобие особого общественного слоя. Это, в общем, верно. Однако, более тщательный анализ показывает, что лишь особый слой внутри самой бюрократии, состоящий из людей не занятых непосредственно административной работой, составляет ядро *правлящей* бюрократии или того, что я называю новым классом. Это и есть партийная или политическая бюрократия, тогда как другие бюрократы — всего лишь аппарат, подчиненный новому классу. Аппарат этот громоздок и медлителен, но без такого аппарата не может обойтись никакое социалистическое общество.

Социолог, таким образом, может провести различие между разными категориями бюрократов; на практике, однако, это различие исчезает. И объясняется это не только тем, что коммунистический строй бюрократичен по своей природе, но и тем, что коммунистам приходится выполнять самые разнообразные бюрократические функции. Кроме того, высшие политические бюрократы не могли бы пользоваться своими привилегиями, если бы не бросали крох со своего стола другим категориям бюрократов.

Важно отметить основную разницу между политической бюрократией такого рода и бюрократией, которая появляется повсюду, в результате централизации современной экономики, особенно если централизация эта ведет к коллективным формам собственности, таким, как монополии, акционерные общества и государственная собственность. Хорошо известно, что численность административного персонала в капиталистических монополиях и в национализированной промышленности Запада все время возрастает. Однако, если между этими администраторами и коммунистическими бюрократами есть много общего, особенно в отношении групповой солидарности, полного тождества между ними все же нет. Государственные служащие и другие бюрократы и в некоммунистических странах образуют особый общественный слой. Но у них нет той власти над обществом, которая есть у коммунистов.

В некоммунистических странах бюрократами правят люди, облеченные политической властью и обычно избираемые народом, или же они подчиняются владельцам предприятий, а коммунистами никто не правит и никакого хозяина над ними нет. В некоммунистических странах бюрократы, это чиновники или служащие в современном капиталистическом хозяйстве. Коммунисты — нечто совсем иное и новое; они — новый класс.

Как и для всех собственнических классов, доказательство того, что это действительно особый класс, следует искать как раз в этом его собственничестве, а также в его отношениях с другими классами. Точ-

но так же, чтобы определить к какому классу относится тот или другой человек, следует выяснить какие материальные и другие преимущества приносит ему собственность.

По римскому праву, собственность представляет собой сочетания прав владения, пользования и распоряжения имуществом. Коммунистическая политическая бюрократия владеет, пользуется и распоряжается национализированной собственностью.

Если признать, что принадлежность к этой бюрократии или, что то же, к новому собственническому классу определяется использованием привилегиями, связанными с собственностью, в данном случае с собственностью национализированного имущества, то следует отметить, что принадлежность к новому партийному классу или к политической бюрократии дает больше материальных благ и привилегий, чем это полагалось бы при более нормальной структуре общества. На практике, эти собственнические привилегии нового класса проявляются в исключительном праве политической бюрократии распределять, на основании принадлежащей ей партийной монополии, народный доход, устанавливать заработную плату, направлять экономическое развитие страны и распоряжаться национализированным и другим имуществом. Таким, собственно, и представляется положение рядовому гражданину, считающему коммунистических бюрократов богатыми людьми, людьми, которым нет надобности работать.

По многим причинам, сохранение частной собственности было найдено неблагоприятным для утверждения власти нового класса. Кроме того, уничтожение частной собственности было необходимо для радикального экономического преобразования страны. Новый класс утверждает свою власть, привилегии, идеологию и обычаи на основе особой формы собственности, собственности коллективной, которой этот класс распоряжается от имени общества и народа.

С точки зрения нового класса, собственность проистекает из определенных производственных отношений. Но на деле они сводятся к отношениям между

монополистами администрации, образующими узкий и замкнутый социальный слой и массой производителей — крестьян, рабочих и интеллигенции, — лишенных каких бы то ни было прав. Но это еще не все, принимая особенно во внимание, что коммунистическая бюрократия пользуется полной монополией контроля и в области распределения материальных благ.

Всякое значительное изменение отношений между теми, кто монополизировал в своих руках администрирование, и теми, кто фактически работает, неизбежно отражается на режиме собственности. Социальный и политический строй, монополия власти и монополия собственности в коммунистической системе гораздо неразрывней связаны между собой, чем в какой угодно другой системе.

Лишить коммунистов их права собственности значило бы уничтожить их, как класс. Заставить их отказаться от этой их привилегии, ради того, чтобы рабочие могли участвовать в прибылях, приносимых их трудом, как они это делают, в результате стачек и социального законодательства, в капиталистических странах, значило бы лишить коммунистов их монополии, распространяющейся как на собственность, так и на идеологию и государственную власть. Это было бы началом демократии и свободы в коммунизме и означало бы конец коммунистической монополии и тоталитарного режима. Пока этого нет, нет и признаков того, что в коммунистических странах происходят существенные, решающие перемены. Так, по крайней мере, должны думать люди, принимающие социальный прогресс всерьез.

Собственническая монополия нового класса, как и сама принадлежность к этому классу, могут рассматриваться, как привилегии, присущие администрированию. Администрирование это простирается от управления государством и промышленностью до надзора за всеми видами общественной и культурной деятельности. Политическое, партийное и так называемое «общее руководство» осуществляется ядром нового класса. С этим-то руководящим положением и свя-

заны привилегии. В своей работе «Сталин у власти», вышедшей в Париже в 1951 году, Орлов утверждает, что средняя заработная плата советского рабочего составляла в 1935 году 1.800 рублей в год, в то время, как жалованье (с различными прибавками) секретаря Райкома составляло 45.000 рублей в год. С тех пор ставки изменились и для рабочих и для партийных чиновников, но соотношение их осталось прежним. Другие авторы приходили к тем же выводам. Разница между оплатой рабочих и партийных работников огромна, этого не удавалось скрыть от иностранцев, посещавших Советский Союз и другие коммунистические страны за последние годы.

Никакой государственный строй не может обойтись без профессиональных политических деятелей, как бы мы о них ни судили. Общество не может существовать без государства и правительства, а поэтому и без тех, кто образует правительство и служит государству. Однако, между профессиональными политиками в коммунистических и других странах есть большое различие. В отдельных случаях политические люди повсюду пользуются своими связями с правительством, чтобы получить привилегии для себя и своих сторонников, или, чтобы оказать покровительство экономическим интересам того или другого общественного слоя. Но в коммунистических странах положение совсем иное: там участие в правительственной власти равнозначно владению, пользованию и распоряжению почти всем народным имуществом. Те, кто захватывают власть, захватывают привилегии, а значит, косвенным образом, захватывают и собственность. Вследствие этого при коммунизме стремление к власти или к политике, как профессии, характерно для всех тех, кто хочет вести паразитическую жизнь за счет чужого труда.

До революции быть членом коммунистической партии значило быть готовым на большие жертвы. Считаться революционером-профессионалом была очень большая честь. Теперь, когда партия укрепилась в своей власти, быть ее членом значит принадлежать

к привилегированному классу. И ядро этой партии составляют всемогущие эксплуататоры.

Долгое время коммунистическая революция и коммунистический строй скрывали свою настоящую природу. Появление нового класса затушевывалось социалистической фразеологией и, что еще важнее, новой, коллективной формой собственности. Но так называемая социалистическая собственность — не более, чем маска, под которой скрывается собственничество политической бюрократии. Вначале, кроме того, политическая бюрократия спешила провести индустриализацию и скрывала свою классовую сущность еще и под этим покровом.

4

В развитии современного коммунизма и в возникновении нового класса явно сказался характер тех, кто это развитие вдохновлял или играл в нем значительную роль.

Вожди и их методы — от Маркса до Хрущева — менялись не раз. Марксу никогда не приходило в голову мешать другим высказывать свои мысли. Ленин допускал в своей партии свободную дискуссию и не считал, что партийные органы, или, еще того менее, глава партии, должны регулировать высказывание каких-либо мыслей, будь-то мысли «правильные» или «неправильные». Сталин уничтожил все внутрипартийные дискуссии и предоставил право определять идеологическую линию исключительно центральному партийному органу, т. е. на деле, самому себе. В других коммунистических движениях было не так. Международный союз рабочих, основанный Марксом (так называемый Первый Интернационал), не был марксистским по своей идеологии. Это был союз различных групп, который принимал только те резолюции, по которым все его члены достигали соглашения. Ленинская партия была авангардной группой, сочетавшей революционную мораль и идеологическую монолит-

ность с некоторой мерой демократичности. При Сталине эта партия стала массой мало интересовавшихся идеологией людей; все свои идеи они получали сверху, но были ревностны и единодушны в защите системы, гарантировавшей им не подлежащие сомнениям привилегии. Маркс никакой партии так и не создал. Ленин уничтожил все партии, кроме своей, — в том числе и социалистическую партию. Сталин даже и большевистскую партию отодвинул на второй план, превратив ее ядро в ядро нового класса, а всю партию в целом, в безличную и бесцветную массу привилегированных людей.

Маркс создал стройную теорию классов и классовой борьбы, хоть и не он впервые заговорил о классах. Ленин склонен был скорее делить людей на группы, придерживающиеся одинаковых взглядов, чем на классы. Сталин рассматривал всех людей, либо как покорных подданных, либо как врагов. Маркс умер в Лондоне бедным эмигрантом, но его уважали ученые и его высоко ценили в социалистическом движении. Ленин умер, будучи вождем одной из величайших революций, но умер, как диктатор, вокруг которого уже начинал образовываться культ. Сталин умер лишь после того, как сам себя обожествил.

Эти личные различия только отражают те перемены, которые происходили в самом движении и меняли его сущность.

Хоть Ленин и не признавал этого, но он положил начало новому классу. Он организовал партию по большевистским принципам и развил теорию об исключительной и руководящей роли партии в строительстве нового общества. Это только одна сторона его многосторонней и гигантской деятельности, та, что соответствует самим его действиям, скорее чем его желаниям. И как раз за эти его действия новый класс и почитает Ленина.

Подлинным и непосредственным основателем нового класса был, однако, Сталин. Это был человек, не расположенный к долгому раздумью и склонный к грубому юмору; он не был особенно образован, не был и хорошим оратором. Зато он был неутомимым

доктринером и отличным администратором. Этот грузин лучше, чем кто-нибудь другой, видел, куда именно вели Россию новые силы. Он создал новый класс самыми варварскими способами, не щадя даже и самого этого класса. Новый класс, поставивший его над собой, неизбежно должен был подчиниться этому неотесанному и ни перед чем не останавливающемуся человеку. Сталин был настоящим вождем нового класса и в то время, когда класс образовывался и укреплял свою власть.

Новый класс родился в лоне коммунистической партии во время революционной борьбы, но развился во время промышленной революции. Без революции, без индустриализации, положение нового класса было бы непрочным и власть его была бы ограничена.

Пока страна индустриализировалась, Сталин начал вводить значительные различия в заработной плате, поощряя в то же время рост различных привилегий. Он считал, что индустриализация не удастся, если новый класс не будет материально, то-есть собственнически в ней заинтересован. Без индустриализации новому классу было бы трудно удержать свои позиции, так как у него не было для этого ни исторического оправдания, ни твердой материальной базы.

С этим был тесно связан рост численности партии или, что то же, бюрократии. В 1927 году, накануне индустриализации, коммунистическая партия Советского Союза насчитывала 887.233 члена. В 1934 году, в конце первой пятилетки, численность ее увеличилась до 1.874.488 человек. Это было явно связано с индустриализацией; перспективы для нового класса и привилегии для его членов развивались одновременно. Больше того, новый класс и привилегии его развивались быстрее, чем сама индустриализация. Статистические данные по этому вопросу привести трудно, но вывод сам собой ясен, если принять во внимание, что жизненный уровень не повышался соответственно промышленной продукции и что новый класс фактически брал себе львиную долю хозяйственных и всех вообще достижений, которыми он был обязан труду и самопожертвованию народных масс.

Образование нового класса шло не без борьбы. Он встречал ожесточенное сопротивление как со стороны прежних классов, так и со стороны тех революционеров, которые не могли примирить свои идеалы с тем, что происходило в действительности. В Советском Союзе эта оппозиция со стороны революционеров ярче всего проявилась в конфликте между Троцким и Сталиным. Этот конфликт между партийными оппозиционерами и Сталиным точно так же, как конфликт между режимом и крестьянством, все обострялся по мере того, как продвигалась индустриализация, и как возрастали власть и могущество нового класса.

Троцкий был превосходным оратором, блестящим, искусным в полемике писателем; он был образован, у него был острый ум; ему не хватало только одного: чувства действительности. Он хотел оставаться революционером и возродить революционную партию, в то самое время, как она превращалась во что-то совершенно иное — в новый класс, не заботившийся о высоких идеалах и интересовавшийся только жизненными благами. Он ждал действий от масс, утомленных войной и голодом, в то время, когда новый класс уже крепко держал власть в своих руках и начинал чувствовать всю сладость, выпавших на его долю привилегий. Троцкий зажигал фейерверки, огонь которых сиял далеко вокруг; но он был не в силах снова разжечь в усталых сердцах революционное пламя. Он ясно сознавал отрицательные стороны этого нового явления, происходившего на его глазах, но всего значения этих процессов он не понял. Кроме того, Троцкий никогда не был большевиком. В этом была его слабость и его сила. Осуждая партийную бюрократию во имя революции, Троцкий осуждал культ партии и, сам того не сознавая, осуждал новый класс.

Сталин не оглядывался назад, но и не смотрел далеко вперед. Он стал во главе новой власти, которая зарождалась в то время — власти нового класса, политической бюрократии и бюрократизма — и сделался ее вождем и организатором. Он не проповедывал;

он принимал решения. Как и его предшественники, он обещал блестящее будущее, но такое будущее, которое бюрократия могла считать осуществимым, потому что для нее жизненные условия улучшались с каждым днем и ее положение все время укреплялось. Сталин говорил бесцветно и без огня, но его реалистический язык был более понятен новому классу. Троцкий хотел распространить революцию на всю Европу; Сталин был не против этой идеи, но рискованные планы такого рода не мешали ему думать о том, что называлось прежде матушкой Россией и, в особенности, о способах укрепления нового строя и об увеличении мощи и престижа советского государства. Троцкий был представителем революционного прошлого, Сталин — человеком сегодняшнего дня, а в силу этого и человеком будущего.

В победе Сталина Троцкий видел термидорианскую реакцию против революции, а именно, бюрократическое искажение дела революции и советского строя. Таким образом, он понимал всю аморальность сталинских методов и глубоко оскорблялся ими. Он был первым, кто сам того не зная, в попытке спасти коммунистическое движение, обнаружил сущность современного коммунизма. Но он не был способен додумать эти мысли до конца. Ему казалось, что было налицо лишь временное возвышение бюрократии, временное искажение революции, и он пришел к выводу, что выход будет найден в перемене наверху, в «дворцовом перевороте». Но когда, после смерти Сталина дворцовый переворот и в самом деле произошел, стало ясно, что сущность коммунизма от этого не изменилась. Дело было в чем-то более глубоком и постоянном. Советский Термидор Сталина привел не только к установлению правительства, еще более деспотического, чем прежнее, но и к образованию нового класса. Это было продолжением оборотной стороны медали, разгула революции, которая породила и привела к власти новый класс.

Сталин имел такое же, если не большее право, чем Троцкий, ссылаться на Ленина и революцию, по-

тому что Сталин был, хоть и злонамеренным, но подлинным наследником Ленина и революции.

История не знает второй такой личности, как Ленин, который благодаря своей настойчивости и гибкости, пустил в ход одну из величайших революций, известных человечеству. Не знает история и другой такой личности, как Сталин, который взял на себя гигантскую задачу укрепить, в отношении власти и собственности, новый класс, возникший в результате одной из величайших революций в одной из самых обширных стран мира.

Позади Ленина, который весь был мысль и страсть, стоит мрачная фигура Иосифа Сталина — символ трудного, жестокого, ни перед чем не останавливающегося восхождения нового класса к его нынешнему полновластию.

После Ленина и Сталина пришло то, что должно было прийти: посредственность в образе коллективного руководства. Пришел также простоватый на вид, добродушный интеллигент, «человек из народа» — Никита Хрущев. Новому классу более не нужны революционеры или теоретики; он довольствуется людьми обыкновенными, такими, как Хрущев, Маленков, Булганин или Шепилов, каждое слово которых отражает мышление среднего обывателя.

Новый класс устал от догматических чисток и уроков политической грамоты. Он хочет жить спокойно. Достаточно укрепившись, этот класс ищет защиты даже от своего собственного, им же уполномоченного вождя. С его точки зрения, Сталин был хорош, когда он сам, этот класс был еще слаб, когда жестокие методы были необходимы даже против тех, кто в рядах самого нового класса проявлял склонность к каким-либо уклонам. Но теперь это стало ненужным. Не отказываясь ни от чего, что было создано под руководством Сталина, новый класс за последние несколько лет как-будто уже не подчиняется сталинскому авторитету, но на самом деле он не от авторитета Сталина отказывается, а только от сталинских методов, которые, по словам Хрущева, приносили вред «хорошим коммунистам».

Революционная эпоха Ленина сменилась эпохой Сталина, при котором власть и собственность, а также индустриализация были настолько укреплены, что для нового класса могла начаться желаемая им мирная и обеспеченная жизнь. *Революционный* коммунизм Ленина сменился *догматическим* коммунизмом Сталина, которому в свою очередь пришел на смену *недогматический* коммунизм так называемого коллективного руководства, то-есть группы олигархов.

Таковы три фазы развития нового класса в Советском Союзе и русского коммунизма, да и, в общих чертах, всякого другого коммунизма.

На долю югославского коммунизма выпало соединить все эти три фазы в лице Тито и окрасить их присущими ему личными и национальными чертами. Тито — выдающийся революционер, но у него нет своих идей; он достиг личной власти, но у него нет сталинской подозрительности и догматизма. Подобно Хрущеву, Тито — человек, вышедший «из народа», иначе говоря, из средних слоев партии. Весь путь, который прошел югославский коммунизм — совершая революцию, копируя сталинизм, затем отказываясь от сталинизма и пустившись в поиски собственного лица — весь этот путь выражен в личности самого Тито. Югославский коммунизм был более последователен, чем другие коммунистические партии, сохраняя сущность коммунизма, но в то же время не отказываясь видоизменять его по мере надобности.

Эти три фазы в развитии нового класса — Ленин, Сталин и «коллективное руководство» — ни по сущности, ни по идеям не отделены полностью одна от другой. При случае и Ленин склонялся к догматизму, и Сталин прибегал к революционным методам; точно так же и коллективное руководство прибегнет к тому или другому, если это будет нужно. Больше того, если догматизм и не свойствен самому коллективному руководству, то-есть верхушке нового класса, то, по его мнению, весь народ должен еще более упорно «воспитываться» в духе все той же догмы, в духе марксизма-ленинизма. Тем не менее, не исключена возможность, что укрепляя свою экономическую мощь,

ослабляя догматическую суровость и исключительность, новый класс станет более гибким.

Героическая эра коммунизма прошла. Эпоха великих вождей кончилась. Настала эпоха практиков. Новый класс создан. Сейчас он в зените своей власти и благосостояния, но никаких новых идей у него нет. Ему нечего больше сказать народу. Единственное, что остается сделать этой власти, это — оправдать себя.

5

Было бы не так необходимо настаивать на том, что когда мы говорим о современном коммунизме, речь идет о новом собственническом и эксплуататорском классе, а не просто о временной диктатуре и произвольно установленной ею бюрократии, если бы некоторые коммунисты антисталинцы, включая Троцкого, а также некоторые социал-демократы не высказывали мнения, что наличие правящего слоя — всего лишь временное (бюрократическое) явление, от которого так же приходится страдать новому идеальному бесклассовому обществу, в период его младенчества, как приходилось страдать буржуазному обществу под пятой Кромвелля или Наполеона.

В действительности, однако, новый класс, это в самом деле новый класс с особым составом и особой властью. Исходя из любого научного определения того, что такое класс, хотя бы из марксистского определения, по которому одни классы стоят ниже других, в зависимости от их особого положения в процессе производства, мы приходим к выводу, что в Советском Союзе и в других коммунистических странах существует новый класс собственников и эксплуататоров. Отличительной чертой этого нового класса является принадлежащая ему коллективная собственность. Недаром коммунистические теоретики утверждают, а некоторые из них даже верят, что коммунизм осуществил принцип коллективной собственности.

Коллективная собственность в различных формах существовала во всех ранних обществах. Все древневосточные деспотии основывались на преобладании собственности государства или государя. В древнем Египте пахотная земля перешла в частную собственность после 15-го века до нашей эры. До этого времени существовала частная собственность только на дома и на прилегавшие к ним строения. Государство давало землю для обработки, но государственные чиновники управляли ею и собирали налоги. Каналы и различные сооружения, так же как и важнейшие предприятия, принадлежали государству. Фактически, до того, как Египет потерял независимость в первом веке нашей эры, все принадлежало государству.

Это помогает понять обожествление фараонов, царей или императоров, которое имело место во всех деспотиях древности. Такая форма собственности объясняет также проведение таких гигантских работ, как строительство храмов, мавзолеев, дворцов, каналов, дорог и укреплений.

Римское государство рассматривало все завоеванные земли, как государственную собственность. Ему принадлежало огромное количество рабов. У средневековой церкви тоже была коллективная собственность.

Что касается капитализма, то по самой природе своей он был врагом коллективной собственности, вплоть до появления акционерных обществ. Даже и после этого он продолжал враждебно относиться к коллективной собственности, несмотря на то, что он не мог противодействовать ее развитию и расширению сферы ее распространения.

Коммунисты не придумали коллективной собственности, как таковой, но они придали ей всеобъемлющий характер. При коммунизме коллективная собственность приняла гораздо более обширные размеры, чем во все прежние эпохи, даже чем в эпоху фараонов. Вот и все, что сделали коммунисты.

Собственность нового класса, как и он сам, образовывалась постепенно, постоянно меняя при этом

свой характер. Сперва лишь небольшая часть народа сознавала необходимость сосредоточить всю экономическую власть в руках политической партии ради того, чтобы провести индустриализацию. Партия, действуя, как «авангард пролетариата» и как «самое просвещенное социалистическое правительство», настаивала на этой централизации, которая могла быть осуществлена только при перемене режима собственности. Эта перемена произошла фактически и юридически путем национализации, сначала крупных предприятий, а потом и мелких. Уничтожение частной собственности было предпосылкой для индустриализации и положило начало образованию нового класса. Но без той особой роли, которую они присвоили себе в административном аппарате и распределения собственности, коммунисты не могли бы образовать из своей среды новый класс, да и вообще новый класс не мог бы ни образоваться, ни прийти к власти. Все материальные блага были постепенно национализированы, но благодаря предоставленному новому классу праву владения, пользования и распоряжения ими, они стали собственностью определенного слоя в партии, из которого в дальнейшем выросла бюрократия.

В виду значения собственности для власти и в виду своего желания пользоваться плодами этой собственности, партийная бюрократия не может отказаться от распространения этого своего права собственности даже на самые мелкие орудия производства. Из-за своего тоталитарного и монопольного характера, новый класс отказывается терпеть в стране что бы то ни было, чем он не распоряжается и не управляет, и стремится все прибрать к рукам, все подчинить своей власти.

Сталин говорил в свое время, накануне коллективизации, что возник вопрос «кто кого», хотя советское правительство не встречало серьезного сопротивления со стороны политически и экономически неорганизованного крестьянства. Новый класс не был уверен в своем положении до тех пор, пока были какие-то другие собственники кроме него. Он не мог рисковать саботажем в снабжении продуктами питания или

сельскохозяйственным сырьем. Это было непосредственной причиной наступления на крестьянство. Но была и другая причина: причина классовая. При неустойчивом положении крестьяне могли стать опасными для нового класса. Поэтому новому классу нужно было подчинить себе крестьянство, как экономически, так и административно. Это было сделано путем организации колхозов и машино-тракторных станций, что опять-таки, потребовало увеличения численности нового класса и в самой деревне. В результате этого, и в деревнях разросся бюрократический аппарат.

Тот факт, что конфискация собственности у других классов, особенно у мелких собственников, привела к уменьшению продукции и к экономическому хаосу, не имел значения для нового класса. Для него, как для всех собственников в любые времена, всего важнее было достижение и укрепление его собственности. Приобретение собственности пошло ему на пользу, хотя народ в целом от этого и пострадал. Коллективизация крестьянских хозяйств была экономически нерентабельна, но она была нужна новому классу для укрепления его власти и защиты его собственности.

Точных статистических данных по этому вопросу нет, но все имеющиеся сведения подтверждают, что по сравнению с урожаями в царской России, урожай на гектар в Советском Союзе не увеличился и что поголовье скота там до сих пор не достигло дореволюционного уровня.

Потери в урожае и в поголовье скота можно подсчитать, но что сказать о неисчислимых потерях в людской силе, о миллионах крестьян, которые были сосланы в концлагери? Коллективизация была страшной, разрушительной войной, она была предприятием безумным, но полезным для нового класса, потому что она укрепляла его власть.

Различными способами — путем национализации и принудительной коллективизации, высоких налогов, искусственных цен — частная собственность была уничтожена и превращена в собственность коллективную. Завладели этой собственностью люди нового

класса, что сразу же и сказалось в изменении их психологии, образа жизни и материального положения, пропорционально тому, на какой ступени иерархической лестницы они находились. У них появились дачи, хорошие квартиры, хорошая мебель и тому подобное. Для высшей бюрократии — этой элиты нового класса — были выделены наилучшие жилища и недоступные для других санатории. Партийные секретари и начальники политической полиции не только стали представителями высшей власти в стране, но и получили самые роскошные квартиры, самые лучшие автомобили и другие вещественные доказательства, выпавших на их долю привилегий. Те, кто были ниже по рангу, тоже получили привилегии, соответствующие их положению в иерархии. Государственный бюджет, «подарки», стройки, переоборудования, которые производились для нужд государства и его представителей, все это стало постоянным, неисчерпаемым источником привилегий для политической бюрократии.

Только в тех случаях, когда новый класс был не в состоянии удержать собственность, которую он узурпировал, или в тех случаях, когда владение ею слишком дорого обходилось или становилось опасным в политическом отношении, делались уступки другим слоям общества, или же изыскивались новые формы собственности. Так, например, в Югославии отказались от коллективизации потому, что крестьяне сопротивлялись ей, и потому что постоянное понижение производства сельскохозяйственной продукции в результате коллективизации, было слишком опасным для режима. Однако, новый класс никогда не отказывался в таких случаях от своего права снова конфисковывать эту собственность или сделать ее коллективной. Новый класс и не может отказаться от этого права, потому что, если он это сделает, он перестанет быть тоталитарным и монопольным.

Никакая бюрократия, будучи бюрократией и только, не проявила бы такого упорства в достижении своих целей. Только люди, раз навсегда связавшие свою судьбу с новыми формами собственности и со

стремлением к новым формам производства, способны на такое упорство.

Маркс предвидел, что пролетариат после своей победы может подвергнуться опасности со стороны прежде господствовавших классов и со стороны своей собственной бюрократии. Когда коммунисты, в особенности югославские коммунисты, критикуют административные и бюрократические методы Сталина, они обычно ссылаются на предсказания Маркса. Но то, что в наши дни происходит с коммунизмом, имеет мало отношения к Марксу и никакого к его предсказаниям. Маркс думал о той опасности, которую может вызвать рост паразитарной бюрократии, преобладающей и в современном коммунизме. Но Марксу никогда не приходило в голову, конечно, что нынешние коммунисты, которые распоряжаются материальными благами, в интересах, даже не бюрократии в целом, а своей узкой касты, сами как раз и станут той паразитарной бюрократией, которую он имел в виду. Причем ссылка на Маркса еще служит им удобным извинением, когда подвергаются критике излишества тех или иных слоев нового класса или недостатки администрации в целом.

Современный коммунизм, это не просто партия особого типа и не просто бюрократия, обязанная своим происхождением чрезмерному вмешательству государства в хозяйственную жизнь. Основная черта современного коммунизма, это именно этот новый класс собственников и эксплуататоров.

6

Ни один класс еще не образовался сам собой, даже если восхождение его сопровождалось организованной и сознательной борьбой. Верным это остается и для нового класса собственников при коммунизме, но воплощает ряд характерных особенностей. Поскольку связь нового класса с хозяйственным и общественным строем окружавшего его общества была

очень поверхностной и поскольку он вырос из одной специфической партии, класс этот нуждался в возможно более разработанной организационной структуре и должен был сосредоточить все свои усилия на создании объединенного, сбалансированного и проникнутого классовым сознанием фронта. Поэтому новый класс гораздо лучше организован и обладает более развитым классовым сознанием, чем любой другой класс в истории.

Верно это, впрочем, лишь поскольку он обращен к внешнему миру, к другим классам и общественным силам. Никакой другой класс в истории не был настолько сплочен и един в защите себя и того, что ему принадлежит, то-есть в защите коллективной монопольной собственности и тоталитарной власти. Но с другой стороны, можно об этом новом классе сказать, что он и самый заблуждающийся, наименее сознающий свою сущность. Каждый частный капиталист или феодалный владетель сознавал свою принадлежность к какой-то определенной социальной группе. Обычно он верил, что эта группа призвана сделать человечество счастливым, и что без нее был бы хаос и всеобщее разорение. Коммунист — член нового класса — также верит, что без его партии общество стало бы регрессировать и погибло бы. Но он не сознает того, что он сам принадлежит к новому собственническому классу, так как он не считает себя собственником и не принимает во внимание привилегий, которыми пользуется. Он считает, что принадлежит к группе людей с определенными идеями, установками и с определенной ролью в обществе. Это все, что он видит. Он не видит того, что в то же самое время он принадлежит к особой социальной категории: *к классу собственников.*

Коллективная собственность, которая суживает рамки класса, в то же самое время лишает этот класс сознания его классовой сущности, так что каждый отдельный коллективный собственник заблуждается, думая, что он всего лишь принимает участие в движении, направленном к тому, чтобы уничтожить классы в обществе.

Сравнение некоторых характерных черт нового класса с чертами, присущими другим собственническим классам, обнаруживает много сходства, но и некоторое различие. Подобно прежней буржуазии, новый класс жаден и ненасытен, но у него нет тех добродетелей бережливости и хозяйственности, которые были у буржуазии. Новый класс так же выделен и обособлен, как была обособлена аристократия, но у него нет аристократической утонченности и гордой рыцарственности.

Новый класс обладает также и некоторыми преимуществами, по сравнению с другими классами. Благодаря своей большой сплоченности, он лучше подготовлен к серьезным жертвам и героическим делам. Отдельный член класса полностью подчинен классу в целом; по крайней мере, господствующий принцип требует от него такого подчинения, даже когда он стремится к собственной выгоде. Новый класс достаточно силен, чтобы проводить хозяйственные и другие планы, которые никакой другой класс осуществить не мог. Поскольку новый класс обладает всем народным достоянием, он имеет возможность всецело отдаться поставленным им себе целям и направлять все народные силы на достижение этих целей.

Собственность в ее новой форме — не то же самое, что правительственная власть, но власть эта ее создала и поддерживает ее. Пользование, владение и распоряжение собственностью, это привилегия партии, партийной верхушки.

Члены партии чувствуют, что власть и распоряжение собственностью ставят их в привилегированное положение. Поэтому в их рядах неизбежен становится рост беспринципного честолюбия, лицемерия, лести и зависти. Карьеризм, распухание бюрократии — неизлечимые болезни коммунизма. В результате того, что коммунисты превратились в собственников и что путь к достижению власти и материальных привилегий открыт только при условии «преданности» — партии, классу, «социализму» — беспринципное честолюбие неизбежно должно было стать бытовым яв-

лением и даже одним из главных путей развития коммунизма.

В некоммунистических странах явления карьеризма и беспринципного честолюбия означают, что бюрократом быть выгодно или же, что собственники превратились в паразитов, вследствие чего управление собственностью перешло в руки служащих. Но при коммунизме, карьеризм и беспринципное честолюбие свидетельствуют о неудержимом стремлении к собственности и к привилегиям, проистекающим из распоряжения материальными благами и людьми.

Принадлежность к собственническим классам прежнего типа не определялась владением какой-либо определенной собственностью. Еще меньше эти два момента совпадают при коммунизме, поскольку при нем собственность стала коллективной. Для того, чтобы быть собственником или совладельцем, совершенно достаточно отныне принадлежать к правящей политической бюрократии.

В новом классе, как и в других классах, отдельные лица остаются за бортом, тогда как другие поднимаются все выше по иерархической лестнице. В частновладельческих классах люди, принадлежавшие к ним, оставляли свою собственность в наследство потомкам. В новом классе никто ничего не наследует, кроме стремления подняться самому вверх по иерархической лестнице. В самом деле: новый класс образуется из низшего и самого широкого общественного слоя и находится в непрерывном движении. Хотя социолог и мог бы определить, кто принадлежит к новому классу, но это стоило бы ему не малого труда; новый класс постоянно обновляет свой состав за счет других, низших классов и все время меняется.

Путь к вершинам власти теоретически открыт для всех, точно так же, как в свое время говорилось, что у каждого из наполеоновских солдат был в ранце маршальский жезл. Все, что нужно для продвижения на этом пути — это беззаветная преданность партии, то есть новому классу. Доступный, широкий в своем основании, этот новый класс становится все уже по мере приближения к верхушке. Для подъема по

этой лестнице недостаточно одного желания; нужно еще обладать способностью понимать и развивать теоретические положения, показывать себя твердым в борьбе против оппозиции, проявлять исключительную ловкость и сообразительность во внутрипартийных раздорах и, вместе с тем, особый талант в деле укрепления нового класса. Много званных, но мало избранных. Если в некоторых отношениях новый класс более открыт, чем были прежние классы, то в других отношениях он гораздо более замкнут. Так как одна из существенных черт нового класса — монополия власти, замкнутость его еще увеличивается иерархическими предрассудками бюрократии.

Нигде и никогда не был так широко открыт путь всем, кто предан и лоялен, как при коммунизме. Но продвижение к вершинам власти никогда еще не было так трудно, не требовало стольких жертв и не было столь губительным для многих. С одной стороны, коммунизм всем открыт и милостив ко всем; с другой стороны, он замкнут и нетерпим даже по отношению к своим собственным последователям.

7

Тот факт, что в коммунистических странах существует новый собственнический класс еще не объясняет *всего*, но служит важнейшим ключом для понимания перемен, периодически происходящих в этих странах, особенно в Советском Союзе.

Само собой разумеется, каждая такая перемена в любой стране, как и в коммунистической системе в целом, должна рассматриваться отдельно, чтобы можно было определить ее значение и ее размеры в данных условиях. Но для такого анализа требуется прежде всего возможно полнее понять суть самой системы.

В связи с теперешними переменами в Советском Союзе полезно будет отметить, мимоходом, что происходит в колхозах. Установление колхозов и политика советского правительства по отношению к ним,

ясно показывает эксплуататорскую сущность нового класса.

Ни для Сталина, ни для Хрущева колхозы не представляли и не представляют собой «социалистической», по строгой логике, формы собственности. На практике это значит, что новому классу еще не удалось полностью взять в свои руки управление деревней. Путем введения колхозов и системы принудительных сельскохозяйственных поставок, новый класс превратил крестьян в своих вассалов и берет себе львиную долю их дохода; но он еще не стал единственной силой в стране. Сталин прекрасно сознавал это. В своей работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин предусматривал, что колхозы должны стать государственной собственностью, иначе говоря, собственностью бюрократии. А Хрущев, хоть и критиковал Сталина за его чрезмерное применение чисток, отнюдь не отказался от его взглядов на собственность в колхозах. Когда новое партийное руководство послало в колхозы тридцать тысяч партийных работников и назначило их в большинстве случаев председателями колхозов, эта мера вполне соответствовала сталинской политике.

Как это было и при Сталине, теперешнее руководство, проводя политику так называемой демократизации, всего лишь расширяет пределы «социалистической» собственности, то есть собственности нового класса. Децентрализация экономики не означает перехода собственности в другие руки; она только увеличивает права низших слоев бюрократии, т. е. низших слоев нового класса. Если бы так называемая демократизация и централизация значили что-либо иное, это выразилось бы в том, что хоть часть народа получила бы политические права, уполномочивающие влиять на распределение материальных благ. Народ, по меньшей мере, получил бы право критиковать произвол олигархии. Это привело бы к образованию нового политического движения, пусть лишь в виде лояльной оппозиции. Однако, об этом нет и речи, как и нет речи о демократии в партии. Демократизация и децентрализация имеют силу лишь для коммунистов:

первая — для олигархии, для руководителей нового класса, вторая — для низших слоев нового класса. Это просто новый метод — неизбежный при изменившихся условиях — для дальнейшего утверждения и укрепления монопольной собственности и тоталитарной власти нового класса.

Наличие в коммунистических странах нового собственного, монопольного и тоталитарного класса склоняет к выводу, что все нововведения коммунистических вождей продиктованы прежде всего интересами и стремлениями нового класса, который, как и всякая другая социальная группа, живет и действует, защищается и наступая с целью увеличить свою власть. Это не значит, что нововведения эти не могут иметь значение и для всего остального народа. Хотя они еще и не изменили сколько-нибудь заметно коммунистического строя, их все же не следует недооценивать. Чтобы определить их размеры и значение, нужно ознакомиться с их сущностью.

Коммунистический режим, как и все другие, должен считаться с настроениями и движениями народных масс. Вследствие замкнутости коммунистической партии и отсутствия свободного мнения в ее рядах у режима нет ясного представления о положении народных масс. Но все же недовольство их доходит до сознания партийной верхушки. Несмотря на тоталитарный характер его власти, нельзя сказать, чтобы новый класс оставался вполне неуязвимым для любого вида оппозиции.

После их прихода к власти, коммунистам не трудно свести счеты с буржуазией и крупными землевладельцами. Ход истории неблагоприятен для этих групп и для их собственности, и против них легко возбудить народные массы. Отобрать собственность от буржуазии и крупных землевладельцев нетрудно; трудности возникают, когда дело доходит до захвата мелкой собственности. Окрепнув в результате прежних конфискаций, коммунисты справляются и с этим. Новый социальный строй принимает ясные очертания: старых классов и прежних собственников больше нет;

общество стало «бесклассовым» или идет к этому; люди начали жить по-новому.

При таких условиях требования возврата к дореволюционному строю кажутся нереальными, если не смешными. Для старых производственных отношений нет больше ни материальной, ни социальной базы. Коммунисты относятся к подобным требованиям с насмешкой.

Новый класс весьма чувствителен к идущим из народа требованиям свободы, но лишь к требованиям определенного вида свободы, а не свободы вообще и не политической свободы. Всего чувствительней он к требованиям свободы мысли и критики, в рамках теперешних условий и в рамках так называемого «социализма»; но отнюдь не к требованиям возврата к прежнему социальному строю и к прежнему режиму собственности. Эта чувствительность проистекает из особого положения нового класса.

Новый класс инстинктивно чувствует, что все народное достояние принадлежит на деле ему и что термин «государственная», «социалистическая» или «общественная» собственность — всего лишь юридическая фикция. Новый класс считает также, что всякое нарушение его тоталитарной власти было бы опасно для его собственности. Вследствие этого он противится свободе *во всех ее видах*, мотивируя это желанием защитить «социалистическую» собственность. Критика его монопольного распоряжения собственностью вызывает у нового класса опасение потерять власть. Новый класс чувствителен к этой критике и к связанным с ней требованиям постольку, поскольку они разоблачают его приемы управления страной и удерживания власти в своих руках.

Здесь мы наталкиваемся на важное противоречие. Юридически собственность считается обобществленной, народной собственностью. Но на деле, одна единственная группа распоряжается ею — в своих интересах, а не в интересах всего общества. Расхождение между юридическим и фактическим положением вещей постоянно приводит к запутанным и аномальным производственным и общественным отношениям. Оно оз-

начает также, что слова руководящей группы не соответствуют ее делам и что все ее действия направлены к укреплению ее собственности и ее политического могущества.

Это противоречие не может быть разрешено без того, чтобы не пошатнулось положение нового класса. Другие правящие, собственнические классы тоже не могли разрешить подобные противоречия до тех пор, пока насильственно не лишались своей монопольной власти и собственности. Во всех тех случаях, когда общество в целом пользовалось более высокой степенью свободы, правящие классы так, или иначе, вынуждены были отказаться от монополии собственности. Верно и обратное: там, где монополия собственности была невозможной, свобода в какой-то мере становилась неизбежной.

При коммунизме власть и собственность почти всегда находятся в одних и тех же руках, но факт этот скрыт под юридической оболочкой. При классическом капитализме рабочий и капиталист были равны перед законом, хотя рабочий подвергался эксплуатации, а капиталист был эксплуататором. При коммунизме, юридически, все пользуются равными правами в отношении материальных благ, и собственником считался народ. Но на деле из-за монопольного характера власти и управления государством, правами собственности пользуется только очень узкий слой администраторов.

Всякое настоящее требование свободы при коммунизме, требование, которое задевает сущность коммунизма, сводится к требованию согласовать общественные отношения и режим собственности с тем, что говорится в законах. В ответ на требование свободы, подкрепленное указанием на то, что продукты производства, вырабатываемые народом, использовались бы более разумно, если бы находились под контролем общества, или свободно избранных его представителей, а не в руках частной монополии или частного собственника, новый класс был бы вынужден либо пойти на уступки, либо сбросить с себя маску и признать свои собственнические и эксплуататор-

ские черты. Но тот вид собственности и эксплуатации, который новый класс создает, используя свою власть и свои административные привилегии, таков, что сам этот класс должен этот свой собственнический характер отрицать. Оттого то он и подчеркивает постоянно, что осуществляет свою власть и исполняет свои административные функции во имя народа в целом и ради того, чтобы сохранить народную собственность.

Все это делает юридическое положение нового класса неопределенным и порождает для него большие внутренние затруднения. Повсюду обнаруживается расхождение между его словами и делами. Обещая уничтожить все социальные различия, новый класс только и делает, что увеличивает их, получая и распределяя по своему усмотрению продукты народного труда и раздавая привилегии своим сторонникам. Он не устает провозглашать, что выполняет свою историческую миссию «окончательного» освобождения человечества от всякой нужды и от всяких бедствий, а подлинные действия его идут в совершенно обратном направлении.

Противоречие между существующим на деле собственническим положением нового класса и его юридическим положением не только дает основание для критики со стороны, но и способно внести разложение в ряды самого нового класса, так как привилегиями фактически пользуются лишь немногие его члены. Это противоречие, обостряясь, может привести к подлинным переменам в коммунистической системе, хочет ли их правящий класс или нет. Очевидность его и была причиной тех перемен, на которые новый класс вынужден был пойти, в частности, так называемой демократизации и децентрализации.

Вынужденный отступать и делать уступки отдельным общественным группам, новый класс стремится затушевать противоречие и удержаться на завоеванных позициях. И поскольку он цепляется за свою собственность и власть, все его мероприятия, даже имеющие демократический характер, обнаруживают стремление поддержать и усилить политическую бюрокра-

тию. При коммунизме демократические мероприятия превращаются в способы дальнейшего укрепления позиций правящего класса. В древние времена на Востоке рабство неизбежно влияло на всю деятельность общества и на все его составные части, включая семью. Точно так же монопольная и тоталитарная власть правящего класса в коммунистических странах налагает свой отпечаток на все области общественной жизни, даже если сами власть имущие и не стремятся к этому.

В Югославии, так называемое рабочее самоуправление, которое во время борьбы против советского империализма было задумано, как широкая демократическая мера, направленная к тому, чтобы лишить партию ее монополии в области администрации, постепенно превратилось в одну из отраслей партийной работы. Реформа эта, таким образом, системы не изменила. Новую демократию таким способом вряд ли удастся создать. Тем более, что главное в этом случае сделано не было. Рабочее самоуправление не принесло с собой участия в прибылях для тех, кто работает на производстве. Этого участия нет ни в национальном масштабе, ни на отдельных предприятиях. Рабочее самоуправление постепенно превратилось в нечто вполне безопасное для режима. Налогами и другими мерами режим присвоил себе даже и ту часть прибылей, которую рабочие надеялись получить для себя. Рабочим остались только крохи с господского стола, да иллюзии. Без свободы для общества в целом, даже и рабочее самоуправление не может быть свободным. В несвободном обществе никто не может ничего решить свободно. Те, кто якобы подарил рабочим свободу, наибольшую выгоду из нее ухитрились извлечь для себя самих.

Это не значит, однако, что новый класс никакие реальные уступки народу сделать не может, хотя бы заботясь при этом только о собственных интересах. Рабочее самоуправление или децентрализация, это уступка массам. Обстоятельства могут заставить новый класс, каким бы монопольным и тоталитарным он ни был, отступить перед народными массами. В

1948 году, когда разразился конфликт между Югославией и Советским Союзом, югославские руководители были вынуждены провести некоторые реформы. Но они приостановили их проведение и даже аннулировали их, как только почувствовали себя в опасности. Нечто похожее происходит теперь в странах восточной Европы.

Защищая свою власть, правящий класс бывает вынужден проводить реформы каждый раз, когда народу становится ясно, что этот класс распоряжается народным достоянием, как своим собственным. При этом он такие реформы не выдает за то, что они есть на самом деле, а через своих глашатаев утверждает, что они — часть «дальнейшего развития социализма» или «социалистической демократии». На самом же деле основа для реформ создается, когда описанное выше противоречие становится очевидным народу. В силу исторических обстоятельств новый класс вынужден все время заботиться об укреплении своей власти и собственности, хотя бы и скрывая при этом правду. Он вынужден все время делать вид, что он успешно строит общество счастливых граждан, в котором все пользуются равными правами и освобождены от всех видов эксплуатации. Новый класс постоянно и неизбежно впадает в глубокие внутренние противоречия. Сколько бы он ни указывал на исторические причины своего прихода к власти, добиться прямого признания своих собственнических прав он не может, и вместе с тем он не может отказаться от собственности, не подрывая своего могущества. Поэтому ему приходится оправдывать свою все возрастающую власть ссылкой на абстрактные и нереальные цели.

Новый класс, это класс, власть которого над людьми беспримерна в истории. Именно поэтому кругозор его ограничен, а взгляды шатки, потому что они покоятся на лжи. Тесно замкнутый в себе и полностью изолированный, новый класс неспособен, при всей своей абсолютной власти, здраво оценивать свою собственную роль и роль окружающих его людей.

Закончив индустриализацию, новому классу теперь ничего другого не остается, как укреплять свою

грубую мощь и грабить народ. Он перестает творить. Его духовное наследство обволакивает тьма.

Хотя революцию и можно рассматривать, как величайшее достижение нового класса, способы его правления представляют собой одну из самых позорных страниц в истории человечества. Будущие поколения будут поражаться грандиозностью того, что он совершил, но будут стыдиться тех способов, которыми он этого добился.

Когда новый класс сойдет с исторической сцены — а это должно случиться — люди будут горевать о нем меньше, чем о любом другом классе, существовавшем до него. Уничтожив все, что не отвечало его эгоистическим интересам, новый класс сам себя осудил на неудачу и позорную гибель.

Глава четвертая

ПАРТИЙНОЕ ГОСУДАРСТВО

1

Механизм коммунистической власти едва ли не самый простой, какой только можно себе представить, хоть он и ведет к самой утонченной тирании и к самой грубой эксплуатации. Простота эта объясняется тем, что единственная партия, коммунистическая, образует собой стержень всей общественной деятельности — политической, хозяйственной, идейной. Вся общественная жизнь останавливается или движется вперед, отстает или погибает в сторону, в зависимости от того, что делается в партийных органах.

При коммунистической системе люди быстро начинают понимать, что разрешено и что не разрешено. Законы и постановления особого значения для них не имеют. Важны фактические, неписанные правила, определяющие отношения между правительством и его подданными. Независимо от того, что говорится в законах, каждый знает, что управление страной находится в руках партийных комитетов и тайной полиции. Так называемая «руководящая роль» партии нигде точно не определена, но ее власть твердо установлена во всех организациях и во всех областях жизни. Нет закона, который давал бы право тайной полиции руководить жизнью граждан, но на деле она всемогуща. Никакой закон не предписывает суду и прокурорам подчиняться тайной полиции и партийным

комитетам, но на самом деле они им подчинены. Большинство людей знает, что это именно так. Каждый знает, что можно и чего нельзя делать и что от кого зависит. Люди приспосабливаются к обстановке и к фактическим условиям и обращаются по всем важным делам к партийным органам или к органам, находящимся под непосредственным партийным контролем.

Руководство общественными организациями или учреждениями осуществляется следующим образом: коммунисты образуют ячейку, которая по всем вопросам обращается к соответствующим политическим органам. Но это в теории; на практике дело обстоит так: в тех случаях, когда учреждением или организацией управляет человек, пользующийся в партии авторитетом, он, по мелким вопросам, не советуется ни с кем. Коммунисты осваиваются с этой системой, и с отношениями, вытекающими из нее; они научаются различать важные и менее важные вопросы, и обращаются к высшим партийным органам только по важным вопросам. Ячейка существует лишь потенциально; важные решения принимаются партией; мнение тех, кто выбирал правительство или правление какой-либо организации не имеет никакого значения.

Коммунистический тоталитарный режим и новый класс зародились в то время, когда коммунистическая партия подготавливала революцию; коммунистические методы управления и властвования восходят к тому же времени. Партийные органы, которым принадлежит ведущая роль в составе правительственных и общественных организаций, это просто прежняя коммунистическая ячейка, которая с тех пор расширялась, развивалась, усовершенствовалась. Что же касается «ведущей роли» партии в так называемом «строительстве социализма» то и она восходит к старой теории о партии, как об авангарде рабочего класса, с той лишь разницей, что в те времена теория эта имела для общества другое значение, чем нынче. До того, как коммунисты узурпировали власть, она была им нужна для образования революционных кадров и органов; нынче ею стремятся оправдать тоталитарную власть ново-

го класса. Одно вытекает из другого, но отличия от этого не исчезают. Революция, со всем тем, что она несла с собой, была неизбежна и была нужна той части общества, которая неудержимо стремилась к техническому и экономическому прогрессу. Но тоталитарная тирания нового класса, выросшая из революции, стала тяжелым ярмом, которое давит на все общество в целом. Революционные формы превратились в реакционные. То же самое произошло и с коммунистическими ячейками.

Есть два основных метода, пользуясь которыми коммунисты управляют всей общественной жизнью. Первый, в принципе считающийся главным методом — управление посредством ячеек. Второй, более практический, заключается в том, что определенные правительственные посты предоставляются только членам партии. В число этих постов, важных во всяком государственном строе, но особенно в коммунистическом, входят полицейские должности — преимущественно в тайной полиции — дипломатические посты, командные посты в армии; в особенности же все те, что связаны с информационной и политической работой. В судебном аппарате, до последнего времени, только высшие посты были в руках коммунистов. Судебный аппарат подчинен партийным и полицейским органам, но работа в нем оплачивается, как правило, плохо, и до сих пор она не особенно привлекала коммунистов. Однако, за последнее время наблюдается тенденция, с одной стороны, рассматривать службу в судебном аппарате, как исключительную привилегию членов партии, а с другой, умножать выгоды, которыми пользуются представители этого аппарата. Таким образом, наблюдение сверху над судебным аппаратом может быть ослаблено, а то и вовсе отменено, и тем не менее, партия может не сомневаться, что он будет продолжать действовать соответственно ее намерениям или, как говорится, «в духе социализма».

В коммунистическом государстве — и только в нем одном — существует целый ряд заранее определенных или не определенных постов, которые забронированы

для членов партии. Коммунистический строй, будучи классовым, остается тем не менее партийным строем, коммунистическая армия — партийной армией и государство — партийным государством. Точнее говоря, коммунисты склонны рассматривать армию и государство, как орудия, которыми они одни вправе распоряжаться.

Неписанный закон, согласно которому только члены партии могут становиться работниками полиции, старшими офицерами, дипломатами, или занимать другие, такого же рода посты; закон, по которому им одним предоставлена подлинная власть, создает особую привилегированную группу бюрократов и упрощает правительственный и административный механизм. Партийная ячейка до такой степени разрослась, что стала исполнять все главные функции государства. В результате, ячейка, как таковая, исчезла, а все эти функции вошли в поле деятельности партии.

Коммунистический государственный строй не признает коренного различия между работой правительственных учреждений и работой партийных организаций. Примером этого могут служить взаимоотношения между партией и тайной полицией. Партия и полиция тесно переплетаются в своей повседневной деятельности. Различие между ними заключается только в распределении работы.

Таким же образом построен и весь правительственный аппарат. На политические посты назначают исключительно члены партии. Даже в неполитических правительственных органах коммунисты занимают ключевые посты. Достаточно созвать партийное собрание в центре или напечатать статью в партийном органе, чтобы весь государственный и общественный механизм пришел в действие. Если где-либо возникают трудности, партия и политическая полиция быстро исправляют эти, так называемые, «ошибки».

Мы уже говорили об особенностях коммунистической партии. Но есть и другие ее специфические черты, которые помогают определить сущность коммунистического государства.

Коммунистическая партия обязана своим совсем особым характером не только тому, что она — партия революционная, что она централизована, что в ней соблюдается военная дисциплина, что она ставит себе определенные цели и так далее. Есть и другие партии со сходными чертами, хотя в коммунистической партии они, быть может, и выражены сильнее.

Зато в одной лишь коммунистической партии идеологическое единство, то-есть, единое мировоззрение и единый взгляд на развитие общества, обязательны для всех ее членов. В полной мере это относится только к лицам, работающим в высших партийных органах. Другие, нижестоящие члены партии, обязаны только заявлять на словах о том, что исповедуют те же самые, одинаковые для всех идеологические взгляды, да исполнять приказы, идущие сверху. Заметна, однако, тенденция подгонять идеологическую «сознательность» членов партии, стоящих на низших ступенях, к уровню той, какая предполагается у руководителей.

Ленин не считал, что все члены партии должны придерживаться одинаковых взглядов. Но на практике он опровергал и отбрасывал все взгляды, которые представлялись ему «немарксистскими», или «непартийными», то-есть, все те взгляды, которые, по его мнению, не способствовали укреплению партии и противоречили его собственным планам на этот предмет. Сводя счеты с теми или иными оппозиционными группами внутри партии, он действовал иначе, чем Сталин. Ленин своих подчиненных не убивал, он их всего лишь подавлял. Пока он был у власти, в партии еще существовали и свобода высказываний и право голосования. Беспрекословная власть повсюду и во всем еще не была утверждена.

Сталин требовал от всех членов партии, в добав-

чение к прежнему, политическому, еще и идеологическое единство; он вменял им в обязанность придерживаться одинаковых для всех философских и других воззрений. В этом-то и заключается сталинский вклад в ленинское учение о партии. Сталин выработал понятие об обязательном идеологическом единстве еще во времена своей ранней юности; при нем насильственное единодушие стало неписанным законом всех коммунистических партий и остается им доныне.

Югославские руководители придерживались и все еще придерживаются тех же взглядов, точно так же, как советское «коллективное руководство» и руководства других коммунистических партий. Этот упор на обязательное идеологическое единство в партии — доказательство того, что не произошло никаких коренных перемен. При нынешнем коллективном руководстве свободная дискуссия так же невозможна, как и прежде, или возможна только в очень узких рамках.

Что означает обязательное идеологическое единство для партии, и к чему оно приводит?

Его последствия имеют громадное значение. Во всякой партии, а особенно в коммунистической, власть находится в руках ее руководителей и высших партийных органов. Обязательность идеологического единства, особенно в централизованной и скованной железной дисциплиной коммунистической партии, неизбежно приводит к тому, что центральному руководству присваивается также и руководство над мышлением всех членов партии. При Ленине идеологическое единство достигалось дискуссией на верхах партии; Сталин диктовал его сам. Нынешнее посталинское так называемое коллективное руководство довольствуется тем, что делает невозможным появление сколько-нибудь новых социально-политических идей. Таким образом марксизм стал теорией, содержание которой определяется исключительно партийными руководителями. Другого марксизма или коммунизма нынче нет, и развитие какой-либо иной его разновидности вряд ли возможно.

Общественные последствия идеологического единства были трагическими. Диктатура Ленина была суrowой, диктатура Сталина — тоталитарной. Запрет всякой идеологической борьбы внутри партии означал конец всех общественных свобод, потому что никто и никакой общественный слой не мог выразить свои взгляды иначе, как через партию. Нетерпимость по отношению к другим идеям и настаивание на том, что только марксизм может считаться научным учением, положили начало идеологической монополии партийного руководства, которая затем превратилась в полную монополию его власти над обществом.

Идеологическое единство партии делает независимые движения невозможными, как внутри коммунистической партии, так и в обществе в целом. Все зависит от партии, которая обладает абсолютной властью над обществом; и внутри ее нет ни малейшей свободы.

Идеологическое единство не возникло внезапно, а как и все в коммунизме, развивалось постепенно и достигло своего апогея в период борьбы за власть между различными партийными группами. Не случайно, что во время восхождения Сталина к власти в середине 20-х годов, от Троцкого впервые открыто потребовали, чтобы он отказался от всяких вообще идей, кроме тех, которые уже были сформулированы партией.

Идеологическое единство партии, это духовная база для единоличной диктатуры. Без него единоличной диктатуры и представить себе нельзя, они взаимно порождают и укрепляют друг друга. Это вполне понятно: идейная монополия или обязательное идеологическое единство — только дополнение и теоретическая маска для единоличной диктатуры. Хотя единоличная диктатура и идеологическое единство начали проявляться уже при первых шагах современного коммунизма или большевизма, твердо установились обе эти черты только тогда, когда коммунизм достиг полновластия. Можно думать, что как господствующие формы, или хотя бы как тенденции, они не исчезнут, пока не падет сам коммунизм.

Подавление идеологических разногласий между руководителями партии уничтожило также различные фракции и течения, а тем самым и всякую демократию в коммунистических партиях. В коммунизме начался период «вождизма»: идеологами считаются теперь в партии просто люди, облеченные властью, хоть и не блестящие умственными способностями.

Покуда сохраняется принцип идеологического единства в партии, сохраняется и единоличная диктатура, или диктатура небольшой группы олигархов, временно уживающихся вместе или соблюдающих равновесие сил, как это происходит сейчас в Советском Союзе. Тенденцию к идеологическому единству можно наблюдать и в других партиях, особенно в партиях, социалистических, на ранних ступенях их развития. Но во всех этих партиях это только тенденция, тогда как в коммунистических партиях единство и в самом деле сделалось обязательным. Обязательно не только быть марксистом, но и придерживаться той разновидности марксизма, которая предписана руководством партии и желательна для него. Из свободной революционной идеологии марксизм превратился в предписанную сверху догму. Как в древневосточных деспотиях, верховная власть толкует и диктует догму; царь и первосвященник — одно лицо.

Обязательное идеологическое единство партии пройдя через различные стадии и формы, осталось и по сей день самой важной характерной чертой большевистских или коммунистических партий.

Если бы эти партии не полагали в то же самое время основу новым классам, и если бы у них не было особой исторической роли, обязательное идеологическое единство не могло бы в них существовать. За исключением коммунистической бюрократии, никакой класс и никакие партии в новейшие времена не достигли полного идеологического единства. Но и ни один класс, ни одна партия не ставили себе задачи перестроить целиком все общество путем политических и административных мероприятий. Для выполнения такой задачи необходима абсолютная, фанатическая вера в справедливость и возвышенность взглядов данно-

го класса или данной партии. Такая задача требует исключительно суровых мер против других социальных групп и других идеологий. Она требует также идеологической монополии над обществом и абсолютного единства правящего класса. По этой причине коммунистическим партиям нужна была исключительная идеологическая сплоченность.

После того, как такое идеологическое единство установлено, оно приобретает силу укоренившегося предрассудка. Коммунистам смолodu внушается мысль, что идеологическое единство или предписывание идей сверху — святая святых, и что фракционализм в партии — величайшее преступление.

Подобно тому, как полнота власти над обществом не могла быть достигнута без сведения счетов с другими социальными группами, так и идеологическое единство невозможно без сведения счетов в рядах самой партии. Оба эти процесса происходят почти одновременно. В представлении сторонников тоталитарной власти они кажутся «объективно» тождественными, хотя первое из них — расправа правящего класса *со своими противниками*, а второе — расправа *внутри правящего класса*. Сталин прекрасно знал, что Троцкий, Бухарин, Зиновьев и другие вовсе не были иностранными шпионами и предателями «социалистического отечества». Но так как их разногласия с ним явно задерживали установление тоталитарной власти, ему нужно было их уничтожить. Его преступления против партии состояли в том, что он превратил «объективную враждебность» — идеологические и политические разногласия в партии — в субъективную вину отдельных людей и групп, приписывая им преступления, которых они не совершали.

3

Таков, однако, неизбежный путь всех коммунистических систем. Методы установления тоталитарной власти или идеологического единства, могут быть менее

суровыми, чем сталинские, но сущность везде та же. Даже там, где индустриализация не оправдывала установления тоталитарной власти (например, в Чехословакии или Венгрии) коммунистическая бюрократия вынуждена была вводить те же формы государственной власти, что и в Советском Союзе. И происходит это не просто потому, что Советский Союз навязывает эти формы зависимым от него странам, а потому, что они связаны с самой сущностью коммунистических партий и с их идеологией. Власть партии над всем обществом, тождество правительства и правительственного аппарата с партией, право высказывать свои мысли только в соответствии со своим положением в партийной иерархии — все это существенные и непреложные черты всякой коммунистической бюрократии, как только она приходит к власти.

Партия — главная движущая сила коммунистического общества и государства. Ею все дышит и живет. Она — или, что то же, новый класс — правит страной, владеет ее богатством, распоряжается ее мыслью.

Вот почему военная диктатура невозможна при коммунизме, хотя, повидимому, в Советском Союзе и намечались военные заговоры. Военная диктатура не смогла бы охватить все области жизни, не смогла бы даже временно убедить народ в необходимости с его стороны исключительных усилий и самопожертвования. Это может сделать только партия, и притом партия с такими широкими целями, что ее деспотизм кажется ей самой и ее сторонникам необходимым, представляется им высшей формой государственной и общественной организации.

С точки зрения свободы, установление военной диктатуры при коммунизме означало бы значительный прогресс. Оно означало бы конец тоталитарной власти партии или партийной олигархии. Но, теоретически говоря, военная диктатура была бы возможна только в случае военного поражения или исключительно серьезного политического кризиса. И даже в таком случае ей пришлось бы принять на первых порах форму партийной диктатуры или прикрыться партией. Тем не

менее, это привело бы под конец к изменению всей системы.

Тоталитарная диктатура партийной олигархии не есть результат временных политических условий; это — результат длительного и сложного социального прогресса. Изменение в ней не ограничилось бы какой-либо одной стороной, а привело бы к изменению всей системы в целом, или положило бы начало такому изменению. Коммунистическая диктатура — уже сама по себе система, душа системы, ее сущность.

Государственная власть при коммунизме очень быстро оказывается в руках узкого круга партийных руководителей. Тем самым, утверждение, что режим этот — диктатура пролетариата, становится пустым лозунгом. Процесс, ведущий к такому положению вещей, развивается неизбежно, стихийно, а теория, согласно которой партия, это *авангард* пролетариата, только способствует его ускорению.

Это не значит, что в период борьбы за власть партия не была руководителем трудящихся масс и не действовала в их интересах. Но дело в том, что роль партии в отношении масс и самая ее борьба проходят различные стадии по мере ее продвижения к власти. Хоть борьба эта и помогает рабочему классу, но она укрепляет и партию, а значит и положение будущих держателей власти, будущего нового класса. Как только партия приходит к власти, она овладевает всей властью вообще и всем народным богатством, ссылаясь на то, что она представляет интересы рабочего класса и всех трудящихся. За исключением короткого периода революционной борьбы, пролетариат играет при этом столь же незначительную роль, как и любой другой класс, несмотря на то, что он, или некоторые его слои, временно и были заинтересованы в том, чтобы партия оставалась у власти. Несмотря также и на то, что крестьяне поддерживали тех, кто заявлял о своем намерении, путем индустриализации, освободить их от безнадёжной нужды.

Пусть трудящиеся массы в некоторой своей части и поддерживали временно партию, — правительственная власть им все равно не принадлежит, да их уча-

ствие в правительстве не было бы существенно для образования новых производственных отношений и для общего социального развития. В коммунистической системе не делается ничего, чтобы помочь трудящимся, особенно рабочему классу, получить власть и права. Иначе и не может быть.

Рабочие, крестьяне, народные массы не обладают властью, но партия осуществляет эту власть *от их имени*. Во всякой партии, включая самые демократические, руководители играют важную роль, и власть, которой партия обладает, есть в сущности власть ее руководителей. Так называемая «диктатура пролетариата», неизбежно ведущая к диктатуре партии, столь же неизбежно превращается в диктатуру ее вождей. В тоталитарном режиме такого типа, диктатура пролетариата, это всего лишь теоретическая формула или идеологическая маска, прикрывающая власть небольшой кучки олигархов.

Маркс представлял себе диктатуру пролетариата, как демократию внутри самого пролетариата и в его интересах; то-есть, как государственный строй, допускающий одновременно существование различных социальных течений или партий.

Парижская коммуна 1871 года, единственная диктатура пролетариата, опытом которой мог пользоваться Маркс для своих выводов, состояла из нескольких партий, и среди них марксистская партия была не самой большой и не самой значительной. Но диктатура пролетариата, которая непосредственно проводилась бы самим пролетариатом — чистейшая утопия, так как никакое управление государством невозможно без политических организаций. Ленин передал диктатуру пролетариата в руки одной партии, — своей собственной. Сталин превратил диктатуру пролетариата в свою личную власть, свою личную диктатуру над партией и над государством. После смерти коммунистического императора, его наследникам, пользуясь формулой «коллективного руководства», удалось разделить власть между собой. Во всяком случае, диктатура пролетариата при коммунизме, это или уто-

пический идеал, или функция, забронированная для избранной группы партийных руководителей.

Ленин считал, что советы — это «последнее открытие» Маркса — именно и представляли собой диктатуру пролетариата. На первых порах, вследствие их революционной инициативы и участия масс, могло казаться, что это было действительно так. Троцкий тоже считал, что советы были соответствующей времени формой, подобно парламентам, зародившимся некогда в борьбе против абсолютной монархии. Но это была иллюзия. Из революционных органов советы превратились в органы тоталитарной диктатуры нового класса или породившей этот класс партии.

Так же обстояло дело и с ленинским демократическим централизмом, и в партии, и в правительстве. Пока в партии допускались открытые разногласия, можно еще было говорить о централизме, хотя и не особенно демократическом. Но со времени возникновения тоталитарной власти, централизм в ленинском смысле, исчезает вовсе и на смену ему появляется голый деспотизм олигархии.

Из этого можно сделать вывод, что существует постоянная тенденция превращения олигархической диктатуры в диктатуру единоличную. Идеологическое единство, неизбежная борьба на верхушке партии, а также и требования системы в целом — все это влечет к единоличной диктатуре. На верхушку власти поднимается вместе со своими личными сторонниками тот руководитель, которому удастся удачнее других, в данный момент, выражать и защищать интересы нового класса.

Бывает, что и в другой исторической обстановке тоже проявляется стремление к единоличной диктатуре. Так, например, все силы страны должны быть подчинены одной идее и одной воле во время интенсивной индустриализации или во время войны. Но существует особый, чисто коммунистический стимул для единоличной диктатуры; он заключается в том, что власть — основная цель и основное средство как для коммунизма в целом, так и для каждого отдельного коммуниста. Среди коммунистов жажда власти неодолима и нена-

сытна. Одержать победу в борьбе за власть, значит стать полубогом; быть побежденным в этой борьбе, означает самое страшное несчастье и унижение.

Кроме того, коммунистические руководители неужели склоняются к излишествам и роскошествам в личной жизни. Склонности этой они не в силах сопротивляться, во-первых, по человеческой слабости, а, во-вторых, потому что всякий, находящийся у власти, стремится быть для других примером блеска и могущества.

Карьеризм, жажда власти, злоупотребление властью неизбежны; столь же неизбежна коррупция. Дело не в коррупции чиновников, которая, быть может, наблюдается тут и реже, чем при государственном устройстве, предшествовавшем коммунистическому. Речь идет о совершенно особом виде коррупции, основанном на том, что управление страной находится в руках одной единственной политической группы, и что оно — источник всех привилегий. Забота о том, чтобы «угодить родному человечку», назначение «своих» на выгодные посты и раздача им всякого рода привилегий, становятся бытовым явлением. То обстоятельство, что правительство и партия тождественны с государством, что собственность сосредоточивается в одних руках, создает положение, при котором коммунистическое государство предает коррупции самое себя, поскольку оно не может обойтись без привилегий и без паразитов.

Один югославский коммунист очень картинно изобразил обстановку, в которой живет обычный, средний коммунист. Он говорил: «Я собственно разрываюсь на три части; я гляжу на тех, чьи автомобили лучше моего, и думаю, что они не более преданы партии и социализму, чем я; но я гляжу также сверху вниз на тех, у кого нет автомобилей и думаю, что они его не заслужили. Так что в общем я доволен, что у меня все-таки есть автомобиль».

Человек этот, видимо, не был настоящим коммунистом. Он один из тех, кто стал коммунистом, потому что был идеалистом, а потом, разочаровавшись в коммунизме, пытался удовлетвориться тем, что мог

бы получить в результате обычной бюрократической карьеры. Настоящий коммунист, это смесь фанатика и ненасытного властолюбца. Только такие люди и становятся настоящими коммунистами. Остальные — либо идеалисты, либо карьеристы.

Так как коммунистическая система построена на администрировании, она не может избежать бюрократизма и строго иерархической организации. При коммунистической системе, вокруг политических вождей и партийных органов образуются замкнутые группы. Вся работа по принятию тех или иных решений сводится к борьбе внутри этих узких групп, в которых процветает принцип «свои люди сочтемся». Чем такая группа высокопоставленней, тем, обычно, и семейственней. Ужины в своем кругу, поездки на охоту, беседы вдвоем или втроем — вот та обстановка, в которой решаются самые важные государственные вопросы. Собрания партийных органов, правительственные совещания и съезды существуют только для показа и для официальных заявлений. Они созываются лишь для подтверждения того, что уже было заранее решено в интимном кругу. А в виду того, что коммунисты обожествляют государство и правительство, то те же люди, те же группы людей, которые внутри партии ведут себя запросто и по домашнему, становятся чопорными и напыщенными, когда выступают, как представители государства.

Все это похоже на монархию, но отнюдь не на просвещенную. Сам монарх-диктатор не считает себя ни монархом, ни диктатором. Когда Сталина называли диктатором, он над этим смеялся. Он считал себя представителем коллективной воли партии. Отчасти он был прав; но вряд ли какой-либо другой властитель в истории обладал такой же вполне единоличной властью, как он. Сталин, как и всякий другой коммунистический диктатор, сознавал, что если бы он отошел от идеологических основ партии, от принципа монополии нового класса, от его права собственности, распространяющегося на все народное богатство, от вытекающей отсюда тоталитарной власти, это неизбежно привело бы к его гибели. Сталину, впрочем, та-

кое отступление и в голову не приходило: он то ведь и был главным представителем и создателем этой системы. Однако, и он зависел от этой, им же созданной, системы, и от мнения партийной олигархии. Пойти против или обойтись без нее он не мог.

Из всего этого ясно, что в коммунистической системе независимости нет ни для кого. Зависимы все, даже те, кто принадлежат к партийной верхушке, даже сам верховный руководитель партии. Все они зависят друг от друга и должны остерегаться того, чтобы не оторваться от своего окружения, от его преобладающих идей и интересов.

При таких условиях, есть ли малейший смысл говорить о диктатуре пролетариата при коммунизме?

4

Коммунистическое учение о государстве, разработанное подробно Лениным, дополненное Сталиным и другими, благоприятствует тоталитарной диктатуре партийной бюрократии. В этом учении есть два основных элемента: теория государства и доктрина об отмирании государства. Эти два элемента тесно связаны между собой и вместе составляют одно учение. Ленинская теория государства полнее всего изложена в его книге «Государство и Революция», которая была написана в период, когда он скрывался от Временного Правительства, накануне Октябрьской революции. Как и все другое у Ленина, теория эта опирается на революционную сторону марксистского учения, доведенную здесь до крайности, причем основывался Ленин главным образом на опыте русской революции 1905-го года. В историческом его отношении эта его книга имела гораздо большее значение, как идеологическое орудие революции, чем как основа для развития новой власти, согласно выраженным в ней идеям.

Ленин свел понятие государства к понятию принуждения, или, точнее говоря, толковал государство, как

тиранию, при помощи которой один класс угнетает другие классы. Пытаясь найти наиболее подходящую формулу для определения сущности государства, Ленин писал: «Государство, это дубинка». Признавал он, конечно, и другие функции государства, но неизменно вскрывал в них то, что, по его мнению, было самой неотъемлемой принадлежностью государства — применение грубой силы одним классом против других.

Ленинская теория, призывавшая к разрушению старого государственного аппарата, далеко не была научной. Эта книга Ленина — чрезвычайно важная с исторической точки зрения — очень типична для всех вообще коммунистических теорий. Исходя из требований определенного момента, все вообще партии выдвигают общие положения и теории полунануального или псевдонауального характера, объявляют полуправду правдой. Нельзя отрицать того, что сила и принуждение характерны для всякой государственной власти, и что отдельные общественные и политические группировки пользуются государственным аппаратом для своих целей, особенно при вооруженных столкновениях. Однако, опыт показывает, что государственный аппарат необходим обществу, необходим народу и по другой причине — для развития и объединения всех разнообразных функций в жизни страны. Нынешняя коммунистическая теория, как и прежняя ленинская, совершенно игнорируют эту сторону вопроса.

В первобытные времена существовали общества без государства и без твердо установленной власти. Это не были подлинные общества, а нечто переходное между полуживотными и человеческими формами общественной жизни. Но даже и в самых первобытных обществах власть, в каком-то виде, все же существовала. Учитывая постепенное усложнение форм общественной жизни, было бы наивно думать, что в будущем необходимость в существовании государства упадет. Однако, Ленин, опираясь на Маркса, который в этом соглашался с анархистами, имел в виду и пытался создать именно такое общество без государ-

ства. Не входя в рассуждения о том, в какой степени его предположения были обоснованы, напомним только, что он представлял себе это общество, как бесклассовое общество. По его теории, классы в будущем исчезнут и исчезнет классовая борьба; никто не будет угнетать и эксплуатировать других; исчезнет необходимость в государстве; а до того, как настанет это время, «самое демократическое государство в мире», это государство, где установлена «диктатура пролетариата», так как оно-то, мол, как раз и упраздняет классы и тем самым делает себя постепенно ненужным. Поэтому все, что укрепляет эту диктатуру или ведет к «ликвидации» классов, оправдано, прогрессивно и либерально. Там, где управление страной не находится в руках коммунистов, они ратуют за самые демократические учреждения и методы управления, потому что они облегчают им борьбу, но там, где им удалось захватить власть в свои руки, они становятся противниками всех демократических учреждений, заявляя, что это «буржуазные» учреждения. Вновь и вновь они провозглашают свое нелепое деление демократии на «буржуазную» и «социалистическую», тогда как единственно верное и справедливое различие возможно лишь на основе того, существует ли при данной форме демократии свобода, в какой мере она существует, осуществлена ли она полностью.

Пробелы этого ленинского или коммунистического учения о государстве велики, как с научной, так и с практической точки зрения. Опыт показал, что на деле произошло нечто совершенно противоположное тому, что предсказывал Ленин. При «диктатуре пролетариата» классы не исчезли, а сама «диктатура пролетариата» отнюдь не начала отмирать. Образование тоталитарной власти коммунистов и ликвидацию классов старого общества пытались изобразить, как ликвидацию классов вообще. Однако, рост государственной власти, или, точнее говоря бюрократии, через которую осуществляется ее тирания, не остановился при диктатуре пролетариата. Напротив, он усилился. Теорию пришлось соответственно этому под-

править. Сталин выдвинул мысль о том, что до своего «отмирания» советское государство будет играть еще большую «воспитательную» роль. Если проанализировать до конца коммунистическую теорию государства и в особенности коммунистическую практику, согласно которым насилие и принуждение — главная, а то и единственная функция государства, то о сталинской теории можно будет сказать, что высшую или «воспитательную» роль она предоставляет играть полиции. Такое толкование не будет неверным, оно будет лишь несколько тенденциозным. В теории Сталина мы наталкиваемся на одну из тех коммунистических полуправд, о которых говорилось выше. Сталин не знал, как объяснить тот очевидный факт, что власть и сила государственного аппарата все время продолжают расти в так называемом «социалистическом обществе». Он назвал поэтому одну из функций государства — воспитательную функцию — главной. Открыто назвать тиранию своей главной функцией он не мог, потому что оппозиционных классов больше не существовало.

В Югославии наблюдается такое же точно положение с теориями ее коммунистических вождей об «автономии». Во время конфликта со Сталиным, им нужно было как-то исправить его «уклон» и сделать что-то такое, в результате чего государство вскоре начало бы «отмирать». Как и Сталин, они не смущались тем, что на самом деле развивали и укрепляли ту функцию государства — принуждение, — которая была для них всего важнее, и на которой они основывали свое учение о государстве.

Сталинская идея о том, как государство отмирает, становясь в то же время сильнее, т. е. о том, как функции государства все время расширяются, и как оно втягивает в свой аппарат все большее число граждан, чрезвычайно любопытна. Видя неуклонное развитие и расширение роли государственного аппарата, несмотря на уже начинавшийся будто бы переход к «совершенно бесклассовому» обществу, Сталин считал, что государство исчезнет потому, что все граждане поднимутся до государственного

уровня и будут заниматься государственными делами. Ведь Ленин говаривал, что придет время, когда «и кухарки научатся управлять государством». Как мы уже сказали, и в Югославии существуют теории, напоминающие сталинскую. Но ни одна из этих теорий не смогла перекинуть мост через все расширяющуюся пропасть между коммунистической доктриной, с ее тезисами об «исчезновении классов» и «отмирании» государства, и действительным положением вещей, то-есть, тоталитарной властью партийной бюрократии.

5

Самая важная проблема коммунизма, как в теории, так и на практике, это вопрос о государстве. Вопрос этот — источник постоянных трудностей, поскольку он обличает явное противоречие внутри коммунистической доктрины.

Коммунистический режим, это нечто вроде постоянной гражданской войны между правительством и народом. Дело тут не только в том, что государство при коммунизме — орудие тирании; дело еще и в том, что общество, а также исполнительные органы государственного аппарата, находятся в постоянной активной оппозиции по отношению к олигархии, которая стремится подавить эту оппозицию грубой силой. Коммунисты не могут построить государство, которое держалось бы на одной лишь грубой силе; полностью подчинить себе общество они тоже не в состоянии. Но они могут командовать органами принуждения, полицией и партией, которые в свою очередь, подчиняют себе весь государственный аппарат со всеми его функциями. Оппозиция со стороны исполнительных органов государства и отдельных государственных служащих против «неразумных действий» партии, полиции или отдельных партработников, это не что иное, как оппозиция общества, которая проявляется через государственный аппарат.

Это — выражение недовольства, протест против угнетения общества, против того, что его стремления и объективные потребности не получают удовлетворения.

Не то, чтобы в коммунистической системе государство и государственные функции *сводились* к принуждению и были тождественны с органами принуждения; скорее можно сказать, что государство, как организация народной и общественной жизни, *подчинено* этим органам. Устранить этот порок коммунизм неспособен, потому что, в силу своего собственного тоталитарного деспотизма, он неизбежно вступает в конфликт со всеми другими общественными течениями, а течения эти могут получить выражение даже и в общественных функциях государства.

По этой причине, а также в силу постоянной и неустранимой склонности коммунистов рассматривать государство преимущественно, как орудие принуждения, коммунистическое государство не может стать правовым государством, т. е. государством, где суд был бы независим от правительства, и законность господствовала бы нераздельно. Коммунистическая система противится такому порядку вещей. Даже если бы коммунистические руководители и пожелали создать правовое государство, они не могли бы этого сделать, не подвергая опасности свою тоталитарную власть.

Независимый суд и господство законности сделали бы возможным появление открытой оппозиции. Собственно говоря, в коммунистических государствах нет закона, который запрещал бы высказывать свое мнение или учреждать общества, созывать собрания. Напротив, законы в этих государствах гарантируют гражданам всевозможные права и предусматривают независимый суд. Но на деле ничего этого нет.

Коммунистические режимы формально признают свободы, но исходят из одной решающей предпосылки: эти свободы могут быть использованы исключительно в интересах так называемого «социализма», за которым стоят коммунистические вожди, иначе говоря, исключительно для укрепления их власти. Это

положение вещей, противоречащее существующим законам, неизбежно приводит к тому, что партийные и полицейские органы прибегают к самым суровым и аморальным методам. Формальная законность должна быть соблюдена, но и монополия власти тоже должна быть обеспечена.

Обычно при коммунистическом государственном строе законодательная власть неотделима от исполнительной. Ленин считал это идеальным решением. Югославские руководители тоже стоят за это. При однопартийной системе такое отсутствие разделения властей — один из главных источников деспотизма и всемогущества правительственной власти.

Точно так же и полицейская власть на практике не отделена от судебной. Органы, производящие аресты, также и судят и приводят в исполнение приговоры. Круг замыкается: исполнительные, законодательные, следственные, судебные и карательные органы, все это одно и то же.

Но зачем коммунистической диктатуре пользоваться в такой мере законами? Зачем ей прикрываться законностью?

Одна из причин — политическая пропаганда для внешнего мира. Другая важная причина, это тот факт, что коммунистический режим, в своих собственных интересах, должен утверждать и обеспечивать права тех, от кого он зависит — нового класса. Все законы, о которых идет речь, пишутся в интересах нового класса или, что то же, партии. Официально законы пишутся для всех граждан, но граждане могут пользоваться правами, предоставленными им законом только при условии, что они не являются так называемыми «врагами социализма». В результате коммунисты натываются на бесконечные затруднения, когда вынуждены обходить созданные ими же самими законы. Постепенно они осваиваются с этими трудностями и постоянно оставляют в законе лазейку, дабы иметь возможность обойти собственный закон.

Так, например, югославские законодательные органы настаивают на том принципе, что никто не может быть осужден, если он не совершил преступления,

точно определенного законом. Однако, большинство политических процессов проводятся на основании обвинений в так называемой «вражеской пропаганде», хотя точного определения этого понятия не дано, и определить его предоставляется судьям политической полиции.

По этим причинам исход политических процессов в коммунистических странах большей частью известен заранее. Задача суда в этих случаях — доказать то, что желательно людям, находящимся у власти. Иначе говоря, они должны придать легальный характер политическому приговору над «враждебными действиями» обвиняемого.

В судебных процессах, которые ведутся таким образом, самое важное, это признание обвиняемых. Они сами должны признать, что они — враги режима. Это подтверждает тезис обвинения. Улики, подчас совершенно ничтожные, должны быть заменены признанием в вине.

Политические процессы в Югославии — всего лишь копия московских политических процессов. Так называемые московские процессы, это самый разительный и самый кровавый пример судебной комедии при коммунистической системе. Большинство других подобных процессов схожи с ними в отношении обвинений и приговоров.

Как организуются политические процессы?

Прежде всего, по подсказке партийных аппаратчиков, партийная полиция устанавливает, что такой-то — «враг» существующих порядков; что, помимо всего другого, уже мнения, высказываемые им в беседах с близкими друзьями, представляют собой опасность — по крайней мере для местных властей. Следующий шаг, это подготовка к легальному устранению врага. Делается это либо с помощью провокаторов, которые вызывают намеченную жертву на «компрометирующие заявления» или склоняют ее к участию в нелегальной организации; либо с помощью простого доносчика, который дает показания против намеченной жертвы по указке полиции. Большинство нелегальных организаций в коммунистических странах ор-

ганизируются политической полицией для того, чтобы заманивать в них возможных оппозиционеров и ставить их в положение, при котором полиция может свести с ними счеты. Коммунистические правительства не удерживают «неблагонадежных» граждан от того, чтобы они нарушали закон и совершали преступления; наоборот, они толкают их на такие нарушения закона.

Сталин обычно действовал без суда и широко применял пытки. Но даже при отсутствии пыток и если дело разбирается судом, сущность остается та же: коммунисты сводят счеты со своими противниками не потому, что те совершили преступления, а потому, что они — противники. Можно смело утверждать, что большинство политических обвиняемых с правовой точки зрения были неповинны, хотя они и были противниками существующего режима. С коммунистической точки зрения, эти противники режима наказываются в законном порядке, хотя для осуждения их может и не быть законного основания.

В тех случаях, когда граждане по собственной инициативе восстают против мероприятий режима, коммунистические власти расправляются с ними, не взирая на конституционные правовые гарантии. История нового времени не знает других столь жестоких, бесчеловечных и незаконных действий против оппозиции масс, как действия коммунистических правительств. Хорошо известны действия коммунистических властей в Познани, но они еще далеко не были самыми жестокими. Даже оккупационные и колониальные власти редко прибегают к столь суровым мерам, хотя они действуют как победители, на основании особого законодательства или законов военного времени. Коммунистические правители проводят эти меры у себя дома и попирая собственные законы.

Даже если дело идет о неполитических вопросах, суды и законодательные органы не избавлены от вмешательства со стороны тоталитарной партийной власти. Новый класс и его отдельные представители то и дело вмешиваются в работу как судебных, так и законодательных органов. Это повседневное явление.

Статья в белградской газете «Политика» от 23 марта 1955 года хорошо рисует положение судов в Югославии (хоть и надо отметить, что в Югославии всегда было больше законности, чем в других коммунистических странах):

«На продолжавшейся два дня ежегодной конференции, проводившейся под председательством государственного прокурора Браны Ефремовича, прокуроры Воеводины и Белграда, выступившие в дискуссии по проблемам, связанным с правонарушениями в области экономики, говорили о необходимости сотрудничества между судебными органами и автономными хозяйственными, а также всеми политическими органами, в целях успешной борьбы против преступников, действующих в области экономики.

«Прокуроры считают, что общество не проявило еще достаточной энергии, чтобы избавиться от подобных преступников...»

«Прокуроры пришли к заключению, что реакция общества должна быть более энергичной. По мнению прокуроров, более строгие наказания и более суровые методы при выполнении наказаний, это только часть необходимых мероприятий...»

Примеры, приведенные выступавшими в дискуссии, подтверждают мнение, что некоторые вражеские элементы, проиграв борьбу на политическом фронте, теперь перенесли свою деятельность в область экономики. Таким образом, вопрос о правонарушителях в области хозяйства, это не только судебная, но и политическая проблема, разрешение которой требует сотрудничество всех государственных органов и общественных организаций.

«Подводя итоги дискуссий, федеральный прокурор Брана Ефремович подчеркнул значение законности в условиях, возникших в Югославии вследствие децентрализации, и указал на ряд моментов, оправдывающих ту суровость, с которой наши высшие руководители относятся к лицам, совершившим преступления в области хозяйства».

Очевидно, прокуроры пришли к заключению, что

суды должны судить и выносить приговоры согласно намерениям «высших руководителей». Что же остается после этого от суда и законности?

При коммунистической системе юридические теории меняются в зависимости от обстоятельств и от нужд олигархии. Принцип Вышинского, по которому приговоры должны быть основаны на «максимальной надежности», то-есть, на политическом розыске и политических обвинениях, теперь отброшен. Но даже, если теперь приняты более гуманные и более научные принципы, это не изменит сути дела, пока не изменятся отношения между правительством и судом, между правительством и законом. Периодические кампании за соблюдение «законности» и хвастливое заявление Хрущева, что «теперь», мол, партии удалось поставить под контроль работу полиции и судов, свидетельствуют о том, что потребность правящего класса в правовых гарантиях возрастает, но отнюдь не доказывает, что изменилась сущность его позиции по отношению к обществу, государству, судам и законам.

6

Коммунистическая система не может освободиться от формализма в области права и не может устранить решающее влияние партийных органов и полиции на судебные процессы, на выборы и на все прочее. Чем выше поднимаешься, тем более пустым словом становится законность, и тем большую роль играет правительство в судопроизводстве, выборах и других подобных делах.

Общеизвестны показанные торжественность и внутренняя бессмыслица выборов в коммунистических странах. Помнится, Эттли весьма остроумно назвал их «скачками, в которых участвует только одна лошадь». Но кое-что все же стоит сказать и об этом. Почему коммунисты не могут обойтись без выборов, даже если

эти выборы никакого политического значения не имеют? Почему они не могут обойтись без такого сложного и дорого стоящего аппарата, как парламентские органы?

Здесь опять-таки играет роль пропаганда и внешняя политика. Но кроме того, никакое правительство, даже коммунистическое, не может существовать, не имея под собой правовой основы. В современных условиях это достигается наличием выборного представительства. Народ должен формально одобрять все, что делают коммунисты.

Но есть и другая, более глубокая и важная причина существования парламентской системы в коммунистических странах. Верхушка партийной бюрократии, иначе говоря политическое ядро нового класса, должно одобрять мероприятия правительства, как своего высшего органа. Коммунистическое правительство может пренебрегать общественным мнением, но должно считаться с мнением партии. Поэтому, хотя выборы в глазах коммунистов сами по себе никакого смысла не имеют, партийная верхушка все же тщательно отбирает тех людей, которые войдут в парламент. При отборе принимается во внимание все: служебный стаж, место, занимаемое данным лицом и роль, исполняемая им в партии и в стране, численное соотношение профессий, представленных в парламенте и так далее. С внутрипартийной точки зрения, выборы имеют для руководства огромное значение: они объединяют вокруг него на определенный срок те партийные силы, которые считаются самыми важными, а руководство в целом приобретает законное основание, чтобы действовать от имени партии, класса и народа.

Попытки выставять двух или нескольких коммунистических кандидатов на одно место в парламенте не принесли положительных результатов. В Югославии, после ряда таких попыток, руководство решило, что они имели подрывной эффект. После недавних событий, в некоторых странах восточной Европы, стали выставять по несколько коммунистических кандидатов на одну должность. Таким образом, тенденция такого рода налицо, но вряд ли она приведет к проч-

ным результатам. Это было бы шагом вперед, а то и началом поворота коммунистической системы в сторону демократии. Но мне кажется, что до всего этого нам еще далеко, и что развитие в странах восточной Европы сначала пойдет в направлении югославской системы «рабочего управления», а не политической демократии со всеми вытекающими из этого переменами. Властолюбивое ядро нового класса продолжает держать все в своих руках, сознавая, что малейшее ослабление партийного единства было бы чрезвычайно для него опасным. Каждое проявление свободы внутри партии ставит под угрозу не только власть ее руководителей, но и тоталитарный режим в целом.

Коммунистические парламенты не в состоянии принимать сколько-нибудь важные решения. Подобранные заранее партией и польщенные таким вниманием с ее стороны, члены этих парламентов не имеют ни возможности, ни мужества обсуждать вопросы по существу, даже, если бы они того хотели. Кроме того, поскольку их мандаты не зависят от избирателей, депутаты парламента не чувствуют себя ответственными перед ними. Коммунистические парламенты совершенно справедливо называют «мавзолеями» для попавших туда депутатов. Их права и занятия состоят только в том, чтобы время от времени единогласно утверждать то, что было уже решено — за них и без них. Другого парламента этой системе не нужно; жаловаться на эти парламенты ей не приходится, за исключением разве того, что обходятся они очень дорого и являются, конечно, совершенно излишними.

7

Будучи основано на насилии и находясь в постоянном конфликте с народом, коммунистическое государство, даже если для этого нет внешних причин, не может не быть милитаристическим. Культ силы, особенно военной силы, нигде не развит так, как в коммунистических странах. Милитаризм, это то, в чем нуж-

дается новый класс, одна из сил, обеспечивающих существование, могущество и привилегии нового класса.

Вынужденное быть прежде всего, а в случае необходимости исключительно, органом насилия, коммунистическое государство было с самого начала государством бюрократическим. Держась на деспотизме небольшой кучки правящих им людей, оно сосредотачивает в своих руках, посредством всевозможных законов и указов, гораздо больше власти, чем любое другое государство. Не успело оно возникнуть, как оно уже обрастает различными постановлениями, в которых даже юристам и судьям становится трудно разбираться. Все должно быть точно отрегулировано и зафиксировано, даже если толку от этого очень мало. Руководствуясь идеологическими соображениями, коммунистические законодатели нагромождают один на другой законы, не учитывая практических возможностей и реального положения вещей. Зачарованные юридическими и абстрактными, не подлежащими критике «социалистическими» формулами, они втискивают жизнь в тесные параграфы, которые механически утверждаются так называемыми выборными органами.

Но коммунистическое правительство перестает быть бюрократическим, когда затрагиваются интересы олигархии и в том, что касается метода работы ее руководителей. Когда дело идет не о мелочах, руководители партии и правительства не любят связывать себя собственными постановлениями. Определение политического курса и право принимать политические решения принадлежат им, а вопросы эти не терпят отлагательства или слишком строгих формальностей. В решениях, касающихся экономики страны в целом, и во всех других важных вопросах, руководители действуют, не считаясь с установленным регламентом. Эти творцы самой жестокой в мире системы бюрократизма и политического централизма сами отнюдь не бюрократы и законы для них не писаны. Сталин, например, ни в каком смысле бюрократом не был.

В канцеляриях и управлениях многих коммунистических руководителей царят беспорядок и проволоч-

ка. Время от времени они считают нужным поднимать знамя борьбы с бюрократизмом, т. е. с этим самым беспорядком и проволочкой. Нынче, например, они ведут борьбу против сталинской формы бюрократического управления. Но у них нет ни малейшего намерения устранить коренной, основоположный бюрократизм, процветающий в политическом аппарате, в экономике и во всей государственной жизни.

В своей «борьбе с бюрократизмом» коммунистические руководители ссылаются обычно на Ленина. Однако, тщательное изучение трудов Ленина показывает, что он отнюдь не предвидел превращения нового строя в политическую бюрократию. В конфликте с бюрократией, частично унаследованной от царского режима, Ленин приписывал большинство трудностей «отсутствию аппарата, составленного из коммунистов или лиц, окончивших советские партийные школы». При Сталине старые чиновники исчезли, их место заняли коммунисты, но несмотря на это, бюрократизм продолжал расти. Даже в Югославии, где наблюдалось значительное ослабление бюрократической администрации, ее сущность — монополия политической бюрократии и вытекающие отсюда последствия — не была устранена. Даже там, где бюрократизм устраняется, как административный метод управления, он продолжает существовать как основа социально-политического строя.

Коммунистическое государство, через посредство своего правительства, стремится полностью обезличить отдельного человека, весь народ и даже самих представителей нового класса. Оно тяготеет к тому, чтобы полностью стать государством чиновников. Оно стремится определять и регулировать, прямо или косвенно, заработную плату, жилищные условия и даже умственную деятельность всех своих граждан.

Коммунисты не делают различия между чиновниками и нечиновниками; все граждане считаются чиновниками. Они различают людей лишь по тому, сколько они зарабатывают и какими привилегиями пользуются. Даже крестьяне, в результате коллективизации

постепенно становятся членами единого бюрократического общества.

Так это выглядит снаружи. Как рабочий отличается от капиталиста, хотя каждый из них пользуется свободным контролем над своим производством, так и при коммунистической системе социальные группы резко разграничены. И все же коммунистическое общество более едино, чем какое-либо другое. Но единение это слабо, потому что покоится на принуждении и полно внутренних противоречий.

В коммунистическом государстве, как в абсолютной монархии, развитие человеческой личности не больше, чем абстрактный идеал. В эпоху абсолютной монархии, когда меркантилисты подчиняли хозяйство государству, сами монархи, например, Екатерина Вторая, считали, что правительство обязано перевоспитывать народ. Коммунистические правители мыслят и поступают точно так же. Но в эпоху абсолютной монархии правительство делало это, пытаясь подчинить существовавшие тогда идеи своим идеям. Теперь, в коммунистической системе, правительство одновременно и собственник, и идеолог. Это не значит, что человеческая личность перестала существовать, или что все люди превратились в бессловесные, безличные колесики, которые по воле всемогущего волшебника вращаются в огромном, безжалостном государственном механизме. Человеческую личность, по самой своей природе объединяющую в себе коллективные и индивидуальные начала, уничтожить невозможно, даже при коммунистической системе. Однако, в этой системе она более подавлена, чем в любой другой, и ее индивидуальные черты должны искать себе иное выражение.

Ее мир, это мирок мелких будничных забот. Когда эти заботы и потребности сталкиваются со всей громадою системы, монополюно простирающей свою власть на всю материальную и духовную жизнь людей, то даже этот мирок оказывается не свободным и не защищенным. В коммунистической системе отсутствие уверенности в завтрашнем дне определяет жизнь личности. Государство дает человеку возмож-

ность обеспечить себе прожиточный минимум, но при условии его полного подчинения своей воле. Отдельная личность разрывается между своими стремлениями и реальными возможностями. Она может признать интересы коллектива и подчиняться им, как в любой другой системе; но может и восстать против узурпаторов, представляющих коллектив. Большинство людей в коммунистических странах ничего не имеет против социализма, как такового, но они против тех приемов и мер, какими он проводится в жизнь. Это лишний раз доказывает, что коммунисты не строят подлинного социализма. Личность восстает только против ограничений, налагаемых в интересах правящего меньшинства. Она принимает ограничения, обусловленные интересами общества.

Тем, кто не живет в условиях коммунистической системы, трудно понять, каким образом люди, каким образом мужественные и гордые народы, могли дойти до такого отказа от свободы слова и труда. Самым верным, хоть и не полным объяснением этого положения вещей, следует считать ссылку на суровость и всеобъемлющий характер тирании. Но есть и более глубокие причины. Одна из этих причин — чисто теоретическая: народ должен утратить часть своей свободы в результате неудержимого стремления к перемене хозяйственного строя. С этим связана и другая причина — духовного и морального порядка. Поскольку вопрос об индустриализации становится вопросом жизни и смерти, социализм или коммунизм, как идейное выражение индустриализации, становится идеалом и надеждой, предметом веры и чуть ли не религиозной одержимости не только для коммунистов, но и для части народа. Таким образом, в представлении людей, не принадлежащих к прежним правящим классам, сознательный и организованный бунт против партии или против правительства оказывается равносильным измене родине и высшим идеалам.

Но все же основная причина отсутствия организованного сопротивления коммунизму заключается во всеобъемлющем, в тоталитарном характере коммунистического государства. Оно целиком пронизывает

всю живую ткань общества и образующих его личностей, проникает в мышление ученых, во вдохновение поэтов, в мечты влюбленных. Восстать против него, значит не только погибнуть, испытав отчаянье подлинного одиночества, но и быть заклеянным обществом, быть отлученным от него. Для зажатой в железных тисках коммунистического режима личности, нет ни воздуха, ни света.

Ни та, ни другая из двух главных групп оппозиции, — ни оппозиция, идущая от прежних правящих классов, ни оппозиция, выросшая из самого коммунизма, — не нашла путей и средств, чтобы предотвратить это ограничение своей свободы. Первая группа тянула назад, в то время, как вторая вела бесцельную и безрассудную революционную деятельность и бесплодные догматические споры. Для нахождения новых путей условия еще не созрели.

Между тем, народ инстинктивно не доверял коммунистической системе и оказывал сопротивление каждому мероприятию, даже и в мелочах. Нынче это сопротивление народа представляет самую большую и самую действенную угрозу для коммунистических правительств. Они и не знают больше, что думают и что чувствуют массы. Коммунистическим олигархам приходится править в атмосфере глубокого и злоеющего недовольства.

Хотя история не знает примеров столь успешного подавления оппозиции, какие дает коммунистическая диктатура, верно вместе с тем и то, что никакая другая система не вызывала такого глубокого и широкого недовольства. Похоже на то, что чем больше подавляется сознание граждан и чем трудней возникнуть организованной оппозиции, тем глубже становится недовольство.

Тоталитарный характер коммунизма приводит к такому же всеобъемлющему недовольству, при котором постепенно стираются все различия во мнениях, и остаются только отчаянье и ненависть. Стихийного сопротивления, недовольства миллионов людей всеми условиями повседневной жизни коммунисты не в силах преодолеть. Это подтвердилось во время советско-

германской войны. Когда немцы напали на Советский Союз, у советских граждан, повидимому, было мало охоты оказывать сопротивление. Однако, Гитлер скоро показал, что его намерением было уничтожить Россию, как самостоятельное государство, и превратить славянские и другие народы Советского Союза в обезличенных рабов «герренфолька». Тогда в народных глубинах ожила вековая, неугасимая любовь к Родине. За все время войны Сталин никогда не говорил народу ни о советском правительстве, ни о социализме; он говорил только об одном — о Родине. А за Родину стоило умереть, несмотря на сталинский социализм.

8

Коммунистическим режимам удалось решить многие вопросы, которых не могли решить предшествовавшие коммунизму режимы. Успешно решают они также и национальный вопрос — в той форме, в какой он существовал в момент захвата ими власти. Это касается прежде всего искоренения конфликтов между буржуазными национализмами. Но разрешить национальную проблему в целом им не удалось. Эта проблема снова появилась в коммунистических странах, и притом в новой и более серьезной форме.

В Советском Союзе, при помощи сильно развитой бюрократии, создано устойчивое положение в вопросе о национальностях. Но в Югославии, например, постоянно происходят раздоры из-за трений между отдельными национальными бюрократиями. Ни в том, ни в другом случае не идет речь о национальных расприях в прежнем смысле слова. Коммунисты — не националисты; для них упор на национализм, это только прием, среди многих других приемов, при помощи которых они укрепляют свою власть. Ради этого они даже действуют иногда, как рьяные шовинисты. Сталин был грузином, но и на практике, и в вопросах пропаганды он, в случае надобности, вел

себя, как ярый великорусский шовинист. Даже Хрущев признал, что к числу «ошибок» Сталина относится истребление целых народов, действительно одно из самых страшных его деяний. Сталину и компании ничего не стоит использовать национальные предрассудки русского народа, точно так же, как если бы это были не русские, а готтентоты. Коммунистические вожди всегда готовы воспользоваться всем, что они считают для себя полезным. Они, например, проповедуют равноправие национальных бюрократий и называют это равноправием народа.

Нужно сказать, однако, что конфликты между отдельными коммунистическими национальными бюрократиями не вызваны подлинными национальными чувствами и интересами. Настоящие их причины — совершенно иные: стремление к главенству в своей собственной зоне, в области, подвластной той или иной бюрократии. Эта борьба за авторитет и власть в своей республике не идет дальше желания укрепить свою собственную власть. Коммунистические национально-государственные формации — всего-навсего административные деления на основе различий языка. Коммунистические бюрократы становятся яростными местными патриотами в отведенных им административных округах, даже когда они вовсе в них не укоренены, ни в смысле языка, ни в смысле национальности. В Югославии, например, в некоторых чисто административных единицах (областных советах) наблюдается бóльшая степень шовинизма, чем в правительствах национальных республик.

В коммунистической среде встречаются как узкий бюрократический шовинизм, так и полное отсутствие национального сознания. Нередко обе эти черты сочетаются даже в одном и том же человеке и проявляются в зависимости от обстоятельств и требований момента. Язык, на котором говорят коммунисты, это совсем не язык их народов. Слова те же, но выражение, смысл, внутреннее содержание этих слов, все это совершенно иное.

Будучи приверженцами автархичной, замкнутой внутри самой себя системы, коммунисты, если это отвеча-

ет их интересам, могут быть и рьяными националистами. Народы, у которых некогда была своя история, своя надежда на будущее, у которых было свое неповторимое лицо, впали теперь в застой и влечат унылое, бесцветное существование под властью всемогущих, всезнающих и по существу своему не национальных олигархий. Коммунистам не удалось пробудить народы к новой жизни; в этом смысле они национального вопроса не разрешили. Что слышно нынче об украинских писателях и политических деятелях? Что произошло с этой нацией, живущей на территории такого же размера, как Франция, и бывшей когда-то самым развитым народом в России? Пожалуй, можно подумать, что под обезличивающим гнетом давящего сверху принуждения осталась только бесформенная людская масса.

Однако, это все же не так.

Подобно тому, как все еще жива человеческая личность, как еще живы классы, и живы идеи, так живы еще и народы. Они борются против деспотизма; они сохраняют нетронутыми свои отличительные черты. Их сознание и душа приглушены, но не сломлены. Хоть они и под ярмом, они не сдались. Силы, которые движут их нынче, это нечто большее, чем старый, так называемый «буржуазный» национализм; это — неистребимое желание быть хозяевами своей судьбы и на пути своего собственного свободного развития достигнуть более полного единения со всем человеческим родом.

Глава пятая

ДОГМАТИЗМ В ЭКОНОМИКЕ

1

Развитие экономики при коммунизме, это не основа, на которой развивается режим, а только отражение его развития от революционной диктатуры к реакционному деспотизму. Весь ход этого развития, сквозь все споры и раздоры, показывает, как вмешательство правительства в экономику — на первых порах необходимое — постепенно становится предметом личного жизненного интереса для правящих бюрократов. На первых порах государство захватывает все средства производства в свои руки, чтобы распоряжаться всеми капиталовложениями, нужными для быстрой индустриализации. А под конец доходит до того, что все дальнейшее экономическое развитие получает направление, отвечающее, прежде всего, интересам правящего класса.

Все другие собственники действуют, правда, в том же духе: ими всегда руководят интересы личного порядка. Однако, новый класс отличается от других собственников тем, что в его руках сосредоточены едва ли не все народные средства, и что он развивает свою хозяйственную мощь сознательно и организованно. Другие классы пытаются сделать то же — объединить все хозяйство в своих руках путем различных политических и экономических мероприятий, но это им не удается, потому что во всех экономиче-

ских системах, предшествовавших коммунизму, по крайней мере при нормальных, мирных условиях, сохранялись свободная инициатива и элемент конкуренции, т. е. известная стихийность хозяйственного процесса. Собственников было много и существовали различные, соприкасающиеся одна с другой, формы собственности.

Даже коммунистической экономике не удалось полностью уничтожить стихийный характер хозяйства, хотя она упорно стремится к этому в противоположность всем другим экономическим системам.

Коммунистические руководители убеждены, что им известны экономические законы и что они могут руководить производством с научной точностью. На самом же деле, единственно, что они знают, это, как захватить в свои руки власть над хозяйством страны. Их умение в этой последней области, как и их победа во время революции, вызвали у них иллюзию, что они победили вследствие своих исключительных знаний и способностей.

Убежденные в верности своих теорий, коммунисты руководят экономикой, главным образом, на основании этих теорий. Общеизвестна шутка, что они сначала проводят знак равенства между намеченными ими экономическим мероприятием и какой-нибудь марксистской идеей, а потом уже начинают проводить это мероприятие в жизнь. В Югославии официально утверждалось, что планирование ведется по Марксу, хоть Маркс и не был ни плановиком, ни теоретиком планирования. На практике ничего не делается по Марксу. Но утверждение, что планирование ведется по Марксу, успокаивает совесть и используется для того, чтобы оправдать тиранию и хозяйственный гнет ссылками на идеальные цели и научные истины.

Догматизм в экономике, это неотъемлемая составная часть коммунистической системы. Нельзя сказать, однако, чтобы отличительной чертой коммунистической экономики было ее подчинение догматическим предвзятостям. Коммунистические вожди показывают себя мастерами в «приспособлении» экономической

теории; они отходят от этой теории каждый раз, когда это им выгодно.

В добавление к продиктованной исторической необходимостью быстрой индустриализации коммунистической бюрократии надо было построить такую экономику, которая обеспечила бы сосредоточение власти в ее руках. Под предлогом уничтожения эксплуатации и создания бесклассового общества, она построила замкнутую экономическую систему, основанную на этой форме собственности, которая способствует безраздельному господству партии. Сначала коммунисты перешли к этой, так называемой, «коллективной» форме собственности, по объективным причинам, теперь же они продолжают укреплять ее, не считаясь с тем, служит-ли она интересам народного хозяйства и дальнейшей индустриализации: они действуют исключительно в своих собственных интересах, в интересах коммунистического нового класса. Сначала они руководили и управляли всей экономикой во имя провозглашенных ими идеальных целей, а теперь они это делают, чтобы удержать в своих руках абсолютную власть над хозяйством и над страной. Этим и объясняются свойственные коммунистической экономике широко захватывающие и крутые политические меры.

В интервью, данном им в 1956-ом году, Тито признал, что в западной экономике есть «социалистические черты», но что «намеренно» они там в экономику не вводятся. Этим он выразил суть коммунистической идеи: именно и только потому, что в экономике коммунистических стран «социализм» строится «намеренно», то есть путем организованного принуждения, коммунисты и считают себя вправе применять деспотические методы в управлении страной и сохранять свою монополию в области собственности.

Такое предписывание важного и даже решающего значения «намеренности» в развитии экономики и общества вскрывает эгоистический и принудительный характер экономической политики коммунистов. Если бы это было не так, зачем нужно было бы постоянно настаивать на этой «намеренности»?

Решительный отказ коммунистов от всех форм собственности, кроме тех, которые они считают коммунистическими, показывает прежде всего их неизменное стремление захватить власть и удержать ее в своих руках. Они, однако, отрекались от этой радикальной позиции, или изменяли ее, когда она противоречила их интересам; в этих случаях они не считались со своей собственной теорией. В Югославии, например, они сначала организовали, а потом распустили колхозы, действуя каждый раз во имя «непогрешимости марксизма» и «социализма». Теперь они следуют в этом вопросе третьему, весьма запутанному, так называемому среднему курсу. Сходные примеры можно найти во всех коммунистических странах. Однако, устранение всех форм собственности, кроме «коллективной», то есть *их* собственности, остается все же их неизменной целью.

Каждая политическая система служит выражением тех или иных экономических сил и пытается в то же время управлять ими. Коммунистам не удается полностью подчинить себе производство, но они достигли такой степени власти над ним, что они постоянно заставляют его служить своим идеологическим и политическим целям. Этим то как раз и отличается коммунизм от всякой другой политической системы.

2

Коммунисты толкуют особую роль производителей с точки зрения своей полной собственности и, часто, что еще важнее, с точки зрения преобладающей роли идеологии в хозяйственной жизни.

Непосредственно после революции в Советском Союзе была ограничена свобода труда. Но потребность режима в быстрой индустриализации не позволила в то время полного ограничения этой свободы. Оно произошло только после победы промышленной революции и после образования нового класса. В 1940 году был издан закон, по которому граждане не могли свободно

выбирать себе работу и подлежали наказанию, если они самовольно уходили с производства. В этот период, а также и после второй мировой войны, развилась особая форма рабского труда: лагеря принудительного труда. Более того, различие между трудом в этих лагерях и трудом на заводах почти совершенно стерлось.

Труд в лагерях и некоторые виды так называемого «добровольного» труда это лишь крайние и худшие формы принудительного труда. В других системах они могут применяться временно, но при коммунизме принудительный труд стал его постоянной чертой. Хотя в других коммунистических странах принудительный труд не принял тех же форм и не применялся в таких размерах, как в Советском Союзе, ни в одной из этих стран не существует вполне свободного труда.

Принудительный труд в коммунистической системе, это результат партийной монополии на собственность всего или почти всего народного имущества. Рабочий оказывается в таком положении, что он вынужден не только продавать свой труд, но еще и продавать его в условиях, которых он не может изменить, поскольку он лишен возможности искать другого, лучшего работодателя. Есть только один работодатель — государство. Рабочему ничего другого не остается, как принять условия этого работодателя. Самый худший, самый вредный с точки зрения рабочих аспект раннего капитализма — рынок труда — заменен монопольной собственностью нового класса, распоряжающегося рабочей силой по своему усмотрению. Рабочие от этого отнюдь не стали свободней.

В коммунистической системе, положение рабочего, будь то даже в лагерях принудительного труда, не может не отличаться от положения раба в древнем мире. В древности на раба — и в теории и на практике — смотрели, как на неодушевленный предмет. Даже величайший мыслитель древности Аристотель верил, что люди рождаются либо свободными, либо рабами. Хотя он советовал человечнее обращаться с рабами и выступал за реформу рабовладельческой системы, он все же смотрел на рабов, как на орудие производства. При современном развитии техники смотреть таким же

образом на рабочих невозможно, потому что лишь развитой и заинтересованный рабочий может делать ту работу, которая ныне от него требуется. Принудительный труд в коммунистической системе существенно отличается от рабства в древности или в позднейшие времена. Он не вытекает, или в очень незначительной степени вытекает из технических условий производства; он — результат монополии собственности и связанных с ней политических условий.

Поскольку современная техника нуждается в рабочих, располагающих значительной долей свободы, она находится в постоянном конфликте с принудительным трудом или с политической и собственнической монополиями коммунистического тоталитаризма. Даже при коммунистическом режиме рабочий теоретически свободен, но шансы его использования свободы на практике чрезвычайно ограничены. Формальное ограничение свободы нельзя считать неотъемлемой чертой коммунизма, но на деле это так, и особенно в отношении труда и рабочей силы.

Труд не может быть свободен в обществе, где все материальные блага монополизированы одной группой. Собственностью этой группы оказывается, косвенно, и рабочая сила, хотя и не вполне, поскольку рабочий, как отдельная личность, сам пользуется частично плодами своего труда. Выражаясь отвлеченно, можно сказать, что рабочая сила, взятая в целом, составляет один из факторов производства. Новый правящий класс, пользуясь своей материальной и политической монополией, использует этот фактор почти так же, как он использует все остальное народное имущество и все другие факторы производства, и обращается с ним точно так же, не считаясь с тем, что в данном случае он имеет дело с людьми.

Рассматривая рабочую силу, лишь как один из факторов производства, бюрократия не проявляет интереса ни к условиям труда на различных предприятиях, ни к той связи, какая существует между заработной платой и прибылями. Заработная плата и условия труда определяются в связи с отвлеченным понятием рабочей силы или в связи с личной квалификацией ра-

бочих, но почти без всякого учета действительных результатов производства на данном предприятии или в данной отрасли промышленности. Это лишь общее правило: встречаются и исключения, зависящие от особых условий и требований на отдельных участках производства. Но система в целом неизбежно ведет к отсутствию интереса со стороны самих производителей, то есть, рабочих. Она ведет также к низкому качеству продукции, к падению производительности, замедлению технического прогресса и к износу оборудования. Коммунизм постоянно старается добиться повышения производительности отдельных рабочих, не считаясь, или почти не считаясь со степенью производительности труда в целом.

При такой системе приходится постоянно прилагать усилия, чтобы как-нибудь заинтересовать рабочих в повышении производительности труда. Бюрократия предлагает различные награды и премии, чтобы уравновесить отсутствие интереса у рабочих. Но пока коммунисты не меняют самой системы, пока они удерживают полноту власти и сохраняют монополию на всю собственность, они не в состоянии пробудить надолго интерес у отдельных рабочих, не говоря уже о рабочей силе в целом.

В Югославии было сделано несколько сложных попыток дать рабочим участие в прибылях. Такие же мероприятия обсуждаются теперь и в других странах Восточной Европы. Но эти мероприятия очень быстро сводятся к тому, что бюрократия удерживает в своих руках «излишки прибылей», оправдывая это тем, что она борется с инфляцией и производит разумные капиталовложения. Все, что остается рабочим, это небольшие номинальные суммы, да еще «право» предлагать, как они должны быть использованы, причем эти предложения делаются черед партийные и профсоюзные организации, т. е., через ту же бюрократию. Не имея права бастовать, и решать, что кому принадлежит, рабочие имеют очень мало шансов добиться подлинного участия в прибылях. Становится совершенно очевидным, что все эти права тесно связаны между собой и с различными формами политической свободы.

Они не могут быть достигнуты независимо одно от другого.

При такой системе свободные профсоюзные организации невозможны и забастовки проходят лишь в исключительных случаях, подобных взрывам недовольства среди рабочих в Восточной Германии в 1953 году и в Познани в 1956 году.

Коммунисты объясняют вынужденное отсутствие забастовок тем, что, по их словам, власть принадлежит «рабочему классу», который владеет всеми средствами производства через «свое» государство, и что если бы рабочие стали бастовать, они бастовали бы против самих себя. Это наивное объяснение основывается на том факте, что при коммунизме собственниками являются не отдельные частные лица, а, как мы знаем, новый класс, собственность которого затушевывается, как тем фактом, что она коллективна, так и тем, что формально нельзя установить, кто же настоящий собственник.

Забастовки при коммунизме невозможны прежде всего потому, что есть только один собственник, который распоряжается всеми продуктами производства и всей рабочей силой. Было бы трудно провести против него сколько-нибудь действенную акцию без участия в ней всех рабочих. Забастовка на одном или на нескольких предприятиях, даже если предположить, что она вообще могла бы состояться при тоталитарной диктатуре, не была бы для такого собственника большой угрозой. Его собственность состоит не из отдельных предприятий, ему принадлежит весь аппарат производства. Ему не страшны потери на отдельных предприятиях, потому что тем, кто работает на этих предприятиях или обществу в целом, приходится покрывать эти потери. Вследствие этого, забастовки для коммунистов — скорей политическая, чем экономическая проблема.

Если отдельные забастовки почти невозможны и безнадежны в отношении своих результатов, то для всеобщих забастовок нет соответствующих политиче-

ских условий, и они могут происходить только в исключительных случаях. Когда отдельные забастовки все же происходили, они обычно превращались во всеобщую забастовку и принимали ярко выраженный политический характер. Кроме того, коммунистические правительства постоянно вносят раскол в рабочий класс через вышедших из его рядов наемных агентов, которые «воспитывают» рабочих, «поднимают их идеологический уровень» и руководят ими в повседневной жизни.

Профсоюзы и другие профессиональные организации, принимая во внимание их функции и задачи, могут быть только орудиями собственника и властителя, иначе говоря, политической олигархии. В ее глазах, их главная задача — «строительство социализма», то есть рост производства. Другие задачи заключаются в том, чтобы сеять иллюзии и содействовать распространению благожелательных к режиму настроений среди рабочих. Эти организации сыграли только одну положительную роль: они способствовали повышению культурного уровня трудящихся.

Рабочие организации при коммунистической системе не что иное, как «соглашательские» или «штрейкбрехерские», т. н. «желтые» организации особого рода. Мы говорим «особого рода», потому что в данном случае работодатель, это одновременно и правительство, и выразитель господствующей идеологии. При других системах эти два фактора, обычно, отделены один от другого, так что рабочие, если даже они не могут положиться ни на один из них, могут, по крайней мере, пользоваться разногласиями и конфликтами между ними.

Недаром коммунистический режим больше всего интересуется именно рабочим классом, — не по идеалистическим или гуманным соображениям, а просто потому, что это класс, от которого зависит производство, и тем самым возвышение, благополучие, да и само существование нового класса.

Несмотря на отсутствие свободы труда и свободных рабочих организаций, даже при коммунистической системе существует какой-то предел эксплуатации. Для определения этого предела потребовался бы более глубокий и конкретный анализ. Здесь мы ограничимся тем, что рассмотрим наиболее важную сторону этого вопроса.

Помимо политических причин, помимо страха перед недовольством рабочих и других преходящих соображений, есть еще и постоянные факторы, ограничивающие возможность эксплуатации. Те ее степени и формы, которые становятся слишком невыгодными для системы, приходится рано или поздно менять.

Так, указом от 25-го апреля 1956-го года, в Советском Союзе была отменена судебная ответственность рабочих за самовольный уход с предприятий и за прогул без уважительной причины. Многие рабочие были освобождены из лагерей, причем оказалось, что невозможно было провести различие между политическими заключенными и людьми, сосланными в лагери просто потому, что режиму была нужна рабочая сила. Этот указ не дал полного освобождения труда; остались еще значительные ограничения, но все же он означал самый важный шаг в этом направлении со времени смерти Сталина.

В Советском Союзе принудительный рабский труд принес режиму политические затруднения, а также, по мере внедрения передовой техники, стал обходиться слишком дорого. Рабочий, выполняющий такой рабский труд, как бы скудно его ни содержали, обходится стране дороже, чем та продукция, которую он дает, если принять во внимание стоимость административного аппарата, необходимого для его принуждения к труду. Его работа становится непроизводительной; приходится от нее отказаться. Современные методы производства налагают на эксплуатацию и другие ограничения. Истощенный, занимающийся принудительным трудом рабочий не может должным образом обслуживать машину. Здоровье рабочего и соответ-

ствующие бытовые условия становятся необходимой предпосылкой производительности его труда.

Таким образом, в коммунистической системе эксплуатации положены известные пределы. Но положены пределы и свободе рабочих. Пределы эти определяются режимом собственности и особым характером государственного строя. Пока то и другое не изменится, рабочая сила не может стать свободной: она останется подвластной экономическому и административному принуждению, в его более мягкой или более суровой форме.

Поскольку коммунистический режим нуждается в производстве, он регулирует условия труда и положение рабочей силы. Он проводит многосторонние и всеобъемлющие специальные мероприятия: устанавливает длительность рабочего дня, решает все, что касается отпусков, страхования, образования, женского и детского труда. Многие из этих мероприятий остаются на бумаге, другие — в конечном счете — приносят вред.

При коммунистической системе существует постоянная тенденция регулировать трудовые отношения и заботиться о мире и порядке в производстве. Единственный коллективный собственник решает все вопросы, касающиеся рабочей силы во всеобъемлющем масштабе. Он не может мириться с анархией ни в чем, а в рабочем вопросе всего меньше; по его мнению, рабочая сила нуждается в регулировке, точно так же, как и всякий другой фактор производства.

Хвастливое утверждение, что при коммунистической системе не существует безработицы, не может скрыть язв, становящихся очевидными при внимательном изучении вопроса. Поскольку всеми продуктами производства распоряжается одна единственная социальная группа, все производство, как и все вопросы рабочей силы, должны стать объектом планирования. Большую роль в планировании играют политические соображения, а это неизбежно приводит к тому, что в промышленности сохраняется целый ряд отраслей, которые существуют лишь за счет других ее отраслей. Таким образом планирование служит прикрытием для

фактической безработицы. Как только отдельные секторы народного хозяйства получают больше свободы, или как только режим найдет, что ему незачем поддерживать одну отрасль промышленности за счет другой, безработица проявится открыто. Более тесная связь с мировым рынком тоже может содействовать такой децентрализации хозяйства.

Можно сказать, таким образом, что отсутствие безработицы, это результат не коммунистического «социализма», а экономической политики, проводящейся по приказу сверху. В конечном счете, это результат несогласованности и непроизводительности труда. Отсутствие безработицы показывает не мощь, а слабость коммунистической экономики. В Югославии был недостаток рабочей силы до тех пор, пока не удалось добиться достаточной производительности труда. Как только это произошло, появилась безработица. И она стала бы еще сильнее, если бы Югославия достигла максимальной производительности труда.

В коммунистической экономике отсутствие безработицы означает скрытую безработицу. Нужда, в которой живут все граждане, прикрывает безработицу некоторых из них, точно так же, как необычайное развитие некоторых секторов экономики прикрывает отсталость других секторов.

В силу тех же причин, монопольные собственники и властители могут предотвратить хозяйственную катастрофу, но не в состоянии избежать хронического кризиса в экономике. Эгоистические интересы нового класса и идеологическая направленность экономики делают невозможным установление здоровой и гармонически развивающейся хозяйственной системы.

Маркс не был первым, кто стал представлять себе экономику будущего общества, построенной на планировании. Но он был первым, или одним из первых, кто признал, что современная экономика нуждается

в планировании не только в силу социальных причин, но и потому, что она построена на основе современной научной техники. Гигантское планирование в национальном и международном масштабе впервые начали монополии. В наши дни планирование стало явлением всеобщим и важным элементом в экономической политике большинства правительств, хотя в промышленно развитых странах оно носит другой характер, чем в промышленно отсталых. Планирование становится необходимым, когда производство достигает высокой степени развития. Оно не связано тесно ни с какими теориями вообще, не говоря уже о теориях Маркса, относившихся к гораздо менее развитой стадии общественных и хозяйственных отношений.

Когда Советский Союз стал первой страной, приступившей к планированию в национальном масштабе, его руководители, будучи марксистами, связали это свое планирование с марксизмом. Но, по правде сказать, хоть учение Маркса и дало идейную основу для революции в России, позже оно стало прикрытием для любых мероприятий, проводимых советскими вождями.

Все исторические и вообще особые, конкретные причины для советского планирования стали выводиться из соответствующих теорий. Теория Маркса была самой близлежащей и наиболее приемлемой, принимая во внимание историю и социальную базу коммунистического движения.

Хотя вначале коммунисты неизменно ссылались на Маркса, их планирование вызвано было гораздо более сложными идейными и материальными причинами. При единственном собственнике, как можно руководить экономикой, иначе чем по плану? При таких огромных капиталовложениях в целях индустриализации, как можно их делать не по плану? Идеалом становится лишь то, в чем ощущается нужда. Так обстоит дело и с коммунистическим планированием. Оно направлено на развитие тех отраслей хозяйства, которые обеспечивают укрепление режима. Это общее правило, хотя в каждой коммунистической стране, особенно в тех из

них, которые становятся независимыми от Москвы, встречаются отступления от этого правила.

Для укрепления режима требуется, конечно, успешное развитие народного хозяйства в целом, да и невозможно надолго отделить одну или несколько успешно развивающихся отраслей производства от остальных его отраслей. Однако, во всех коммунистических системах упор в планировании всегда делается на развитие тех отраслей производства, которым приписывается решающее значение для сохранения политической устойчивости режима. Это те отрасли, развитие которых способствует росту значения, власти и привилегий бюрократии, а также те, что укрепляют режим в его отношениях с другими странами и дают ему возможность усиливать индустриализацию. До сих пор это были тяжелая и военная промышленность. Это не значит, однако, что в той или другой стране положение не может измениться. С недавних пор, особенно в Советском Союзе, первое место в планировании заняла атомная энергия, и, можно сказать, что в этом сыграли роль прежде всего соображения военного и внешне-политического характера.

Этим целям подчиняется все. Поэтому многие отрасли хозяйства отстают и работают нерентабельно; неизбежны трудности и перебои в развитии; чрезмерная себестоимость продукции и инфляция — постоянные явления. По данным Андрэ Филиппа («Нью Лидер» от 1-го октября 1956 г.), вложения в тяжелую промышленность в Советском Союзе с 53,3% общих капиталовложений в 1954 году возросли до 60% в 1955-ом. Двадцать один процент чистого народного дохода вкладывается в промышленность, хотя тяжелая промышленность содействовала увеличению дохода на душу населения лишь в размере 7,4%, причем 6,4% проистекали из увеличения производства.

Вполне понятно, почему при данных условиях новые собственники меньше всего заботятся о жизненном уровне трудящихся, хотя Маркс и утверждал, что люди — самый важный фактор в производстве. Английский публицист Эдвард Крэнкшоу, стоящий близко к кругам английской лейбористской партии, пишет, что

тем, кто зарабатывает в Советском Союзе меньше 600 рублей в месяц, приходится вести тяжелую борьбу за существование. Гарри Шварц, главный специалист газеты «Нью Йорк Таймс» по советским делам, высчитал что около восьми миллионов рабочих в Советском Союзе зарабатывают меньше 300 рублей в месяц, а «Трибьюн» — еженедельник, выражающий взгляды левого крыла английской лейбористской партии — поясняет по этому поводу, что именно эта **экономическая** причина, а вовсе не равноправие, объясняет, почему в Советском Союзе большое число женщин заняты тяжелым ручным трудом. Кстати сказать, недавнее увеличение заработной платы на 30 процентов относилось именно к этим низко оплачиваемым группам советских рабочих.

Таково положение в Советском Союзе. Немногим отличается и положение в других коммунистических странах, даже таких, в техническом отношении весьма развитых, как Чехословакия. Югославия когда-то была экспортером сельскохозяйственных продуктов, теперь она сама их ввозит. По официальным статистическим данным, жизненный уровень рабочих и служащих там теперь ниже, чем до второй мировой войны, когда Югославия была отсталой капиталистической страной.

Основным стимулом коммунистического планирования являются вовсе не интересы хозяйства в целом, а политические и идеологические мотивы, особенно в тех случаях, когда речь идет об экономическом прогрессе, т.е. о повышении жизненного уровня, и о политических и классовых интересах. Из идеологических соображений коммунисты делают крупные капиталовложения в определенные отрасли хозяйства. Это приводит к глубоким нарушениям нормального хозяйственного развития, которые нельзя уравновесить поступлениями от национализированного имущества, отнятого у капиталистов и крупных землевладельцев, а приходится компенсировать низкой заработной платой рабочих и ограблением крестьян, путем введения системы принудительных заготовок.

Правда, можно сказать, что если бы Советский Союз

не проводил такого планирования, или не делал бы упора на развитие тяжелой промышленности, он вошел бы во вторую мировую войну невооруженным и стал бы легкой добычей для гитлеровского завоевания. Это верно, но только до известной степени. Сила любой страны — не в одних танках и пушках. Если бы Сталин не преследовал в своей внешней политике империалистических целей, а во внутренней не был бы тираном, то никакая группировка держав не привела бы к тому, чтобы Советский Союз оказался в одиночестве, лицом к лицу с захватчиком.

Ясно одно: идеологический подход к планированию и развитию хозяйства не сыграл решающей роли в развитии военной промышленности. Упор на военную промышленность делался потому, что властители страны стремятся к полной свободе рук как внутри, так и вне ее; требования **национальной** обороны играли лишь второстепенную роль, хотя они и были налицо. Советский Союз мог бы получить то же количество вооружения, действуя по иным планам, которые сблизили бы страну с иностранными рынками. Бóльшая зависимость от иностранных рынков вызвала бы необходимость в совершенно иной внешней политике. При современных условиях, когда интересы различных стран переплетаются между собой, и когда война носит тотальный характер, масло почти так же важно для ведения военных операций, как пушки.

Верно это и в отношении сельского хозяйства. При нынешних условиях передовое сельское хозяйство означает индустриализацию. Но передовое сельское хозяйство не обеспечивает коммунистическому режиму независимости от внешнего мира, а внутри страны оно делает режим зависимым от крестьян, хотя бы и при коллективной форме крестьянского хозяйства. Вот почему на первом месте в планировании стоит производство стали, а колхозная продукция остается низкой. Политическому могуществу дано в планировании предпочтение перед экономическим прогрессом.

Советское или вообще коммунистическое планирование, это совершенно особое планирование. Оно раз-

вилось отнюдь не в результате технического повышения производства или так называемой «социалистической сознательности» его организаторов. Своим возникновением оно обязано особому виду государственной власти и особому режиму собственности. Эти факторы и поныне определяют его развитие, хотя избежать влияние технических и других факторов коммунистическому планированию не удалось. Это очень важно отметить, поскольку именно особый характер этого типа планирования обуславливает возможности коммунистической экономики.

Результаты, которые достигают эта экономика и это планирование, могут быть различны. Концентрация всех ресурсов для достижения какой-либо отдельной цели дает людям, находящимся у власти, возможность необычайно быстро добиться прогресса в некоторых отраслях хозяйства. Советский Союз, например, достиг в некоторых отраслях прогресса, который не превзойден нигде в мире. Но если принять во внимание его отсталось в других отраслях хозяйства, то этот прогресс не оправдывает себя с точки зрения общей экономики.

Правда, некогда отсталая Россия занимает теперь второе место в мире по некоторым очень важным отраслям производства. Советский Союз стал самой мощной континентальной державой в мире. Там создан многочисленный рабочий класс, широкий слой технической интеллигенции; там в изобилии есть сырье для производства товаров широкого потребления. Таким образом, там существуют все предпосылки для повышения жизненного уровня населения, а вместе с тем и для ослабления диктатуры. Но монополия собственности и политические соображения, для которых хозяйственный план служит орудием и только, воспрепятствовали, как сколько-нибудь значительному ослаблению диктатуры, так и поднятию жизненного уровня. Исключительная монополия одной группы в экономике, как и в политике, планирование, направленное на усиление власти и защиту ее интересов в стране и во всем мире, постоянно тормозит улучшение жизненного

уровня населения и мешает гармоническому развитию хозяйственной жизни в ее целом. Самое важное препятствие, это, несомненно, отсутствие свободы. В коммунистической системе вопрос свободы стал основной проблемой, и хозяйственной жизни, и жизни вообще.

5

Коммунистическое плановое хозяйство таит в себе анархию особого рода. Несмотря на свой плановый характер, это хозяйство едва ли не самое расточительное, какое когда-либо существовало. Такое утверждение может показаться странным, особенно если принять во внимание сравнительно быстрое развитие отдельных отраслей хозяйства, да и всей экономики в целом. Но для него есть все же серьезные основания.

Расточительность, достигающая фантастических размеров, была бы неизбежной, даже если группа людей, находящихся у власти, не рассматривала бы все, включая народное хозяйство, с идеологической и узко-собственнической точки зрения. Как может вообще отдельная группа людей бережливо и успешно управлять современной сложной экономикой, — экономикой, которая, вопреки самому полному и тщательному планированию, обнаруживает изо дня в день разнородные, а подчас и противоречивые, как во внутренней своей структуре, так и в своих отношениях к внешнему миру, тенденции? Отсутствие всякой критики, или хотя бы сколько-нибудь существенных свободных высказываний на этот счет, неизбежно ведет к непроизводительным затратам, убыткам и застою.

Вследствие политического и экономического всемогущества правящей группы, убыточность предприятий нельзя избежать, даже при самых лучших намерениях. Очень мало внимания обращается на то, во что обходятся такие предприятия хозяйству в целом. Во что обходится народу сельское хозяйство, находящееся в застое, оттого что коммунисты суеверно боятся

крестьян и производят ни с чем несоразмерные капиталовложения в тяжелую промышленность? Во что обходятся капиталовложения в нерентабельные отрасли производства? Во что обходится отсталая система транспорта? Во что обходится плохая оплата рабочих, которые вследствие этого надувают администрацию и работают нарочито медленно? Во что обходится низко качественная продукция? Никто не подсчитывает этих убытков, да их нельзя и подсчитать.

Точно так же, как они управляют хозяйством, коммунистические главари распоряжаются и всем другим, — в полном противоречии с собственным учением, то есть, исходя из одних своих личных интересов. Хозяйство, это как раз та область, которая менее всего допускает произвол. Но даже, если бы они хотели, коммунистические заправилы не могли бы учитывать интересы хозяйства в целом. Руководствуясь политическими соображениями, правящая группа решает, что именно следует считать «жизненно необходимым», «основополагающим» и «решающим». Ничто не мешает этой группе проводить в жизнь свои решения, так как она не боится потерять ни свою власть, ни свою собственность.

Периодически, руководители занимаются критикой или самокритикой и приводят данные, доказывающие, что где-либо наблюдается отсталость, или стала очевидной вопиющая бесхозяйственность. Хрущев критиковал Сталина за его сельскохозяйственную политику. Тито критиковал свой собственный режим за чрезмерные капиталовложения и миллиардные убытки. Охаб критиковал самого себя за «относительное» невнимание к жизненному уровню населения. Но по сути дела все остается по-старому. Те же самые люди, теми же методами стараются продлить существование той же системы, пока снова не обнаруживаются прорывы и «неправильности». Понесенные убытки возместить нельзя; поэтому режим и партия и не берут на себя ответственности за убытки. Они «отметили» ошибки, они заявили, что ошибки эти будут «исправлены». И все начинается с начала.

Не было случая, чтобы хоть один коммунистический руководитель пострадал из-за того, что имевшиеся средства были непроизводительно израсходованы или растрчены попусту самым фантастическим образом. Зато многие были сняты со своих постов за «идеологические уклоны».

В коммунистической системе кражи и незаконные присвоения имущества неизбежны. Дело тут не только в нужде, которая заставляет людей красть «народную собственность». Дело в том, что собственность вообще как-будто никому больше не принадлежит. Все ценности, как бы утратили ценность, а это создает благоприятную обстановку для краж и убыточных операций. В 1954 году, в одной только Югославии, было обнаружено 20.000 случаев кражи «социалистической собственности». Коммунистические властители распоряжаются народным имуществом, как-будто оно принадлежит им, но транжирят его, как-будто оно принадлежит кому-то другому. Такова природа собственности и природа власти в этой системе.

Самую крупную убыточность даже и не замечают. Это убыточность рабочей силы. Медленная, непродуктивная работа многих миллионов незаинтересованных людей, наряду с запретом всякой работы, которая не считается «социалистической», — вот те неучитываемые, не бросающиеся в глаза и вместе с тем огромные убытки, которые коммунистический режим не смог избежать ни в одной стране. Будучи последователями теории Адама Смита о том, что труд создает ценности, теории, которую принял в своем учении Маркс, коммунистические правители уделяют, однако, меньше всего внимания вопросам рабочей силы и труда, рассматривая рабочую силу, как нечто легко заменимое и обладающее очень небольшой ценой.

Страх коммунистов перед «возрождением капитализма» и все другие их хозяйственные предубеждения, вытекающие из узких классовых или идеологических мотивов, стоили народу огромных денег и затормозили его развитие. Целые отрасли производства были уничтожены, потому что государство ока-

залось не в состоянии поддерживать или развивать их; а ведь только то, что принадлежит государству, считается «социалистическим».

Долго ли и до каких именно пор будет народ переносить такое положение? Приближается момент, когда индустриализация, некогда сделавшая коммунизм неизбежным, приведет к тому, что в результате ее собственного развития коммунистический государственный строй и коммунистический режим собственности станет чем-то излишним и отжившим.

Хозяйственная убыточность становится огромной благодаря замкнутости коммунистической экономики. Всякое коммунистическое хозяйство, по существу автархично. Автархия эта проистекает из особенностей государственного строя и связанного с ним режима собственности.

Ни одна коммунистическая страна, не исключая Югославии, вынужденной вследствие своего конфликта с Советским Союзом в большей мере сотрудничать с не-коммунистическими странами, не сумела развить свою внешнюю торговлю так, чтобы она вышла за пределы обычного старого товарообмена. Плановое производство в крупном масштабе не было достигнуто и в сотрудничестве с другими странами.

Коммунистическое планирование, кроме всего прочего, очень мало считается с потребностями мирового рынка или производства в других странах. Частью вследствие этого, частью же по идеологическим и другим мотивам, коммунистические правительства не учитывают в должной мере естественных условий, влияющих на производство. Часто строят заводы, не учитывая недостатка сырьевых ресурсов и почти никогда не считаются с мировым уровнем цен и производства. Производство иных товаров обходится им в несколько раз дороже, чем другим странам. Между тем, другие отрасли промышленности, где производство могло бы превысить средний мировой уровень, а цены товаров могли бы быть ниже средних мировых цен, не удостоиваются внимания. Зато пускаются в ход целые новые отрасли промышленности, хотя мировой рынок

пресыщен товарами, которые они будут производить. За все это должен расплачиваться народ, ради того, чтобы обеспечить неуязвимость олигархов.

Это — одна сторона проблемы, общей для всех коммунистических режимов. Другая, это бессмысленная погоня «ведущей социалистической страны», то-есть, Советского Союза, за тем, чтобы догнать и перегнать самые высокоразвитые страны. Во что это обходится? И к чему это ведет?

Возможно, что Советский Союз способен догнать наиболее развитые страны в некоторых областях хозяйства. Путем огромной непроизводительной затраты рабочей силы, при низкой заработной плате и пренебрегая другими отраслями производства, есть возможность это достигнуть. Другой вопрос, оправдывает ли это себя с хозяйственной точки зрения?

Такие планы агрессивны сами по себе. Что должен думать некоммунистический мир о том, что Советский Союз решил занять первое место в производстве стали и нефти ценой низкого жизненного уровня? Что остается от толков о «сосуществовании» и «мирном сотрудничестве», если они сводятся к соперничеству в тяжелой промышленности и очень незначительному торговому обмену? Что остается от сотрудничества, если коммунистическая экономика развивается автархически, а проникает на мировую арену, главным образом, руководствуясь идеологическими соображениями?

Такого рода планирование и такие хозяйственные отношения приводят к растрачиванию рабочей силы и народного богатства, как внутри страны, так и в мировом масштабе, и не могут быть оправданы ни с какой точки зрения, кроме точки зрения коммунистической олигархии. Технический прогресс и изменяющиеся жизненные потребности выдвигают на первый план то одну, то другую область производства; это верно и в отношении отдельных стран и всего мира в целом. Что произойдет, если, скажем, через пятьдесят лет сталь и нефть потеряют то значение, которое они имеют в наши дни? Коммунистические властители

не считаются с этим, как не считаются и со многим другим.

То, что делается для установления связи между коммунистической, прежде всего советской, экономикой и остальным миром, и для продвижения этой экономики на мировую арену, не соответствует ее техническим возможностям. В теперешней стадии своего хозяйственного развития, коммунистические страны могли бы экономически сотрудничать с внешним миром в гораздо большей степени, чем они это делают. Отказ использовать свои возможности для сотрудничества с внешним миром и стремление проникнуть во внешний мир, продиктованное идеологическими соображениями, объясняются монополией коммунистов в области хозяйства и их желанием удержать власть в своих руках.

Ленин был в общем прав, когда утверждал, что политика, это «сгущенная экономика». Но в коммунистической системе получилось обратное: экономика стала сгущенной политикой; иначе говоря, политика играет в экономике почти что решающую роль.

Отрыв от мирового рынка, или, что то же, организация «мирового социалистического рынка», которую начал Сталин, и к которой до сих пор стремятся советские правители, это едва ли не основная причина мирового напряжения в области международных отношений и убыточности во всем мировом хозяйстве.

Монополия собственности, устарелые методы производства — все равно, где и какие — противоречат мировым экономическим потребностям. Монополистическая собственность или свобода, — таков вопрос, поставленный теперь в мировом масштабе.

Уничтожение частной или капиталистической собственности в отсталых коммунистических странах сделало возможным быстрый, хоть и не лишенный перебоев, хозяйственный прогресс. Эти страны, обновившись, приобрели большую материальную силу, а руководит ими самоуверенный и фанатический новый класс, вкусивший сладость власти и собственности. При таком положении вещей не может быть решен

ни один вопрос из тех, что казались важными классическому социализму девятнадцатого века, или хотя бы, позже, Ленину; и еще меньше может быть обеспечен экономический прогресс без внутренних трудностей и потрясений.

Несмотря на мощную концентрацию сил в одних руках и на быстрые, хоть и не равномерные успехи, коммунистическая хозяйственная система с самого момента своей полной победы стала обнаруживать трещины и слабости. И хотя она еще не достигла вершины своего могущества, она уже наталкивается на трудности. Ее будущее делается все более сомнительным; коммунистической хозяйственной системе, как внутри коммунистических стран, так и за их пределами, придется вести самую ожесточенную борьбу за свое существование.

Глава шестая

УГНЕТЕНИЕ ДУХА

1

Было бы лишь отчасти правильно искать корни той тирании над мышлением, которую коммунисты осуществляют с прямо-таки циничной утонченностью, когда приходят к власти, в самой коммунистической философии. Правда, коммунистический материализм — едва ли не самое нетерпимое и замкнутое в себе из всех современных мировоззрений. Последователи его так им заворожены, что уже не могут стать ни на какую другую точку зрения. Но если бы это мировоззрение не было связано с особыми формами собственности и государственного строя, нельзя было бы им одним объяснить те чудовищные методы подавления и разрушения человеческого мышления, которые применяют его сторонники.

Всякая идеология — как и любое мнение — стремится, чтобы ее считали единственно верной. Это свойственно человеческому мышлению.

Маркса и Энгельса отличают от других мыслителей не столько их идеи, сколько методы обращения с этими идеями. Взгляды своих современников они отвергали, не признавая за ними никакой научной или социально-прогрессивной ценности, и объявляли их всех оптом «буржуазной наукой», чем исключалась заранее всякая серьезная дискуссия и всякое изучение предмета. Источником всей идеологической нетерпи-

мости коммунизма стало особенно одно поражающее своей узостью убеждение Маркса и Энгельса: они считали, что оценку трудов любого современного ученого, мыслителя или художника нельзя отделять от оценки его политических взглядов. В силу этого, если кто-либо принадлежал к противоположному политическому лагерю, все, что он делал или писал, полностью отвергалось и вообще не принималось во внимание.

Эту позицию Маркса и Энгельса можно лишь частично объяснить резким сопротивлением их взглядам со стороны собственников и правящих кругов, с самого начала встревоженных «призраком коммунизма». Объяснение тут надо скорее искать в другом: в их убеждении, что они проникли в глубины всяческой философии, и что поэтому никто не мог достигнуть никаких, сколько-нибудь значительных результатов в области мысли, не принимая за основу их собственное мировоззрение. Создавая свою теорию в научной атмосфере той эпохи и исходя из потребностей социалистического движения, Маркс и Энгельс пришли к выводу, что все, не представлявшее значения для них или для этого движения, было незначительным само по себе; иначе говоря то, что не было связано с движением, вообще не представляло интереса.

Поэтому они разрабатывали свою теорию, совершенно не считаясь со взглядами многих выдающихся умов своей эпохи и пренебрегая мнением несогласных с ними даже в собственном движении. В трудах Маркса и Энгельса нет никаких упоминаний о таких мыслителях, как Шопенгауэр или Тэн. Не упоминают они и об известных писателях и деятелях искусства своего времени. Нет у них даже никаких ссылок на тех, кто был захвачен тем же идейным и общественным течением, к которому принадлежали они сами. С оппонентами своими в социалистическом движении они сводили счеты крайне резко и нетерпимо. Это, может быть, не имело значения для социологии Прудона, но зато сыграло очень большую роль в развитии социализма и социальной борьбы, особенно во

Франции. То же можно сказать о Бакунине. Обрушиваясь на идеи Прудона в своей «Нищете философии», Маркс в гневе потерял всякое чувство меры. Точно так же он и Энгельс отнеслись к немецкому социалисту Лассалю и к другим своим оппонентам внутри социалистического движения.

С другой стороны, они тщательно следили за многими важными явлениями в умственной жизни их времени. Они приняли теорию Дарвина. Они многое почерпали из прошлого, особенно из древности и Возрождения, из основных источников европейской культуры. Они многое позаимствовали из английской политической экономии (Адам Смит и Рикардо), из классической немецкой философии (Кант и Гегель), из социальных теорий французских социалистов и других французских послереволюционных мыслителей. Они питались теми великими научными, культурными и общественными течениями, которые содействовали образованию демократической и прогрессивной духовной среды в Европе и повсюду в мире.

В развитии коммунизма есть своя логика и последовательность. Маркс был более ученым, был объективнее, чем Ленин, который прежде всего был великим революционером, воспитавшимся в условиях царского самодержавия, полуколониального русского капитализма и мировых конфликтов между монополиями, боровшимися за сферы влияния.

Опираясь на Маркса, Ленин учил, что материализм всегда в истории был прогрессивной доктриной, а идеализм — реакционной. Утверждение это было не только односторонним и неточным, но еще и усугубляло обособленность теории Маркса, отгороженность ее от всего другого. Кроме того, оно проистекало из недостаточного знания истории философии. В 1909 году, когда Ленин писал свою работу «Материализм и эмпириокритицизм», он не был хорошо знаком с теориями великих философов, классических или современных. Ради того, чтобы сразить оппозиционеров, взгляды которых задерживали развитие его партии, Ленин отбрасывал все, что расходилось с теорией

Маркса. Для него все не-марксистское было ошибочно и не могло иметь никакой ценности. Следует признать, что в этом отношении сочинения Ленина представляют собой выдающийся пример последовательного и в известных пределах убедительного догматизма.

Исходя из убеждения, что материализм всегда был идеологией революционного и ниспровергающего старый строй социального движения, он пришел к одностороннему заключению, что материализм всегда был прогрессивен — даже в области научного исследования и развития человеческого мышления — тогда как идеализм всегда отличался реакционностью. Ленин смешивал форму и содержание, не отличал научного метода от истин, открываемых наукой. Для Ленина достаточно было уличить кого-нибудь в идеализме, чтобы уже не считаться с его трудами и со значением его открытий. Он распространял свою политическую нетерпимость чуть ли не на всю историю человеческой мысли.

В 1920 году английский философ Берtrand Рассель, приветствовавший в свое время октябрьскую революцию, дал следующее, весьма точное определение ленинского или коммунистического догматизма:

«Есть, однако, и другая сторона большевизма, гораздо менее для меня приемлемая. Большевизм, это не только политическая доктрина; это еще и религия со сложными догматами и собственным священным писанием. Когда Ленин хочет доказать какое-нибудь положение, он делает это, по возможности, цитируя тексты из трудов Маркса или Энгельса. Подлинный коммунист, это не просто человек, считающий, что земля и капитал должны быть общей собственностью и что доходы с них должны распределяться по возможности поровну между всеми; это человек, придерживающийся целого ряда сложных догматических верований — таких, например, как философский материализм — которые, быть может, и соответствуют истине, но которые научно мыслящий человек склонен считать недоказанными.

«Эта привычка высказывать настойчивую уверенность в объективно вызывающих сомнение вещах, относится к тем привычкам, от которых, начиная с эпохи Возрождения, мир начал постепенно освобождаться, переходя к тому конструктивному и плодотворному скептицизму, который характеризует современное научное мировоззрение. Я считаю, что это научное мировоззрение представляет для человечества огромную ценность. Если бы более справедливая хозяйственная система была достижима только ценой искоренения из человеческого ума всякой свободной пытливости, так что человечество оказалось бы отброшенным в умственную тюрьму средневековья, я сказал бы, что цена эта слишком высока. Нельзя, однако, отрицать, что на короткий период времени, догматическое верование помогает в борьбе».

Но это писалось в ленинские времена...

Сталин пошел дальше; он «развил» учение Ленина, но не обладал ленинскими знаниями и глубиной. Тщательное исследование показало бы, что Сталин, которого Хрущев и сейчас еще считает «лучшим марксистом» своего времени, не читал даже и «Капитала» Маркса, важнейшего марксистского труда. Сталин был практиком и при своем крайнем догматизме не нуждался даже в знакомстве с экономическими трудами Маркса, чтобы создать свою собственную разновидность «социализма». Сталин и вообще не был близко знаком ни с какими философскими учениями. Он обходился с Гегелем, как с полным ничтожеством, приписывая ему «реакцию прусского абсолютизма на французскую революцию».

Зато Сталин на редкость хорошо был знаком с трудами Ленина. Он постоянно искал в них опору, гораздо чаще еще, чем Ленин у Маркса. Хорошо знал Сталин только политическую историю, особенно русскую, и обладал исключительной памятью.

Больше ему ничего и не нужно было для той роли, которую он хотел играть. Все, что не совпадало с его потребностями и взглядами, он просто объявлял «враждебным» и на все это налагал запрет.

Маркс, Ленин и Сталин — эти три человека представляли полный контраст друг другу, как люди, да и писали совершенно по разному. Маркс был не только революционером, он был также и настоящим ученым. Его стиль был образен, причудлив, непринужден и не лишен некоторого олимпийского остроумия. Ленин казался воплощением революции, как таковой. Его стиль был красочен, язвителен и логичен. Сталин был убежден, что его власть — вершина всех человеческих желаний, и что его мышление — высшее выражение человеческой мысли. Его язык был бесцветен и однообразен, но его упрощенная логика и догматизм были убедительными для людей, неспособных критически мыслить. В его трудах можно найти общие места, позаимствованные подчас у отцов церкви, что объясняется не столько его религиозным воспитанием, сколько примитивностью его мышления, свойственной вообще доктринерам-коммунистам.

У преемников Сталина нет даже и его грубой последовательности мышления, как и его догматической убежденности и силы. Они во всем средние люди, только и знающие что окружающую их действительность. Эта их приверженность к бюрократической системе, в которой они живут, делает их неспособными создать новую систему, породить новые идеи. Они способны только удушать всякую творческую мысль.

Такова эволюция того догматизма, той замкнутости в себе, которые характеризуют коммунистическую идеологию. Так называемое «дальнейшее развитие марксизма» привело к усилению нового класса, и не только к владычеству одной единственной идеологии, но к владычеству этой идеологии в том виде, в каком она принималась отдельным человеком или отдельной группой олигархов. Это привело, в свою очередь, к умственному упадку и обнищанию самой идеологии. Наряду с этим возросла нетерпимость к чужим идеям и к человеческому мышлению вообще. Идеология вырождалась, теряла те элементы истины, которые заключались в ней, по мере того, как росло материальное могущество ее сторонников.

Становясь все более односторонним и нетерпимым, современный коммунизм все больше довольствуется полуправдами и пытается их оправдать. На первый взгляд может показаться, что взятые в отдельности его положения верны. Однако, они неизлечимо заражены ложью. Его полуправды раздуты и искажены до полной нелепости. И чем больше коммунизм ко-стенеет и проникается ложью, тем больше он укрепляет монопольную власть партийных вождей над обществом, а тем самым и над коммунистической теорией.

2

Убеждение, что марксизм — универсальный метод, убеждение, которое коммунисты обязаны разделять, на практике неизбежно ведет к угнетению духа, к тирании во всех областях умственной деятельности.

Что делать несчастным физикам, если атомы не желают подчиняться гегелианско-марксистской теории и не поступают согласно учению о тождестве противоположностей и об их развитии к высшему единству? Что делать астрономам, если космос проявляет равнодушие к марксистской диалектике? Как быть биологам, если растения не ведут себя в соответствии с лысенковско-сталинской теорией о гармонии и сотрудничестве классов в «социалистическом» обществе? Поскольку наука не может лгать, ученым приходится страдать за свои «ереси». Для того, чтобы их открытия были признаны, они вынуждены делать такие открытия, которые подтверждали бы формулы марксизма-ленинизма. Ученых постоянно преследует страх, как бы их идеи и открытия не разошлись с официальной догмой. Поэтому, в своей научной работе, им приходится быть оппортунистами и прибегать к компромиссам. Так обстоит дело не с одними учеными, но и со всей интеллигенцией.

В современном коммунизме есть черты, напоминаю-

щие нетерпимость средневековых религиозных сект, догматическую узость пуритан при Кромвеле и политическую нетерпимость якобинцев. Но есть и существенная разница. Пуритане верили в библию, коммунисты верят в науку. Коммунистическая власть более абсолютна, чем власть якобинцев. Кроме того, никакая религия и никакая диктатура и не мечтали в прошлом о такой всеобъемлющей и безграничной власти, какая выпала на долю коммунистической системы.

Уверенность коммунистических вождей в том, что они идут по пути, ведущему к абсолютному счастью и к идеальному обществу, росла по мере роста их власти. Кто-то в шутку сказал, что коммунистические руководители в самом деле создали коммунистическое общество, но только для самих себя. И действительно, они постоянно отождествляют себя с обществом и его чаяниями. Абсолютный деспотизм они отождествляют с верой в абсолютное человеческое счастье, а получается у них из этого безграничная и всеобъемлющая тирания.

Чем дальше, тем больше коммунистические правители толкуют о «сознательности». Их забота об этой «сознательности» точно так же растет вместе с ростом их власти и «строительства социализма».

Югославия в этом не исключение. Ее руководители, не устававшие подчеркивать «высокий уровень сознательности нашего народа» в течение революционного периода, то есть, в то время, когда «наш народ», хотя бы в известной своей части, активно их поддерживал, находят теперь, что «социалистическая» сознательность того же народа очень низка, так что выходит — только демократия сможет ее поднять. Югославские руководители открыто говорят, что введут демократию именно тогда, когда проявится рост «социалистической сознательности», той сознательности, которая, по их мнению, будет автоматически достигнута благодаря индустриализации. А пока что эти теоретики демократии, прописываемой в малых дозах, практикуют нечто совершенно противоположное де-

мократии и утверждают, что они имеют право — во имя будущего счастья и будущей свободы — пресекать малейшее проявление каких бы то ни было идей и какой бы то ни было сознательности, непохожих на их собственные идеи и на их собственную «сознательность».

Быть может, вначале советские правители и в самом деле вынуждены были пускаться в пустые обещания насчет демократии «в будущем». Теперь они попросту утверждают, что в Советском Союзе свобода уже осуществлена. На самом же деле, они, разумеется, сознают, что стремление к свободе подрывает их власть. Они только и делают, что «поднимают сознательность» граждан, забивают им головы выветрившимися марксистскими формулами и своими собственными политическими мудрствованиями, да еще вынуждая их сверх того заявлять об их преданности социализму и об их вере в непогрешимость партийного руководства.

Граждане коммунистических стран постоянно мучаются сомнениями относительно своей верности партийной линии и страхом, что они в чем-либо провинились. Они все время боятся, как бы им не пришлось доказывать, что они не враги социализма, точно так же, как в средние века людям постоянно приходилось доказывать свою преданность церкви.

Вся система воспитания, да и вся вообще общественная и умственная деятельность организуется сверху именно с тем расчетом, чтобы внушать гражданам такого рода поведение. От колыбели до могилы каждый отдельный гражданин «окружен заботой» правящей партии, которая неусыпно печется о его совести и о его сознательности. Журналисты, идеологи, наемные писатели, специальные школы, утвержденные свыше идеи и огромные материальные средства — все это используется для такого «строительства социализма». При ближайшем рассмотрении, других органов печати, кроме официальных, не существует. И точно так же обстоит дело с радиовещанием

и другими подобными орудиями воздействия на граждан.

Но результаты всего этого не велики. Во всяком случае, они совершенно не соответствуют затраченным средствам и усилиям. Убежден во всем, в чем следует быть убежденным, собственно один лишь новый класс, который и убеждать было незачем. Значительные результаты достигнуты лишь в том отношении, что граждане лишены возможности проявлять какую бы то ни было сознательность, кроме официально одобренной, и что всякая возможность для них выразить свое особое мнение в корне устранена.

Даже при коммунизме люди не перестают думать, просто потому, что не думать они не могут. Больше того: они думают не так, как им предписывают. Мышление их раздваивается: с одной стороны — их собственные мысли, мысли «про себя», а с другой — мысли, высказываемые вслух, официальные мысли.

Даже при коммунизме люди не настолько отупели от постоянной пропаганды, чтобы они не могли сами додуматься до истины или до каких-нибудь новых идей. И все же, в области умственной жизни, планирование олигархов ни к чему не приводит, кроме как к застою, разложению и упадку.

Эти олигархи, эти блюстители порядка, которые следят за тем, чтобы человеческое мышление не сделалось крамольным и не отклонилось от партийной линии; эти бессовестные производители низкокачественных, но по их вине единственных, имеющихся на рынке потребительских товаров; эти глашатаи неподвижных, выветрившихся, отошедших в прошлое идей, — именно они замораживают и тормозят творческие импульсы своего народа. Вольные мысли для них, что сорные травы, которые они грозятся выколоть из человеческого сознания. Подрезая крылья свободной мысли, оскопляя умы, они не только калечат других, но и лишают самих себя всякой творческой инициативы, как и всякой способности к критическому мышлению. У них, словно театр без зрите-

лей: актеры рукоплещут друг другу, восторгаясь собственной игрой.

И ведь эти верховные жрецы, и в то же время жандармы коммунизма, бесконтрольно распоряжаются, как всеми средствами передачи мыслей — печатью, радио, кинематографом, телевидением — так и всеми материальными благами: пищей, одеждой, жилищем и всем прочим.

Современный коммунизм, это узкое сектантство, которому выпала на долю безграничная власть над миллионами людей.

3

Несмотря на все это, в коммунистических странах технический прогресс все же налицо. Но это прогресс особого рода и достигаемый при особых условиях.

Быстрая индустриализация приводит к образованию широкого слоя технической интеллигенции, которая даже и не достигая особенно высокого уровня, привлекает таланты и стимулирует изобретательность. Сильней всего стимулируется она в тех отраслях, где и индустриализация проводится всего быстрее. Советский Союз не проявлял значительного отставания в военной технике, ни во время второй мировой войны, ни после нее. Не отстает он от Соединенных Штатов и в развитии атомной энергии. Техника в этой области развивается, несмотря на то, что бюрократическая система, вообще говоря, затрудняет продвижение изобретений. Нередко они годами залеживаются в архивах государственных учреждений, а отсутствие интереса со стороны руководителей производства еще более тормозит деятельность изобретателей.

Будучи людьми практичными, коммунистические правители немедленно устанавливают сотрудничество с техниками и учеными, не обращая особого внимания на их «буржуазные» взгляды. Правителям хорошо известно, что индустриализацию нельзя провести без тех-

нической интеллигенции, и что сама по себе эта интеллигенция не может стать опасной. Как во всех других областях, так и в этой у коммунистов есть упрощенная и лишь наполовину верная теория: услуги специалистов всегда оплачивает тот класс, которому они служат. Следовательно, почему бы «пролетариату», то есть, на самом деле новому классу, не делать того же самого? На основании этой теории они немедленно приступают к установлению системы премий.

Но несмотря на технический прогресс, показательным остается тот факт, что при советском режиме не было сделано ни одного крупного научного открытия. В этом отношении Советский Союз отстает, по всей видимости, и от царской России, страны технически отсталой, но в которой делались крупнейшие научные открытия.

Главное препятствие для научных открытий — не примат техники, а социальная структура коммунистического общества. Новый класс сильно заинтересован в том, чтобы его идеологическая монополия не подвергалась опасности. Между тем, всякое крупное научное открытие предполагает некоторый сдвиг в мировоззрении того, кто совершил это открытие. Но однажды принятое официальное мировоззрение ни в какую сторону сдвигать не полагается. В коммунистической системе любой ученый вынужден призадуматься раньше, чем рисковать, что его объявят «еретиком», если его теории не совпадут с утвержденной, предписанной и выгодной для нового класса догмой.

Другое, и еще большее, препятствие для научных открытий заключается в официальной доктрине о том, что марксизм или диалектический материализм — самый эффективный метод во всех областях научной, умственной и всякой другой деятельности. В Советском Союзе нет ни одного известного ученого, который не подвергался бы политическим неприятностям. Для этого было много причин, но одна из главных — несогласие с официальной точкой зрения. В Югославии было меньше таких случаев; но зато там были

случаи, когда оказывалось поощрение «преданным» коммунизму, но отнюдь не выдающимся ученым.

Коммунистическая система стимулирует технический прогресс, но вместе с тем и тормозит всю ту серьезную исследовательскую работу, для которой необходима свобода мышления. Это может показаться противоречием, но, тем не менее, это именно так.

Если коммунистические режимы не в полной мере препятствуют развитию точного научного знания, то в других областях умственной деятельности они полностью противятся всякому прогрессу и всякому открытию. Укорененные в одной единоспасающей философии, они решительные враги всякой другой философии. В коммунистических странах еще не появилось до сих пор, да и не могло появиться ни одного сколько-нибудь выдающегося мыслителя, всего меньше в области общественных наук, — конечно, если не считать самих правителей, которые чаще всего выступают также и в качестве главных философов, мастеров по части «подъема сознательности» у своих подданных. При коммунизме новая мысль, новая философия или социальная теория, могут продвигаться лишь по очень извилистым и тайным путям, обычно через литературу или другой вид искусства. Новая мысль должна всячески таиться и прятаться, раньше чем выйти на поверхность и начать свою подлинную жизнь.

Из всех отраслей науки и мысли, общественным наукам и анализу социальных проблем приходится всего хуже; они едва могут существовать. Все, что относится к социальным проблемам, толкуется согласно теориям Маркса и Ленина и руководители оставляют за собой монопольное право рассуждать на эти темы.

Истории, особенно истории коммунистического периода, фактически не существует. Нарочитое умалчивание и фальсификация истории не только допускаются — они представляют собой общее явление.

Монополисты нового класса конфискуют в свою пользу также и все духовное наследие народа. Они изображают дело так, как будто вся история толь-

го к тому и шла, чтобы подготовить их появление на исторической сцене. Они судят о прошлом, о всем его многообразии, по себе и перекрашивают его по собственному образу и подобию, прилагая ко всему одну и ту же мерку, деля всех людей и все явления на «прогрессивные» и «реакционные». Они возвышают пигмеев и низвергают гигантов, — особенно гигантов своего собственного времени.

Оттого то их единоспасающий научный метод так для них и важен, что он один защищает и оправдывает их монополию, их неограниченную власть над обществом и над наукой.

4

То же самое происходит и в области искусства. Здесь поощряются, чем дальше, тем больше, те, кто придерживаются привычных форм и шаблонных взглядов. Это вполне понятно: нет искусства без идей или по крайней мере без какого-то воздействия на человеческую мысль. Но ведь к важнейшим прерогативам коммунистических правителей как раз и принадлежит монополия на идеи и право влиять на мышление людей. Стремление сохранить эти прерогативы заставляет их поощрять привычное, избитое; но это связано также и с их невежеством, с их неискренностию в вопросах литературы и искусства. Некоторые из них готовы были терпеть известную меру свободы в этой области, но лишь в качестве принаиания, что современного искусства они не понимают, потому и не вмешиваются в его дела. Таково было отношение Ленина к футуризму Маяковского.

Несмотря на все это, отсталые народы могут при коммунистической системе испытать нечто вроде культурного, как и технического расцвета. Культура становится доступной для них, хоть они и получают ее главным образом в виде пропаганды. Новый класс заинтересован в распространении культуры потому,

что индустриализация вызывает потребность в более квалифицированном труде, а значит, и в повышении образовательного уровня. Сеть учебных заведений и школ прикладного искусства быстро расширяется, даже иногда выходя за пределы реальных потребностей и возможностей. Прогресс в этой области неоспорим.

Значительные произведения искусства обычно создаются тотчас после революции, до установления полной монополии нового правящего класса. Так было в Советском Союзе до 1930-го года, так обстоит дело ныне в Югославии. Можно подумать, что революция пробуждает спящие таланты, хотя деспотизм, тоже порожаемый революцией, постепенно удушает искусство.

Два основных метода удушения искусства заключаются в запрете идеалистических взглядов на него и в осуждении его новых форм.

В сталинское время дело дошло до того, что были запрещены все виды художественного выражения кроме тех, которые нравились Сталину. Особенно тонким вкусом Сталин не отличался; на ухо был туговат; в поэзии дальше четырехстопного ямба не шел. Английский историк Дейчер утверждал в свое время, что сталинская манера писать стала национальным советским стилем. Принятие официальной точки зрения на искусство сделалось столь же обязательным, как принятие официальной идеологии.

Не всегда это было так в коммунистической системе, и неизбежным такое положение вещей не было. В 1925-ом году в Советском Союзе партийное руководство приняло резолюцию, в которой говорилось что партия в целом не может связывать себя с определенным направлением в искусстве. Этим партия отнюдь не отказывалась от так называемой «идеологической помощи» искусству, то-есть, от своего идеологического и политического надзора над ним. Но все же это была максимальная степень демократии, достигнутая при коммунизме в этой области. Югославское партийное руководство точно такую же позицию заняло теперь. После 1953-го года, когда начался от-

каз от демократических форм в угоду бюрократии, поощрялось все самое примитивное и реакционное и велась бешеная травля «мелкобуржуазной» интеллигенции, с явной целью прибрать к рукам все виды искусства. Сразу же вся интеллигенция заняла по отношению к режиму враждебную позицию. Пришлось бить отбой. В одном из своих выступлений Кардель заявил, что партия не может предписывать ту или иную художественную форму, но что она не допустит «антисоциалистической идейной контрабанды», то есть, распространения взглядов, которые партия считает «антисоциалистическими». Как мы видели, партия большевиков высказывалась в том же духе в 1925 году. Так был достигнут максимум «демократичности» в отношении югославского режима к искусству. Но личное отношение к нему со стороны многих югославских руководителей отнюдь не изменилось. Они продолжают считать всю интеллигенцию, интересующуюся искусством, и весь аристократический мир чем-то «ненадежным», «мелкобуржуазным», или, по меньшей мере, «идеологически сбивчивым». Самая крупная югославская газета «Политика» цитировала 25 мая 1954 года «незабываемые» слова Тито: «Хороший учебник гораздо ценнее любого романа». Время от времени повторяются истерические нападки на декадентство, «упадочнические идеи» и «враждебные взгляды» в искусстве.

В Югославии крамольные мнения относительно художественных форм не исчезли совсем, а скорей затаились, ушли в подполье. В Советском Союзе их вытравили более решительно. Дамоклов меч висит над югославской культурой, но советскую культуру этот самый меч уже сразил.

Впрочем, даже и относительная свобода формы, подавляемая лишь время от времени, не означает полной свободы искусства. Искусство, пусть косвенно, пусть через посредство одной лишь формы, не может не выражать новых *идей*. Даже в тех коммунистических странах, где искусству предоставлена наибольшая свобода, противоречие между декретированной

свободой формы и все еще обязательным надзором за идеями, остается неразрешимым. Это противоречие прорывается наружу, то в нападках на «контрабандные» идеи, то в самом художественном творчестве, оттого что в нем форм от идей отделить нельзя. Да и не может оно не прорываться наружу, потому что оно выражает основной конфликт между безграничными монополистическими притязаниями режима и непреодолимыми творческими стремлениями художников. По существу, это тот же самый конфликт, который противопоставляет научное творчество коммунистическому догматизму, только перенесенный в другую область. Тут и там от каждой новой идеи требуется, чтобы она была сначала тщательно проверена, взвешена на идеологических весах, а затем втиснута в безопасные рамки. Этих конфликтов, как и многих других, коммунистические правители не могут разрешить. Они только, как мы это видели, умеют периодически выпутываться из конфликтов, обычно в ущерб подлинной свободе творчества. Оттого-то коммунистической системе не удастся, ни наметить подходящие темы для художественного творчества, ни построить удовлетворительную теорию искусства.

Произведение искусства по самой своей природе исходит, обычно, из критики существующего положения вещей или существующих нравов, навыков, привычек. Поэтому при коммунизме, художественное творчество, основанное на темах, взятых из жизни, оказывается невозможным. Допускается ведь только прославление существующего положения вещей или критика того, что думают или делают его противники. При таких условиях нельзя ожидать от искусства произведений жизненно и художественно полноценных.

В Югославии официальные представители режима и некоторые художники жалуются на то, что нет произведений, которые изображали бы «нашу социалистическую действительность». Зато в Советском Союзе появляется бесчисленное количество произведений, темы которых взяты из жизни; но так как прав-

ы в них нет, то и цена их не велика, народ их быстро отвергает, а позже они даже подвергаются иногда официальной критике.

Методы могут быть различны, но конечный результат всегда один.

5

Во всех коммунистических странах царит и властвует теория так называемого «социалистического реализма».

В Югославии эта теория потерпела аварию, и теперь ее поддерживают только самые реакционные партийные начетчики. В этой области, как и в других, режим был достаточно силен, чтобы пресечь распространение нежелательных ему теорий, но слишком слаб, чтобы всем навязать желательные ему теории. То же самое можно сказать и о других странах Восточной Европы.

Теория «социалистического реализма» даже не представляет собой законченной системы. Впервые применил этот термин Горький, вероятно имея в виду свои собственные реалистические приемы. Он считал, что в переходное «социалистическое» время искусство должно вдохновляться новыми, социалистическими идеями и в то же время изображать действительность возможно правдивей. Все остальное, что еще можно найти в теории социалистического реализма — типичность, подчеркнутость идеологии, упор на партийную солидарность и так далее — либо позаимствовано из других теорий, либо прибавлено по соображениям чисто политическим.

«Социалистический реализм», не превратившись в законченную систему, ничего другого не означает, кроме идеологической монополии коммунистических правителей и сводится к требованию облекать в художественную форму их отсталые, узкие идеи и описывать их подвиги с романтической восторженностью.

Он приводит к фарисейскому оправданию надзора над умственной жизнью страны и к бюрократическому урезыванию неотъемлемых прав искусства.

В разных коммунистических странах надзор этот принимает разный вид — от партийно-бюрократической цензуры до идеологического нашептывания свыше.

В Югославии, например, к цензуре никогда не прибегали. Надзор осуществлялся косвенно. Партийцы работающие в издательствах, ассоциациях художников, журналах или газетах, представляют на рассмотрение соответствующих органов все, что они считают «подозрительным». В результате получается не цензура, а самоцензура. Хоть партийцы и могли бы пропустить кое-какую вольную мысль, но самоцензура, которой они, как и непартийные интеллигенты, вынуждены подвергать самих себя, заставляет их заниматься доношением и угашением мысли. И это еще приходится считать прогрессом; это — «социалистическая демократия», а не бюрократический деспотизм.

Но и в Советском Союзе и в других коммунистических странах, наличие цензуры, в собственном смысле слова, не избавляет писателей и художников от самоцензуры. Люди умственного труда обречены на самоцензуру своим положением и существующими общественными отношениями. В настоящее время, самоцензура в коммунистической системе, это основная форма партийно-идеологического надзора за работой мысли и творческого воображения. В средние века людям умственного труда нужно было прежде всегда знать, что подумает церковь об их работе; при коммунизме им нужно прежде всего уяснить себе, чего, собственно, от них ждут, а нередко еще и соображаются с личным вкусом людей, находящихся у власти.

Цензура или самоцензура носит название «идеологической помощи». Так ведь, впрочем, и все вообще при коммунизме изображается, как направленное на достижение абсолютного счастья. Вот почему такие

выражения, как «народ» или «трудящиеся», несмотря на их крайнюю неопределенность, так и мелькают в коммунистических высказываниях об искусстве.

Преследования, запрещения, навязывание мыслей и форм, доктринерская власть полуграмотных бюрократов над одаренными людьми, — все это делается или существует во имя народа и для народа. Даже по своей терминологии «социалистический реализм» мало чем отличается от гитлеровского национал-социализма. Один югославский автор венгерского происхождения, Эрвин Шинко, провел следующее интересное сопоставление того, что писали теоретики искусства этих двух диктатур:

«Советский теоретик Тимофеев писал в своей «Теории литературы»: «Литература, это идеология, которая помогает человеку ознакомиться с жизнью и осознать, что он в ней участвует».

«В книге, озаглавленной «Основы национал-социалистической культурной политики» говорилось: «Художник не может быть только художником, он одновременно с этим и воспитатель».

«Бальдур фон Ширах, руководитель гитлеровских организаций молодежи, утверждал: «Каждое настоящее произведение искусства обращается ко всему народу».

«Жданов, член Политбюро ЦК КПСС, заявил: «Все творческое общедоступно».

В «Основах национал-социалистической культурной политики» Вольфганг Шульц писал: «Национал-социалистическая политика, даже та ее часть, которая называется культурной политикой, определяется фюрером и теми, кому он дал соответствующие полномочия. Если мы хотим знать, что такое национал-социалистическая культурная политика, мы должны присматриваться к этим людям, к тому, что они делают и к тем директивам, которые они давали с целью воспитать себе ответственных помощников».

На 18-ом съезде Ярославский сказал: «Товарищ Сталин вдохновляет художников, он дает им руководящие идеи... Резолюции Центрального Комитета совет-

ской коммунистической партии и доклад А. А. Жданова дают советским писателям полностью разработанную рабочую программу».

Вывод из этого один: деспотические режимы, хотя бы и враждебные один другому, оправдывают себя одним и тем же, и даже применяют при этом одни и те же выражения.

6

Будучи врагом мысли во имя науки и врагом свободы во имя демократии, коммунистическая олигархия не может не вызывать полного распада духовной жизни. Капиталистические магнаты и феодальные владельцы платили художникам и ученым сколько могли и хотели, и этим одновременно помогали им и подкупали их, сеяли среди них коррупцию. При коммунистической системе коррупция стала неотъемлемой частью государственной политики.

Коммунистическая система, как правило, душит и подавляет всякую умственную деятельность, которая ей не нравится, то есть, все, что глубоко и оригинально. С другой стороны, она вознаграждает, поощряет и тем самым подкупает всех тех, чей умственный труд, по мнению коммунистических правителей, идет на пользу «социализму», то есть самой коммунистической системе.

Даже если оставить в стороне такие могущественные факторы коррупции, как «сталинские премии», как использование личных связей с членами правящей группы или тенденциозные заказы художникам и такая же покупка их произведений партийными вельможами, останется все же тот несомненный факт, что система эта сама по себе разлагающе влияет на интеллигенцию и особенно на деятелей искусства. Прямые награды со стороны режима могут отпасть, но дух коррупции и насилия от этого не исчезнет.

Дух этот создается и поощряется партийно-бюро-

кратической монополией, как в области мысли, так и в области материальных средств. Человеку умственного труда не от кого что-либо ждать, кроме как от партийных бюрократов, снабжающих его идеями и оплачивающих его труд. Их власть, даже если это не прямая правительственная власть, распространяется на все учреждения и организации. В конечном итоге, решения принимают именно они.

Для художника или писателя очень важно, чтобы централизма было возможно меньше, чтобы возможно меньше стесняли его свободу, хотя бы сущность его социального положения от этого и не менялась. Вот почему писателям и художникам гораздо легче живется и работается в Югославии, чем в Советском Союзе.

Угнетенный человеческий дух не в силах сопротивляться коррупции. Если спросить себя, почему на протяжении четверти века в Советском Союзе почти не было выдающихся произведений, особенно литературных произведений, придется ответить, что в этом бесплодии коррупция повинна столько же, если не больше, чем насилие.

При коммунистической системе творчески одаренные люди заподозриваются, преследуются, принуждаются заниматься «самокритикой». Зато подхалимы и льстецы получают превосходные «условия труда», высокие гонорары, награды, дачи, доступ в привилегированные дома отдыха, скидки, автомобили, дипломатические посты, протекцию Агитпропа и всякие другие даруемые свыше милости. Как правило, следовательно, эта система поощряет людей малоодаренных, несамостоятельных и нетворческих. Вполне понятно, что подлинно талантливые люди сбиваются при этом с пути, теряют веру в себя и в свои силы. Самоубийство, отчаянье, пьянство и разврат, потеря внутренней силы и цельности из-за необходимости лгать себе и другим — все это стало частым явлением в коммунистической системе и как раз среди тех, кто хотел и кто мог бы создать что-либо новое. Нельзя остановить творчество человеческого духа. Но при ком-

мунизме он вынужден творить в состоянии отчаяния и симулировать оригинальность. Созидательные умы, которые заставляют работать в таких условиях, свидетельствуют о нерушимости созидательной силы и также о пустоте и бесплодности самого коммунистического режима.

7

Принято думать, что коммунистическая диктатура проводит грубую классовую дискриминацию. Это не совсем верно. В ходе истории, по мере того, как революция замедляет темп, классовая дискриминация ослабевает, но идеологическая дискриминация усиливается. Представление о том, что пролетариат находится у власти, ошибочно, но ошибочно и представление, что коммунисты преследуют такого-то, на том основании, что он «буржуй». Правда, их общие мероприятия весьма резко направлены против прежних правящих классов, особенно против буржуазии. Но те представители буржуазии, которые капитулируют или перекрашиваются, могут занять доходные места и добиться личных привилегий. Больше того, политическая полиция часто находит в их рядах способных агентов, а новые правители отличных слуг.

Преследование демократической и социалистической мысли, расходящейся со взглядами правящей олигархии, проводится гораздо свирепей и полней, чем преследование самых реакционных сторонников старого режима. Это и понятно: последние менее опасны, потому что они оглядываются на прошлое, которое вряд ли вернется и привлечет к себе народные массы.

Всюду, где коммунисты приходят к власти, их поход против частной собственности создает иллюзию, что мероприятия их направлены прежде всего против собственнических классов и предприняты в интересах рабочего класса. Однако, последующие события показывают, что цель этих мероприятий была другая,

что собственности коммунисты добивались не для рабочих, а для себя. Такое их стремление и должно было выразиться скорей в идеологической, чем в классовой дискриминации. Если бы это было не так, если бы коммунисты действительно стремились к собственности для трудящихся масс, тогда, разумеется, преобладала бы классовая дискриминация.

Преобладание идеологической дискриминации сразу же должно вызвать у любого стороннего наблюдателя впечатление, что перед ним новая религиозная секта, секта, которая неуклонно придерживается своих материалистических и атеистических верований и силой навязывает их другим. На самом деле, хоть коммунизм и не религиозная секта, но коммунисты ведут себя так, как если бы они были членами такой секты.

Тоталитарная коммунистическая идеология — не только результат определенного режима собственности и определенного государственного строя, но и в значительной мере их источник, их настоящий корень. С исчезновением тоталитарной идеологии и основанной на ней дискриминации, исчезла бы и сама коммунистическая система.

Было бы ошибочно думать, что другие виды дискриминации — расовая, кастовая, национальная — хуже идеологической дискриминации. Они могут показаться грубей на первый взгляд, но они менее ядовиты и не столь всеобъемлющи. Они касаются отдельных сторон общественной жизни, тогда как идеологическая дискриминация относится к обществу в целом и к каждому члену общества. Другие виды дискриминации могут уничтожить человека физически, но идеологическая дискриминация поражает в человеке то, что скорей всего может считаться самой его сущностью. Угнетение духа — самая жестокая и законченная форма угнетения; всякое другое с него начинается и им кончается.

Идеологическая дискриминация в коммунистических странах запрещает одни идеи и предписывает другие.

Эти два момента, вместе взятые, именно и образуют худшую из всех, тоталитарную форму тирании.

Мысль открывает новое; она — самое творческое, что есть на свете. Без нее люди не могут ни жить, ни творить. Нравится им это или нет, коммунисты вынуждены с этим считаться. Именно по этой причине они подавляют всякое иное мышление, кроме одобренного ими, особенно когда это касается социальных проблем.

Человек может отказаться от многого. Но от права мыслить по своему, он не может отказаться, и у него есть глубокая потребность высказать эту свою мысль. Невыносимо молчать, когда чувствуешь потребность высказаться. Самое страшное угнетение — заставлять людей думать не так, как они хотят, и принуждать их высказывать не свои, а навязанные им мысли.

Ограничивать свободу мысли, это значит не только посягать на те или иные политические или социальные группы, это значит, посягать на человека, как такового. Неугасимое стремление человека к свободе мысли всегда прорывается наружу, каждый раз в новой конкретной форме. Если оно еще не проявило себя при коммунистической системе, то из этого не следует делать вывод, что оно угасло. Нынче оно таится во тьме, в глухом сопротивлении, в неясных чаяниях народа. Похоже на то, что тоталитарное угнетение сглаживает все местные, племенные, национальные различия и объединяет весь народ в требования свободы мысли и вообще свободы.

История простит коммунистам многое; она признает, что многие их жестокости были вызваны условиями времени и необходимостью самозащиты. Но удушение всех несогласий, всякой самостоятельной мысли, угнетение духа ради защиты своих личных интересов — это, в глазах истории, навсегда пригвоздит коммунистов к позорному столбу.

Глава седьмая

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

1

Все революции и все революционеры имеют в своем распоряжении множество жестоких средств угнетения. Но ни в одной другой революции революционеры не применяли эти средства более сознательно. Они не имели возможности улучшить свои методы, чтобы достигнуть рутинных достижений искусных профессионалов. Коммунисты добились этого.

«Вам нет надобности заботиться о выборе методов в борьбе с нашими врагами... Вы должны карать не только изменников, но и равнодушных; вы должны карать всех, кто бездействует в Республике, всех, кто ничего не делает для нее».

Эти слова Сен-Жюста мог бы повторить в наши дни любой из коммунистических вождей. Разница в том, что Сен-Жюст произносил эти слова в разгаре революции и ради ее спасения, тогда как коммунисты вторят ему и действуют в его духе постоянно: от начала революции до прихода к полновластию, и даже во время упадка этой власти.

Хотя методы коммунистов и превосходят все другие революционные методы широтой захвата, длительностью применения и суровостью, но во время революции они большей частью не используют всех тех методов, к которым прибегают их противники. Однако, если методы коммунистов по началу и были

менее кровавыми, они становятся все бесчеловечней по мере того, как революция уходит в прошлое.

Как любое другое общественное и политическое движение, коммунизм вынужден пользоваться методами, соответствующими соотношению сил и интересов. Этому подчинены все другие соображения, включая и моральные.

Мы разбираем здесь только методы, применяемые *современным* коммунизмом. Методы эти могут, в зависимости от обстоятельств, быть мягкими или суровыми, человечными или бесчеловечными. Нас интересует то, что отличает эти методы от применяемых другими политическими и общественными движениями, то, чем коммунизм отличается от всех других движений, революционных или нет.

Отличие это заключается не в том, что коммунистические методы едва ли не самые жестокие в истории. Грубость и жестокость — самая очевидная, но не самая существенная черта. Движение, которое ставит себе целью перестроить общество и хозяйство путем тирании, вынуждено прибегать к суровым методам. Но ведь и другие революционные движения намеревались применять и применяли такие методы. Однако тирания их была гораздо менее длительной, вследствие чего они не успевали применять их полностью. Да и условия, в которых они их применяли, были не те, и не давали им тех же возможностей.

Еще ошибочней было бы искать объяснение коммунистических методов в отсутствии у коммунистов моральных принципов. Они, хоть и коммунисты, но все же и люди, как все другие, и в отношениях между собой придерживаются обычных правил общежития. Отсутствие у них моральных принципов — не причина их методов, а следствие этих методов. В теории, они не перестают заявлять себя сторонниками морали и человечности. Более того, они искренне верят, что лишь «временно» вынуждены прибегать к методам, противоречащим их моральным убеждениям. Они думают также, что было бы много лучше, если бы им не пришлось поступать наперекор этим убеждениям. Во

всем этом они мало чем отличаются от участников других политических движений. Можно сказать только, что их отказ от человечности более длителен, и доходит подчас до чудовищных размеров.

Таким образом отличительные черты коммунизма носят главным образом количественный характер и связаны с особыми историческими условиями и с особыми целями коммунистов. Есть, однако, одна неотъемлемая черта современного коммунизма, резко отличающая его методы от методов других политических движений и придающая ему сходство с некоторыми религиозными обществами прошлого.

Коммунисты ставят себе идеологические цели и для осуществления их не останавливаются ни перед какими средствами. Средства эти становятся все более свирепыми по мере того, как цели делаются неосуществимыми. Но никакими идейными целями применение таких средств оправдать нельзя. Тех, кто прибегает к таким средствам нельзя иначе назвать, как беспринципными и безжалостными узурпаторами. Превенных классов, партий, прежнего режима собственности больше не существует, но методы коммунистов в основном не изменились. Напротив, именно теперь эти методы и достигают пределов бесчеловечности.

По мере своего продвижения к власти, новый класс эксплуататоров пытается оправдать свои отнюдь не возвышенные методы, ссылаясь на свои высокие цели. Бесчеловечность сталинских методов достигла апогея, когда он строил «социалистическое общество». Поскольку новому классу необходимо показать, что удовлетворение его интересов, это и есть единственная или высшая цель всего общества, и поскольку он не хочет потерять свои монополии и свой престиж, ему приходится все время утверждать, что методы, которые он применяет, не имеют значения. Важны не средства, важна цель, твердят представители нового класса, все остальное — мелочи. Важно одно, то, что у нас теперь социализм. Так коммунисты оправдывают тиранию и самые преступные меры угнетения.

Само собой разумеется, для достижения высшей

цели нужны особые средства, нужно особое орудие — партия. Тем самым она становится носительницей верховной власти, подобно церкви в средние века. Вот что писал епископ Дитрих фон Нихейм в 1411 году:

«Церковь свободна от моральных правил, если ее существованию грозит опасность. Единство, как конечная цель, оправдывает все средства: торговлю церковными должностями, предательство, измену, тюремные узы и смерть. Ибо общественный строй существует ради целей общества и личность должна быть принесена в жертву общему благу».

Эти слова звучат так, как если бы их произнес какой-нибудь современный коммунист.

В догматизме нынешних коммунистов есть изуверство, напоминающее феодальные времена, но мы живем не в средние века и коммунизм не церковь. Притязание на идеологическую и всякую вообще монополию только на первый взгляд делают коммунизм подобным средневековой церкви. Сущность его — иная. Церковь была лишь частично собственником и властителем; и лишь в отдельных случаях она стремилась подкрепить существующий общественный строй путем утверждения своей власти над человеческим духом. Церковь преследовала еретиков даже и по таким догматическим причинам, которые не были связаны с ее прямыми практическими интересами. Церковь верила, что спасает грешные еретические души, физически уничтожая еретиков. Если все земные средства объявлялись дозволенными, то это делалось ради достижения небесного блаженства.

В противоположность этому, коммунисты хотят прежде всего прямой политической власти. Догматические преследования, угнетение духа — лишь вспомогательные средства для укрепления этой власти. В отличие от церкви, коммунизм не служит опорой существующего строя, он сам и есть этот строй, он воплощает этот строй в себе.

Новый класс не возник сам собой, он — результат превращения революционной группы в группу соб-

ственников и реакционеров. И методы нового класса, хоть они и кажутся прежними, на самом деле изменили свою сущность и из революционных превратились в тиранические, из методов самозащиты превратились в методы деспотизма.

Коммунистические методы, по самой своей сути, аморальны и недобросовестны, даже тогда, когда они не отличаются особой суровостью. Полностью тоталитарный коммунистический режим не имеет в своем распоряжении большого выбора средств. Людей можно притеснять, грабить и разорять, не прибегая к тюрьмам и виселицам, а просто-напросто отказывая им в участии в социальной перемене, распоряжаясь их трудом и выражая их мысли. Подобно тому, как коммунисты принимают законы, обеспечивающие социальную собственность и одновременно усиливают свои собственнические права и, говоря об отмирании государства, расширяют одновременно границы своего тиранического правления, — точно так же они действуют и в отношении правительственных методов: даже, когда они их смягчают, то происходит это условно. Все зависит от того удалось ли им окончательно уничтожить своих противников или противники еще существуют, но лишены уже возможности действовать.

2

Коммунисты говорят о «коммунистической морали», о «новом социалистическом человеке» и о других вещах в этом роде, как о каких-то высших моральных категориях. Но эти туманные понятия имеют смысл лишь постольку, поскольку преследуют определенную практическую цель: спайку коммунистических рядов и противодействие влиянию извне. Никаких подлинных моральных категорий эти понятия не образуют. В интересах коммунистической касты они, однако, еще сильнее подчеркиваются именно потому, что никакой особой коммунистической морали и никакого

особого социалистического человека нет и не может быть. Понятия эти — не абсолютные принципы, а изменчивые моральные критерии, всецело зависящие от иерархической структуры коммунизма, при которой верхушке позволено почти все, тогда как на низах весьма многое строго воспрещается.

Этот кастовый дух и эта дифференцированная мораль прошли сложный процесс развития параллельный развитию самого нового класса. Под конец партийная олигархия добилась установления как бы особых моральных кодексов для различных слоев партии. Эта дифференциация кастовой морали отвечала росту нового класса и была равнозначна его отказу от всякой подлинной морали и человечности.

Этот момент необходимо осветить подробнее.

Как и все другое в коммунизме, кастовая мораль развилась из революционной морали. На первых порах мораль эта, хотя она и была провозглашена отдельной группой, заявляла себя более человечной, чем мораль любой другой секты или касты. Это и не удивительно. Ведь коммунистическое движение всегда начиналось, как движение высокого идеализма и самопожертвования, привлекавшее в свои ряды самых одаренных, мужественных и великодушных людей в целом народе.

Это, как и многое другое, что я говорю в этой книге, относится к странам, где коммунизм вырос из особых национальных корней и где он достиг полноты власти (Советский Союз, Югославия и Китай). Но с некоторыми ограничениями это относится и к коммунизму в других странах.

Всюду коммунизм начинается, как движение, направленное к созданию прекрасного, идеального общества. Поэтому он привлекает к себе людей с высокими моральными принципами и другими выдающимися качествами. Но поскольку коммунизм интернационален, он, как подсолнечник, поворачивающийся к солнцу, ориентируется на то движение, которое всех сильнее, — до сих пор главным образом на советский коммунизм. Вследствие этого, коммунисты даже и

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

в тех странах, где они к власти не пришли, быстро теряют те черты, которыми они обладали в начале движения и приобретают черты коммунизма, облеченного полнотою власти. Вот почему коммунистические руководители на Западе и в других странах привыкли так же легко пренебрегать истиной и моральными принципами, как и коммунисты Советского Союза. Каждое коммунистическое движение в своем начале выдвигает высокие моральные принципы, которых отдельные его члены могут придерживаться и в дальнейшем, что нередко ведет к кризисам внутри коммунизма, когда его вожди начинают действовать аморально и принимать произвольные решения о переменах курса.

В истории не много было движений, выдвигавших вначале столь высокие моральные принципы, как коммунизм, и имевших в своих рядах таких преданных, полных энтузиазма и вместе с тем трезвого ума борцов, связанных притом друг с другом не только общими идеями и общими страданиями, но и бескорыстной любовью, солиданостью и товариществом, а также той откровенностью, которая встречается лишь среди людей, плечом к плечу сражавшихся в боях, обещавших им только смерть или победу. Дружные усилия, мысли и желания, вплоть до напряженного старания достигнуть единство мысли и чувства со всеми другими; поиски личного счастья и совершенствования при соблюдении полной преданности партии и рабочему коллективу; самопожертвование для блага других; забота о молодежи наряду с искренним уважением к старикам — вот идеалы, которые воодушевляли настоящих коммунистов, когда это движение начиналось и было еще подлинно коммунистическим.

Так и женщина коммунистка. Она была чем то бóльшим, нежели товарищ и соратник. Нельзя забывать, что входя в партию, она жертвовала всем — счастьем любви, как и счастьем материнства. Внутри движения возникали чистые, дружеские, теплые отношения между мужчинами и женщинами, в которых чувственная любовь побеждалась товарищеской любовью. Верность, взаимная помощь и откровенность

даже в самом личном и тайном, — таков был идеал настоящих, высоко державших свое знамя коммунистов.

Но все это было так, лишь пока движение было молодо, пока коммунисты не вкусили плодов власти.

Путь к достижению таких идеалов долог и труден. Коммунисты и коммунистические движения вырастали из различных социальных корней. Внутренняя спайка достигалась не сразу, а путем ожесточенной борьбы групп и фракций. При благоприятных условиях выигрывала в этой борьбе та группа или фракция, которая больше всего сознавала продвижение к коммунизму и которая в момент своего прихода к власти, отличалась наиболее высоким моральным уровнем.

Преодолевая моральные кризисы, политические интриги, взаимные клеветнические обвинения, бессмысленную ненависть и варварские междоусобицы, сквозь всяческие ошибки и падения, коммунистическая партия медленно продвигалась к власти, уничтожая на своем пути отколовшиеся группы и отдельных лиц, отбрасывая лишних, укрепляя свое ядро и свою доктрину, свою мораль, свою особую психологию и свои особые методы работы.

В тот момент, когда коммунистическое движение становилось действительно революционным, оно и его представители достигали на время только что описанного высокого морального уровня. Это тот период в истории коммунизма, когда нельзя отделить слова от дел, или вернее, когда руководящие, да и все подлинные, искренние коммунисты твердо верят в свои идеалы и стремятся проводить их, как в политическом действии, так и в своей личной жизни. Это период предшествует борьбе за власть, но встречается лишь в тех движениях, которым предстоит за нее бороться.

Правда, и в этот период мораль коммунизма — сектантская, но все же уровень ее высок. Движение замкнуто в самом себе, часто оно не видит истины; но это еще не значит, что оно ее не ищет, что оно не стремится к истине.

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

Внутренняя — моральная и умственная — спайка среди коммунистов появилась в результате долгой борьбы за идеологическое и оперативное единство. Без этой спайки не может быть и речи о настоящем революционном коммунистическом движении. «Единство мысли и действия» невозможно без нее, а она невозможна вне этого единства, для которого нет писанных правил или законов, которое возникает само собой, становится обычаем, и сознательной привычкой, и объединяет коммунистов в нерасторжимую семью, непонятную и непроницаемую для других, непоколебимую в своей солидарности, в одинаковости всех ее реакций, чувств и мыслей. Больше, чем что-либо другое, существование этого нравственного и умственного единства — которое не достигается сразу и которое до конца определяется только как цель, к которой следует стремиться — служит самым верным признаком того, что коммунистическое движение окончательно сложилось, неудержимо увлекло за собой своих последователей и приобрело мощь, потому что слилось в одно целое с единым телом и единой душой. И в то же время это признак, что появилось новое целостное движение, которому предстоит совсем иное будущее, чем то, какое предвидели его участники, когда оно началось.

Однако, все это медленно бледнеет, распадается и исчезает в процессе продвижения к полноте власти и собственности. Остаются лишь голые формы и обычаи, лишенные настоящего содержания.

Внутренняя монолитная спайка, которая создалась в борьбе с оппозицией и с полу-коммунистическими группами, превращается во внешнее объединение покорных партийных работников и роботов-бюрократов. По мере продвижения к власти, существовавшие когда-то высокие принципы сменяются нетерпимостью, раболепством, робостью мысли, надзором над личной жизнью (вместо товарищеской солидарности и взаимопомощи), пренебрежением к роли женщин, эгоизмом и оппортунизмом. Замечательные моральные черты замкнутого в себе движения постепенно превра-

щаются в нетерпимую и фарисейскую мораль привилегированной касты. Политиканство и угодливость сменяют искренность подлинных революционеров. Если прежние герои, которые готовы были пожертвовать всем, вплоть до своей жизни, для других, для идеи, для блага народа, не были убиты или отстранены, они становятся себялюбивыми трусами, готовыми отречься от чего угодно — от чести, от своего имени, от истины и морали — чтобы сохранить свое место среди правящего класса и на иерархической верхушке. Мир видел не много героев, всегда готовых к самопожертвованию и страданию, таких какими были коммунисты накануне и во время революции. Но, пожалуй, не видал он и таких бесхарактерных отбросов человечества, таких защищающих бесплодные формулы тупиц, какими становятся коммунисты, достигнув власти. Те замечательные моральные черты были условием для создания и роста движения, а нетерпимый кастовый дух и полное отсутствие морали стали условием для сохранения завоеванной им власти. Честь, искренность, самопожертвование и любовь к истине были некогда чем-то, что ценилось само по себе; ныне же сознательная ложь, низкопоклонство, клевета, обман и провокация постепенно становятся неизбежными спутниками мрачной, нетерпимой, но всеобъемлющей власти нового класса, и отражаются даже на отношениях между людьми, образующими этот класс.

3

Тот, кто не понял этой диалектики в развитии коммунизма, не в состоянии понять ни так называемых «московских процессов», ни того, почему периодические моральные кризисы коммунизма, вызванные отказом от принципов, еще недавно считавшихся священными, не могут иметь для него то значение, какое они имели бы для обыкновенных людей или для других политических движений.

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

Хрущев признал, что избиение заключенных играло решающую роль в их так называемых «признаниях» и самообвинениях во время сталинских чисток. Он утверждал, что наркотики при этом не применялись, хотя есть доказательства, что прибегали и к ним. Но самым мощным наркотиком для получения вынужденных признаний было моральное состояние обвиняемого.

Обычные преступники, то-есть, не коммунисты, не впадают в транс, не делают истерических признаний и не молят о смерти в качестве кары за свои грехи. Это делали только люди «особой складки», коммунисты, предварительно испытав моральный шок от избиений и пыток, которым они подвергались по распоряжению партийной верхушки. В полную ее аморальность они верить не могли, даже если им и случалось прежде ее критиковать. Они были сбиты с толку, почва ушла у них из-под ног; они были невинны, но их собственный класс пригвоздил их к позорному столбу, как преступников и изменников. Они были воспитаны в убеждении, постоянно провозглашавшемся ими, что всеми фибрами своего существа они связаны с партией и ее идеалами. Теперь они совершенно растерялись. Они ничего не знали, или все забыли, или отреклись от всего, что было вне коммунистической секты и узкой ее идеологии. Теперь было слишком поздно для них обратиться к чему-либо иному. Они были в полном одиночестве.

Человек не может бороться, не может жить вне общества. Это его неотъемлемая характерная черта, отмеченная уже Аристотелем, назвавшим его «политическим», то есть общественным животным.

Что же делать такому морально уничтоженному, лишенному всякой опоры сектанту, подвергаемому к тому же самым утонченным и жестоким пыткам, как не попытаться оказать услугу своему классу, своим «товарищам», требуемыми от него «признаниями»? Ему внушили, что эти признания необходимы классу для его борьбы с «антисоциалистической» оппозицией и «империалистами». Признания, это единственный еще

возможный для него и, как ему говорят, «великий», «революционный» вклад в дело того движения вне которого для раздавленной и растерявшейся жертвы вообще ничего не существует.

Каждый настоящий коммунист воспитан и воспитывает других в убеждении, что фракция и фракционная борьба, это одно из самых страшных преступлений против партии и ее целей. И в самом деле, коммунистическая партия, раздираемая фракционной борьбой, не могла бы совершить революцию и установить свое владычество. Единство любой ценой стало мистическим лозунгом, за которым притаились стремления олигархов к полноте власти. Но даже если он догадывался об этом, деморализованный партийный оппозиционер все же не был в состоянии освободиться от этой мистической идеи. Кроме того, он мог думать, что вожди приходят и уходят, что те, кто судят его — преступные, глупые, эгоистические, непоследовательные и цепляющиеся за власть существа — исчезнут, а цель останется. Цель, это все. Разве когда-нибудь в партии кто-нибудь думал иначе?

Даже Троцкий, самая значительная личность среди всех оппозиционеров, не шел дальше этого в своих рассуждениях. В момент самокритики он во всеуслышание заявил, что партия непогрешима, так как она — воплощение исторической необходимости, залог бесклассового общества. Пытаясь в своем изгнании объяснить чудовищную аморальность московских процессов, он прибегал к историческим аналогиям: Рим в эпоху раннего христианства, Возрождение в период начинающегося капитализма. В те времена так же, мол, наблюдались, в качестве неизбежного явления, предательские убийства, клевета, ложь, и чудовищные массовые преступления. То же, заключал он, должно было произойти и во время перехода к социализму; язвы старого строя должны были проявиться и в строительстве нового строя. Но объяснить он этим ничего не смог; ему удалось только успокоить свою совесть тем, что давая подобное толкование, он не предавал «диктатуры пролетариата», как единствен-

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

но возможной формы перехода к новому бесклассовому обществу. Если бы Троцкий занялся более глубоким анализом этого вопроса, он увидел бы, что при коммунизме, как в эпоху Возрождения и в другие исторические эпохи, когда собственнический класс прокладывал себе путь, моральные соображения играли все меньшую роль по мере того, как увеличивались трудности этого класса и как росло его властолюбие.

Точно так же те, кто не понимал, какой именно общественный переворот произошел в результате того, что коммунисты победили, не могли переоценить серьезность моральных кризисов, имевших место в коммунистической среде. Развенчание Сталина и нападки на Сталина, ничем не отличавшиеся от сталинских методов, со стороны его бывших лакеев были истолкованы, как моральные кризисы.

Моральные кризисы, большие и малые, неизбежны при всякой диктатуре, потому что ее сторонники, привыкнув думать, что одинаковость политического мышления — величайшая патриотическая добродетель и самая священная гражданская обязанность, не могут не приходить в смущение от неизбежных перебоев и перемен.

Но коммунисты чувствуют и знают, что их тоталитарное владычество не слабеет, а скорее усиливается при таких перебоях; знают, что перебои неизбежны и что моральные и другие принципиальные соображения большой роли не играют, а могут явиться и препятствием. Практика очень быстро учит их этому. Поэтому их моральные кризисы, как бы глубоки они ни были, кончаются очень быстро. Само собой разумеется, коммунисты не могут быть очень разборчивы в средствах, если они хотят достигнуть свою реальную цель, ту самую, к которой они стремятся и которую скрывают под покровом своих идеальных целей.

Моральное падение коммунизма в глазах посторонних, еще не означает его ослабления. До сих пор, по крайней мере, оно означало как раз обратное. Повторяющиеся чистки и «московские процессы» укрепили коммунистическую систему и власть Сталина. Правда, известные круги интеллигенции на Западе, с Андрэ Жидом во главе, отказались из-за этого от коммунизма и усомнились в том, что коммунизм, такой, каким он стал, способен осуществить провозглашенные им идеалы. Но коммунизм, сам по себе, от этого не ослабел. Новый класс, проливая кровь идейных коммунистов, освободился от морали и стал сильнее, стал уверенней в себе. Морально он пал — не в глазах своего класса, а физически окреп и укрепил свою власть над обществом.

Нужно нечто совсем другое для того, чтобы современный коммунизм потерял престиж в глазах своего собственного класса. Нужно, чтобы революция не только пожрала своих детей, но и пожрала самое себя. Нужно, чтобы правящий класс пришел сам к заключению, что цели его неосуществимы, фантастичны и недостижимы. Нужно, чтобы лучшие умы коммунизма осознали, что их партия — не что иное, как эксплуататорский новый класс, владычество которого ничем оправдать нельзя. Выражаясь точнее, нужно, чтобы новый класс понял, что в ближайшем будущем не может быть и речи об отмирании государства, не может быть и речи о коммунистическом обществе, в котором каждый бы работал по своим способностям и получал по своим потребностям, и что возможность создания такого общества вообще остается под вопросом. Тогда средства, которыми новый класс пользуется для достижения своих целей и укрепления своей власти, стали бы в его собственных глазах бесчеловечными, нелепыми, несовместимыми с его великой целью. А это значило бы, что внутри него начались раздоры и колебания, предотвратить которые было бы уже невозможно. Другими словами,

борьба за собственное существование привела бы правящий класс или отдельные его фракции к отказу от его теперешних методов вместе с отказом от мысли, что цели его реальны, и уж тем более, что они близки к осуществлению.

Все это, однако, — чистая теория; никаких признаков такого развития пока не наблюдается ни в одной из коммунистических стран, и меньше всего их можно обнаружить в послесталинском Советском Союзе. Правящий класс там все еще составляет одно целое. Осуждение сталинских методов свелось к осуждению единоличной диктатуры. Выступая на XX-ом съезде партии, Хрущев защищал «необходимый террор» против «врагов», противопоставляя его сталинскому террору, направленному против «хороших коммунистов». Хрущев отнюдь не осуждал сталинских методов вообще, он осудил только их применение к людям правящего класса. Повидимому, кое-что изменилось внутри нового класса, который стал достаточно силен, чтобы не нуждаться в абсолютном подчинении власти своего вождя и его полицейского аппарата, как это было при Сталине. Но если говорить о методах нового класса или о его цельности и сплоченности, то никаких особенных перемен тут установить нельзя. Правда, первые признаки некоторого раскола налицо: они обнаруживаются в идеологическом кризисе. Но несмотря на это, процесс морального распада находится еще в зачаточном состоянии; едва ли даже налицо сейчас все необходимые для него условия.

Присваивая себе те или иные права, правящая олигархия не может избежать то, чтобы кое-какие крохи с ее стола перепали и другим. Люди нового класса, даже в своем кругу, не могут толковать о том, как они были лишены прав при Сталине, без того, чтобы эти толки не вызвали соответствующего отголоска среди людей, еще значительно более бесправных. Французская буржуазия в конце концов восстала против своего императора, когда войны и бюрократический деспотизм Наполеона стали нестерпимы, но некоторую пользу от этого получил и французский на-

род. К сталинским методам, в оправдании которых догматическое учение о будущем обществе играло немалую роль, возврата нет, но это не значит, что нынешние олигархи, даже и не решаясь к ним вернуться, полностью от них откажутся, или что Советский Союз так-таки сразу и станет правовым демократическим государством.

Но кое-что, все-таки, изменилось. Правящий класс более не может оправдывать себя, даже в собственных глазах, ссылкой на то, что цель оправдывает средства. Разглагольствований о своей конечной цели, создании коммунистического общества, он, разумеется, не прекратит, так как иначе ему пришлось бы отказаться от своего абсолютного владычества. Не откажется он и от применения любых средств для своей защиты, но каждый раз, применяя их, он будет вынужден тут же их осуждать. И другая сила — страх перед мировым общественным мнением, страх, что он повредит сам себе и своей абсолютной власти — будет удерживать его и колебать его волю. Новый класс почувствовал себя достаточно сильным, чтобы устранить культ своего создателя, создателя всей системы Сталина, но, устранив этот культ, он нанес смертельный удар самому себе, подорвал свою идеологическую основу. Достигнув высшей власти, он начал растеривать те идеологические догматы, которые его к власти привели, и одновременно раскалываться на фракции. На верхушке все как будто мирно и спокойно, но внизу, в народных массах, растут новые настроения, рождаются новые мысли и готовятся будущие потрясения.

В результате своего вынужденного отказа от сталинских методов, придется новому классу отказаться и от своей догмы. Ведь методы эти именно и были выражением этой догмы, той практикой, которую оправдывала эта догма.

Не добрая воля, и уж, конечно, не человечность, побудила соратников Сталина признать вред сталинских методов. Только самая насущная необходимость заставила правящий класс пойти в этой области на уступки. Но, избегая эти методы, осуждая их свире-

пость, они невольно бросают семена сомнения в народ. Некогда цель оправдывала средства, любые средства. Отказ от иных средств пробуждает сомнения и относительно цели. Раз те средства, которые могли бы обеспечить достижение этой цели критикуются, как преступные, сама цель будет казаться недостижимой. Важнее всего в политике — средства, потому, что цели всегда кажутся *издали* прекрасными. Недаром благими намерениями вымощена дорога в ад.

5

История не знает высоких целей, которые были бы достигнуты низкими бесчеловечными средствами, точно так же, как она не знает свободного общества, которое было бы построено рабами. Ничто не обнаруживает подлинности и величия цели так ясно, как те средства, которые применяются для ее достижения. Если приходится целью оправдывать средства, то значит в самой цели, в самой сущности ее, есть что-то недостойное. То, что освещает конечную цель, что оправдывает все усилия и жертвы, приносимые ради нее, это именно средства: их постоянное совершенствование, их гуманность; растущая, благодаря им, свобода.

Современному коммунизму еще и не снится такое положение вещей. Он остановился в замешательстве, он колеблется насчет средств, но в своей цели он все еще уверен.

Никакой демократический, или хотя бы относительно демократический режим в истории не был основан на стремлении к великим отвлеченным целям, в ущерб осуществлению мелких повседневных задач. И вместе с тем, каждый такой режим, как бы походя и само собой, достигал великих целей. Зато все деспотические режимы пытались оправдать себя высокими целями. Но ни один деспотический режим никакой высокой цели не достиг.

Абсолютная неразборчивость в средствах вполне соответствует, как грандиозности коммунистических целей, так и их явной нереальности.

Применяя революционные методы, современный коммунизм сумел разрушить одну форму общества и деспотически установить другую. Сначала он руководился самыми прекрасными исконными человеческими идеалами равенства и братства. Но позже эти же идеалы стали служить ему прикрытием для установления любыми средствами своей безраздельной власти.

Достоевский в «Бесах» так говорит о Шигалеве устами Петра Верховенского: -

«У него хорошо в тетради... каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем и все каждому. Все рабы, и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а, главное, равенство... Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства».

Таким образом, когда целью оправдывают средства, эта цель становится все более далекой и нереальной, а безобразная реальность средств все более очевидной и невыносимой.

Глава восьмая

СУЩНОСТЬ КОММУНИЗМА

1

Ни одна из теорий о сущности современного коммунизма не исчерпывает вопроса. Не претендует на это и предлагаемая мной теория. Современный коммунизм — продукт целого ряда причин, исторического, политического, идеологического, национального и интернационального характера. Всякий категорический ответ на вопрос об его сущности рискует быть в точным.

Сущность современного коммунизма вообще была неясна, пока он ее не обнаружил в самом ходе своего развития. Только когда он достиг зрелости, стала очевидной настоящая природа его власти, его собственности, его идеологии. Покуда он был юн, покуда он почти из одной только идеологии и состоял, едва ли было возможно разглядеть истинную его сущность. Да и сейчас — развитие его продолжается. Смотреть на него, как на нечто вполне законченное, нельзя. А потому и распознавание его — дело медленное и трудное, для которого требуется большое количество направленных к одной цели усилий.

Современный коммунизм является созданием многочисленных авторов, стран и движений. Правда о коммунизме обнаруживается постепенно, параллельно с развитием самого коммунизма. Окончательная сущ-

ность коммунизма еще неизвестна, так как он не завершил своего развития.

Тем не менее, в большинстве теорий, касающихся коммунизма, есть известная доля истины. Каждой из них удавалось, обычно, уловить какую-нибудь одну его сторону или черту. Две из этих теорий можно считать основными.

Первая утверждает, что современный коммунизм — нечто вроде новой религии. В нашем анализе мы уже установили, что это неверно, что он — не религия и не церковь, хотя в нем есть элементы и того и другого.

Вторая теория рассматривает коммунизм, как революционный социализм, иначе говоря, как движение, возникшее в результате развития современной промышленности, современного капитализма и в ответ на особые нужды и запросы пролетариата. Мы уже видели, что и эта теория только отчасти верна; современный коммунизм возник в промышленно развитых странах. В качестве социалистической идеологии он был ответом на страдания трудящихся масс в период индустриальной революции. Но придя к власти в промышленно отсталых странах, он превратился в нечто совсем иное — в эксплуататорскую систему, не только не отвечающую интересам пролетариата, но и противоречащую большинству из них.

Высказывался также взгляд, что современный коммунизм, это всего лишь современная форма деспотизма, того деспотизма, к которому люди всегда склонялись, как только достигали власти, причем современная экономика, требующая централизованного руководства, дала этому деспотизму возможность стать абсолютным. В таких воззрениях тоже есть доля истины: современный коммунизм, это и в самом деле современный деспотизм, неизбежно стремящийся к тоталитарной власти. Однако, не все виды современного деспотизма представляют собой разновидности коммунизма, и к тому же все они менее тоталитарны, чем коммунизм.

Таким образом, какую бы теорию мы ни взяли, мы видим, что она объясняет только какую-нибудь одну черту коммунизма и содержит часть истины, но не всю истину о нем.

Мою теорию, точно так же законченной считать нельзя. Это неустранимый недостаток всякого определения таких текучих, меняющихся явлений, как социальные группировки и движения.

Но в главных чертах сущность современного коммунизма все-таки можно установить, и мы ее уже в этой книге установили. Формы его, однако, постоянно меняются; без этих перемен он не мог бы существовать; изменения формы отражаются и на сущности. Необходимо поэтому изучать эти перемены и постараться проанализировать глубже однажды найденную уже истину.

Сущность современного коммунизма — продукт особых условий, исторических и других. Но как только коммунизм становится силен, сама эта его сущность делается фактором, определяющим его развитие. Нужно поэтому изучать эту сущность, применительно к тем условиям, в которых он проявляется и действует в данный момент.

2

Теория, утверждающая, что современный коммунизм — разновидность современного тоталитаризма, не только самая распространенная, но и самая верная из всех. Надо только условиться о том, как понимать этот термин «современный тоталитаризм», когда речь идет о коммунизме.

Современный коммунизм, это тот вид тоталитарного владычества, который включает в себя три фактора: власть, собственность, идеологию. Все они монополизированы одной и единственной партией, или, по новой терминологии, новым классом, и, в настоящее время, олигархией этой партии или этого класса. Никакая другая тоталитарная система в истории, даже в

современной истории, не включала в себя одновременно все эти три фактора, а потому и не достигала такого абсолютного господства над народом.

Когда рассматриваешь эти факторы поочередно, приходишь к заключению, что власть, это тот из них, который играл и все еще играет наиболее важную роль в развитии коммунизма.

Возможно, что второй или третий фактор когда-нибудь возьмет верх над фактором власти, но на основе теперешних условий, этого сказать нельзя. Я считаю, что власть все еще остается основной чертой коммунизма.

Коммунизм возник сперва, как идеология, правда уже содержащая в себе зародыш его тоталитарной и монополистической природы, но и в настоящее время можно с уверенностью утверждать, что идеи не играют больше основной, решающей роли во владычестве коммунизма над народом. Коммунизм, как идеология, отжил свой век. Ничего нового он миру уже не скажет. Другое дело — власть и собственность.

Можно сказать, что борьба за власть, за физическое, умственное или экономическое преобладание, всегда играла первенствующую роль в политике и в общественной жизни вообще. Доля правды в этом есть. Но современный коммунизм искал и добился не просто власти, а чего-то большего, — такой власти, которая распространяется на все народное богатство, на все мышление народа. И власть эта превратилась для него в самоцель.

Советский коммунизм, наиболее развитой из всех, прошел в своем развитии через три фазы, — как и коммунизм в других странах, где партия пришла к власти, кроме Китая, который пока дальше второй фазы не пошел.

Три фазы эти — революционный, догматический и недогматический коммунизм. В общих чертах их можно охарактеризовать так. Первая фаза — революция или захват власти; Ленин. Вторая фаза — «социализм» или создание системы; Сталин. Третья фаза — «за-

СУЩНОСТЬ КОММУНИЗМА

конность» или стабилизация системы; так называемое «коллективное руководство».

Важно отметить, что эти три фазы резко одна от другой не отграничены; элементы любой из них можно обнаружить в двух других. В ленинский период было сколько угодно догматизма, и так называемое «строительство социализма» при нем уже началось. Сталин не отказался от революции и не отбросил тех элементов догмы, которые противоречили создаваемой им системе. Теперешний, недогматический коммунизм недогматичен лишь относительно: он просто не отказывается из догматических соображений даже от малейшей практической выгоды для себя, и, пользуясь этими выгодами, он в то же время безжалостно подавляет даже самые робкие сомнения в истинности его догмы. Сообразуясь со своими практическими нуждами и возможностями, он, даже, подчас, свертывает паруса революции, останавливает свою военную экспансию. Но это вовсе не значит, что он и в самом деле отказался от экспансии и от войны.

Деление на три фазы верно лишь в принципе и в общих чертах. Четко очерченных фаз, да еще в точности соответствующих определенным периодам в жизни отдельных стран, установить нельзя. Границы их текучести и формы, принимаемые ими в разных странах, различны. Югославия, например, прошла через все три фазы в сравнительно короткое время и при все том же руководстве, менявшем свои взгляды и свои методы действий.

Во всех трех фазах фактор власти играл повсюду первенствующую роль. В период революции нужно было захватить власть; во время «строительства социализма» нужно было, пользуясь той властью, создать новую социальную систему; нынче та же власть призвана эту систему охранять.

В ходе развития от первой к третьей фазе, власть перестала быть средством и стала самоцелью. Собственно, власть всегда была целью в некоторой мере, но коммунистические вожди отчета себе в этом не от-

давали, считая, что они пользуются властью лишь, как средством для достижения идеальной цели. Однако, именно потому, что власть служила средством для утопического преобразования общества, она и не могла сама не превратиться в цель, и притом в самую важную, в основную цель коммунизма. В первой и во второй фазе власть могла еще казаться только средством. Но теперь, с наступлением третьей фазы, уже нельзя скрыть, что власть для коммунизма — самоцель; что она — сущность коммунизма. Чем больше он отмирает, как идеология, тем сильнее цепляется за власть.

В революции, как и в любой войне, все было сосредоточено естественным образом на вопросе о власти: войну надо было выиграть. В период индустриализации тоже еще можно было ставить власть во главу угла: без нее нельзя было построить так называемое «социалистическое общество», то есть, проще говоря, новую промышленность. Но по мере того, как все это отходило в прошлое, становилось очевидным, что власть при коммунизме — не только средство. Нынче она его главная, если не единственная цель.

Или, вернее, она для нового класса и цель, и средство одновременно. Она ему нужна для охраны его привилегий и собственности, но поскольку эта особая форма собственности неотделима от власти, власть и собственность, средство и цель сливаются в одно. Другие классы, порой, и умели, быть может, сохранять собственность без монополии власти или власть без монополии собственности; но для нового класса, образовавшегося благодаря коммунизму, это было до сих пор невозможно и вряд ли окажется возможным в будущем.

Через все три фазы его развития власть была для коммунизма тайной, невидимой, не подлежащей обсуждению, но естественной и основной целью. Функция ее менялась в зависимости от потребностей момента. В первой фазе, идеи были движущей силой и требовали захвата власти; во второй фазе, власть сама была движущей силой и требовала своего сохране-

ия; нынче «коллективное руководство» только к ее требованиям и прислушивается, а других вообще не знает.

Власть, это альфа и омега современного коммунизма, хочет он того или не хочет.

Идеи, философские и моральные принципы, нация, народ, его история, отчасти даже собственность — всем этим можно поступиться, но не властью. Потому что отрекаясь от власти, коммунизм отрекся бы от самого себя. Отдельные люди могут это сделать. Но класс, партия, олигархия этого сделать не могут. Власть, это их цель, это смысл их существования. Всякая власть, будучи средством, в то же время становится и целью — для тех, кто стремится к ней. Для коммунистов она — цель, в чистом почти виде, хотя бы потому уже, что она источник и гарантия всех привилегий, которыми они пользуются. Собственность правящего класса, это не что иное, как власть его над народным имуществом. А духовное владычество его нуждается на его власти запрещать и разрешать идеи, объявлять правоверной или крамольной ту или иную человеческую мысль.

Именно эта гипертрофия власти при коммунизме и отличает его от всех других политических систем. Именно жажда власти и делает тоталитарным, нетерпимым, замкнутым в себе. Если бы у него были другие цели, кроме власти, пришлось бы допустить и другие силы, соперничающие с ним, и которые вошли бы с ним в законную борьбу.

Как именно мы определим современный коммунизм, пожалуй, не так уж важно. Но для целей анализа какое-то определение все-таки нужно, даже если существующее положение вещей и не благоприятствует никакому определению. Я имею в виду то положение вещей, при котором коммунисты прославляют свою систему, как «социализм», «бесклассовое общество» или «осуществление извечной мечты человечества», а их противники объясняют ее случайным успехом террористической группы и называют бессмысленной тиранией или бедствием для человечества.

Всякое научное определение вынуждено пользоваться имеющимися налицо общими понятиями. Но есть ли в науке об обществе какая-либо категория, куда, пусть даже с известной натяжкой, можно было бы втиснуть современный коммунизм?

Как и многие другие авторы, исходившие из других позиций, я, в недавние годы, истолковывал коммунизм, как государственный капитализм или, вернее, как государственный капитализм, ставший тоталитарным.

Это толкование пришлось по вкусу вождям югославского коммунизма во время их конфликта с правительством Советского Союза. Но в соответствии с тем правилом, что, когда дело касается практических требований момента, всякие, даже самые «научные» анализы теряют силу, югославские партийные вожди отказались от этого толкования после своего «примирения» с советским правительством, и снова провозгласили Советский Союз социалистической страной. Одновременно они заявили устами Тито, что советское империалистическое покушение на независимость Югославии было трагическим недоразумением, вызванным «произволом отдельных личностей».

Современный коммунизм и в самом деле похож, в основных своих чертах, на государственный капитализм, возведенный в высшую степень, ставший тоталитарным. На эту мысль наводят и его историческое происхождение, и те задачи, что стояли перед ним. Он провел такую же индустриализацию, какую раньше проводил капитализм, с той только разницей, что на этот раз она была проведена с помощью государственного аппарата. Но некоторых оговорок это определение все же требует.

Если бы при коммунизме государство было собственником от имени общества или народа, то формы государственной власти менялись бы в зависимости от меняющихся нужд общества и народа. Государство, по своей природе, — орган единства и гармонии в обществе, а не только воплощение насилия. Государство не может быть одновременно собственником и правителем. При коммунизме это иначе. Государ-

СУЩНОСТЬ КОММУНИЗМА

ство является орудием и всегда подчинено интересам единственного собственника и единственной политической группы.

Государственную собственность в западных странах скорее можно рассматривать как государственный капитализм, чем государственную собственность при коммунизме. Нередко также утверждение, что современный коммунизм — не что иное, как государственный капитализм (с ударением на слово капитализм) диктуется «угрызениями совести» тех, кто разочаровался в коммунизме и кому захотелось вследствие этого приравнять его зло ко злу капитализма. С другой стороны, раз при коммунизме нет частной собственности, а есть лишь собственность, формально принадлежащая государству, то представляется вполне логическим приписывать все зло государству. Кроме того, это приравнивание коммунизма к государственному капитализму нравится также и тем, кто видит в частном капитализме «меньшее зло». Эти люди любят говорить, что коммунизм — худший вид капитализма. Что же касается разговоров о том, что современный коммунизм — переход к чему-то иному, то они уж окончательно никуда не ведут и ничего не объясняют. Ведь нет ничего на свете, что не было бы переходом к чему-либо иному.

Даже если согласиться с тем, что в коммунизме есть много черт всеобъемлющего государственного капитализма, то все же есть в нем и столько черт, принадлежащих ему одному, что правильнее считать его особой, не совпадающей ни с какой другой социальной системой.

У современного коммунизма есть своя особая сущность, не позволяющая смешивать его ни с чем другим. Коммунизм, хоть и включает в себя черты самых разнообразных других систем — феодализма, капитализма и даже рабовладельческого строя — остается все же самим собой и особой, независимой от других системой.

Глава девятая

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОММУНИЗМ

1

По своей сути, коммунизм везде один, но в каждой отдельной стране он осуществляется в различной степени и по разному. Вот почему и можно говорить о различных коммунистических системах, как о различных формах одного и того же явления.

Различия, существующие между коммунистическими странами — те самые различия, которые Сталин тщетно пытался силой устранить — проистекают прежде всего из различия исторических предпосылок. Даже самое поверхностное наблюдение показывает, например, что современная советская бюрократия кое в чем связана преемственно со старым строем, при котором чиновники, как отметил Энгельс, составляли «особый класс». То же, отчасти, можно сказать об югославском коммунистическом режиме. После их прихода к власти, коммунистам приходится иметь дело в разных странах с весьма различными общественными условиями, различным уровнем культуры и техники, с исторически сложившимся различием народов. Различия эти влияют и на дальнейший ход событий. Поскольку обстоятельства, приведшие их к власти, были в общем одинаковы и поскольку им пришлось вести борьбу против тех же внешних и внутренних врагов, коммунисты в отдельных странах действовали более

или менее одинаковым образом и опирались при этом на ту же самую идеологию. Однако, тот международный коммунизм, который был некогда исходной точкой и в то же время задачей коммунистических революционеров, постепенно переродился, как и все прочее в коммунистической системе, и стал ареною борьбы между коммунистическими бюрократиями, враждующими между собой сплошь и рядом из националистических побуждений. От прежнего интернационального пролетариата осталась лишь голая доктрина, лишенная содержания, слова, за которыми кроются национальные и интернациональные интересы, стремления и планы различных коммунистических олигархий, прочно окопавшихся, каждая в своей стране.

Одинаковая идеология, одинаковое отношение к власти и собственности и сходная точка зрения в международных вопросах неизбежно связывают коммунистические страны в одно целое. Но было бы ошибкой не учитывать или недооценивать столь же неизбежных различий, противопоставляющих их одна другой. Для каждой из них, не меньшую роль, чем коммунизм, как таковой, играют те местные условия, от которых зависят степень и метод его проведения в жизнь. Пусть национальные формы коммунизма и похожи одна на другую, но иначе как в национальной форме коммунизм не может существовать. Чтобы остаться у власти он должен стать национальным.

Государственный строй, режим собственности и идеология во всех коммунистических странах те же, или почти те же. Больших различий тут быть и не может, потому что в основе повсюду лежит тот же принцип — абсолютная власть. Но если коммунисты торжествуют своей победой и хотят пользоваться ее плодами, им приходится приспосабливать степень и способ своего властвования к национальным условиям.

Различия между коммунистическими странами, как правило, соответствуют тому, насколько коммунисты добились победы и пришли к власти *собственными силами*. В сущности говоря, только в трех странах — в Советском Союзе, Китае и Югославии — они са-

мостоятельно совершили революцию и начали «строительство социализма». Именно эти три страны и остались независимыми коммунистическими государствами. Китай, хоть и находится под сильнейшим влиянием Советского Союза, остается все же независимым от него, и то же самое было верно в отношении Югославии даже в период «братской любви» и «вечной дружбы» с Советским Союзом. В своем докладе на закрытом заседании XX-го съезда, Хрущев признал, что в свое время едва удалось предотвратить столкновение между Сталиным и китайским правительством. Конфликт с Югославией, таким образом, не был единственным конфликтом этого рода, но лишь первым по времени и самым драматическим. В других коммунистических странах коммунизм был введен советским правительством насильственно, с помощью «вооруженных миссионеров», то есть, советской армии. Поэтому он и следует там советскому образцу, не проявляя таких отличий от него, как в Югославии и Китае. Но по мере того, как правящие бюрократии этих стран крепнут, они начинают сознавать, что повинуюсь Советскому Союзу и копируя во всем советский коммунизм, они ослабляют свое положение. Осознав это, они идут по стопам Югославии, то есть, пытаются приобрести независимость.

Коммунистические страны Восточной Европы стали сателлитами Советского Союза не потому, что это было им выгодно, а потому, что они были недостаточно сильны, чтобы это избежать. Как только они становятся сильнее, или как только создаются благоприятные для этого условия, у коммунистов этих стран появляется стремление к независимости и к защите «своих», то есть подвластных им народов от советского владычества.

Когда коммунистическая революция побеждает в какой-либо стране и власть переходит к новому классу, этот новый класс вовсе не желает отказываться от своих завоеванных в суровой борьбе привилегий, а если он и подчиняет свои интересы ин-

тересам такого же класса в другой стране, то разве лишь во имя идеологической солидарности.

В тех странах, где местные коммунисты добились победы собственными силами, они стремятся и дальше идти по собственному пути. Отсюда происходят трения с другими коммунистическими государствами, особенно с Советским Союзом, наиболее мощным и наиболее империалистическим из них. Правящая коммунистическая бюрократия тех стран, где она самостоятельно пришла к власти, уже вкусила сладость этой власти и сладость обладания так называемой «обобществленной» собственностью. Государство, которым она правит, она считает «своим» государством, и свою власть над ним рассматривает, как национальную государственную власть. Естественно поэтому, что она требует равенства в отношениях с другими коммунистическими государствами.

Это не значит, что если дело дойдет до конфликта, он так и останется конфликтом между двумя правящими бюрократиями. В такой конфликт неизбежно втянутся и все революционные элементы в вассальной стране, во-первых, потому что они не склонны терпеть чужеземное государство, а во-вторых, потому что по их мнению отношения между коммунистическими государствами должны быть и на деле таким же образцом совершенства, каким изображают их в теории. При таком конфликте и народные массы, жаждущие независимости, не могут оставаться равнодушными, тем более, что такой конфликт и вообще выгоден для них. Он избавляет их от необходимости платить дань иностранному правительству, а давление со стороны их собственного правительства, которому больше незачем копировать чужие приемы, да и неловко подражать им, тоже уменьшается. Легко втягиваются в такой конфликт и другие, некоммунистические силы, но сущность его от этого не меняется, как и сам конфликт не меняет характера столкнувшихся в нем партийных бюрократий. Ни советские, ни югославские коммунисты не перестали быть тем, чем они были, ни во время, ни после их ссоры. Тот факт, что

монополию свою они укрепили в разной степени и разными путями, позволил им, правда, отрицать существование социализма в лагере противника. Но как только они примирились между собой, они снова признали, что социализм есть и там и тут, потому что осознали необходимость согласиться на некоторые различия, ради сохранения того общего, которое было и осталось самым для них важным.

Вассальные коммунистические правительства в странах Восточной Европы не только могут заявить, но и непременно заявят рано или поздно о своей независимости от советского правительства. Никто не может сейчас сказать, как далеко пойдет это стремление к независимости и какие трения оно вызовет. Конечный результат зависит от многих непредвиденных условий, внутренних и внешних. Но нет никакого сомнения в том, что национальные коммунистические бюрократии стремятся к большей полноте власти для самих себя. Это показали процессы против сторонников Тито, при Сталине, в странах Восточной Европы; это показывает также требование «собственного пути к социализму», получившее за последнее время столь резкое выражение в Польше и в Венгрии. Советскому правительству причиняет трудности не только национализм, проявляемый восточноевропейскими коммунистическими правительствами, но еще и тот, что проявляют правительства советских республик (Украина, Кавказ). Важную роль во всем этом играет то обстоятельство, что Советский Союз оказался неспособным и вряд ли окажется способным в будущем ассимилировать экономику восточноевропейских стран.

Стремления к национальной независимости, несомненно, еще усилятся в дальнейшем. Их можно усыпить, задержать на время, то ли грубой силой, то ли устрашающими ссылками на опасность, якобы грозящую со стороны «империалистов» или «капиталистов», но искоренить их нельзя. Напротив, их сила будет расти.

Невозможно предвидеть, какие именно формы примут взаимоотношения между коммунистическими го-

сударствами. Если сотрудничество между их правительствами может привести в более или менее близком будущем к слияниям и федерациям, то конфликты между ними столь же легко могут вызвать войну. Открытый вооруженный конфликт между Советским Союзом и Югославией был предотвращен не из-за сходства их государственного строя, называемого социалистическим, а потому что не в интересах Сталина было идти на конфликт, размеры которого нельзя было предвидеть. Взаимоотношения коммунистических государств зависят от всех тех факторов, которые и вообще влияют на политические события. Но ясно также, что в ближайшее время интересы отдельных коммунистических бюрократий, тяготеющих то к единению, то к обособлению, вместе с неустранимой тенденцией ко все большей национальной независимости, будут играть в этом вопросе весьма существенную роль.

2

Понятия «национальный коммунизм» не существовало до конца второй мировой войны, когда советский империализм стал угрожать не только капиталистическим, но и коммунистическим странам. Приобрело оно смысл главным образом в результате конфликта между Советским Союзом и Югославией. Отказ так называемого «коллективного руководства» Хрущева-Булганина от сталинских методов может, вероятно, смягчить отношения между Советским Союзом и другими коммунистическими странами, но разрешить этот вопрос полностью не может. Политика Советского Союза связана не только с коммунизмом, но и с империализмом советского государства. Империализм этот способен изменить свою форму и свои приемы, но он так же не может исчезнуть, как не могут исчезнуть стремления других стран к независимости. Да и не только к независимости. При благоприятных обстоятельствах, они и сами будут тяготеть к империализму.

В развитии внешней политики Советского Союза были две империалистических фазы. По началу политика эта сводилась почти исключительно к расширению советского влияния путем революционной пропаганды в других странах. В высших партийных кругах наблюдались, правда, и тогда сильные империалистические тенденции в отношении, например, Кавказа. Но все же, по моему, нет достаточных оснований считать эту первую революционную фазу безусловно империалистической, тем более, что и вся тогдашняя политика Советского Союза была скорее оборонительной, чем наступательной.

Если, таким образом, революционную фазу не считать империалистической, то можно сказать, что империализм начался одновременно с победой Сталина, с индустриализацией и с установлением власти нового класса в 30-х годах, когда сталинское правительство перешло к действию и сразу же далеко отошло от всех прежних пацифистских и антиимпериалистических позиций. Отразилась она и на смене лиц, любезного, разговорчивого и до известной степени принципиального Литвинова заменил угрюмый и беспринципный Молотов.

Империалистическая политика Советского Союза целиком проистекает из эксплуататорской и деспотической природы нового класса. Но для того, чтобы он мог проявить свои империалистические склонности, нужны были благоприятные условия и он сам должен был достаточно окрепнуть. Условия эти наступили и сил у него накопилось довольно, к тому времени, как началась вторая мировая война. Для империалистических замыслов открылось широкое поле действия. Маленькие балтийские государства, например, не могли представлять опасность, особенно при современной военной технике, для такого колосса, как Советский Союз. К тому же они были союзниками и отнюдь ни о каком нападении не помышляли. Но уж слишком лакомый кусок представляли они собой для ненасытных вождельний советской партийной бюрократии.

Во время второй мировой войны коммунистический интернационализм, являвшийся уже раньше неотъемлемой составной частью советской внешней политики, стал отвечать интересам правящей бюрократии, и организация, служившая воплощением этого интернационализма, оказалась ненужной. Мысль о роспуске Коммунистического Интернационала (Коминтерна) появилась, по свидетельству Георгия Димитрова, после аннексии балтийских стран и в период сотрудничества с Гитлером, хоть и была осуществлена лишь во второй фазе войны, в период союза с западными державами.

Коминформ, в который вошли коммунистические партии восточноевропейских стран, Франции и Италии, был создан по инициативе Сталина, с целью обеспечить советское владычество в странах-сателлитах и усилить советское влияние в Западной Европе. Можно сказать, что в некоторых отношениях Коминформ был еще хуже, чем Коминтерн, в котором, хоть он и подчинялся полностью советскому руководству, были все же формально представлены все коммунистические партии. Коминформ был уже без всяких оговорок простым проводником советского влияния. В частности, задача его, как показал конфликт с Югославией, заключалась в том, чтобы приструнивать правительства и выпрямлять партийную линию в тех коммунистических странах, где наблюдался рост национального коммунизма. После смерти Сталина Коминформ был распущен. Пришлось и советскому правительству, дабы избежать крупных и опасных ссор, принять тезис, если не национального коммунизма, то по крайней мере «разных путей к социализму».

Эти организационные перемены коренились в более глубоких переменах экономического и политического характера. Покуда коммунистические партии Восточной Европы были слабы, а Советский Союз не был достаточно силен экономически, советскому правительству только и оставалось, что прибегать к административному воздействию для подчинения себе восточноевропейских стран, так что нужно думать, он прибегал бы к такого рода приемам, даже при отсут-

ствии специфически сталинского произвола и деспотизма. Советскому империализму приходилось уравнивать свою экономическую слабость особенно энергичными политическими мерами, вплоть до мер полицейских и военных. Военный империализм, который был всего лишь усовершенствованным продолжением военно-феодального империализма царских времен, лучше всего соответствовал также и внутренней структуре Советского Союза, в которой полицейский и административный аппарат, находившийся в распоряжении одного человека, играл первенствующую роль. Сталинизм был смесью единоличной коммунистической диктатуры с империализмом и милитаризмом.

Империализм этот все время принимал новые формы. Вот некоторые из них: смешанные акционерные общества; погашение экспорта восточноевропейских стран путем политики цен, искусственно удерживаемых на уровне ниже среднего мирового уровня; столь же искусственное создание «социалистического мирового рынка»; строгий надзор за поведением вассальных партий и правительств; превращение исконной привязанности коммунистов к «социалистическому отечеству» в прямое обоготворение советского государства, Сталина и всех сталинско-советских методов.

Но что тем временем произошло? В среде советского правящего класса произошли под сурдинку перемены и только личность Сталина предупредила их оглашение. Такие же перемены, в другой форме, имели место в восточноевропейских странах. Новые национальные бюрократии стремятся ныне к окончательной консолидации своей власти, но наталкиваются при этом на трудности, вызванные давлением со стороны советского правительства. Прежде они отказывались от всего национального ради захвата власти, но теперь такой отказ был бы препятствием к дальнейшему их властвованию. Кроме того, и для советского правительства стало неудобным продолжать рискованную сталинскую политику изоляции и военного давления,

и, проповедуя антиколониализм, в то же время держать под своим ярмом европейские страны.

После долгих колебаний советскому руководству пришлось признать, что югославских коммунистов напрасно обзывали гитлеровцами и американскими шпионами только потому, что они защищали свое право строить и укреплять свою коммунистическую систему по своему. Тито стал самой выдающейся личностью в современном коммунизме. Принцип национального коммунизма получил официальное признание. Но тем самым Югославия перестала быть единственным источником новшеств в коммунизме. Югославская революция отошла в прошлое и для страны началось обыкновенное будничное существование. Вчерашние враги не стали от этого закадычными друзьями и их разногласия не пришли к концу. Это было всего лишь началом новой фазы.

Для Советского Союза эта новая фаза характеризуется тем, что его империалистическая политика осуществляется теперь прежде всего в области экономики. По крайней мере так можно подумать, судя по событиям последнего времени.

В настоящее время национальный коммунизм стал явлением всеобщим. В различной степени все коммунистические партии — за пределами Советского Союза, против которого эта тенденция как раз и направлена, — охвачены национальным коммунизмом. Собственно советский коммунизм и сам стал национальным коммунизмом с тех пор, как отказался от интернационализма, превратив его, в сталинские времена, всего лишь в орудие своей внешней политики. Но теперь он вынужден, хотя бы и под сурдинку, признать право на такую же перемену и за другими, признать национальный коммунизм, как новое явление в коммунизме.

Изменяясь внутренне, советский империализм вынужден был изменить свою позицию и по отношению к внешнему миру. Он ищет теперь не столько административного властвования над восточноевропейскими странами, сколько экономической интеграции с ними. Эта интеграция осуществляется путем совместного пла-

нирования в основных отраслях экономики, на которое правительства этих стран пока что охотно соглашались, все еще чувствуя себя более слабыми, как по отношению к внешнему миру, так и внутри собственной страны.

Такое положение, однако, не может долго продолжаться, потому что в нем таится радикальное противоречие. Национальные коммунистические системы становятся сильнее, но советский империализм от этого не становится слабей. И советское правительство, и правительства восточноевропейских стран, включая Югославию, путем соглашений и сотрудничества, ищут укрепления самого для них главного: власти и собственности правящего класса. Но если в отношении собственности и можно прийти к компромиссу, то в отношении власти это куда трудней. Поэтому, хоть условия для дальнейшей экономической интеграции с Советским Союзом и создаются, но условия, ведущие к политической независимости восточноевропейских стран создаются еще быстрее. Советский Союз не отказался от верховной власти над этими странами, но правительства этих стран тоже не отказались от стремления добиться рано или поздно чего-то похожего на независимость Югославии. Конечно, добьются они той же степени независимости только, если это позволит и их внутренняя сила и международная обстановка, но, во всяком случае, то признание «своего пути к коммунизму», на которое пришлось таки, хоть и со скрежетом зубовым, пойти советскому правительству, имеет огромное значение и таит в себе значительную опасность для советского империализма.

Связано оно в известной мере и с допущением свободной дискуссии; это значит, что от политической независимости намечается переход к независимости идейной. Отныне, судьба некоторых «ересей» в коммунизме будет зависеть не только от терпимости советского руководства, но и от возможностей, предоставленных этим ересям в других коммунистических государствах. Отклонения от линии советского руко-

водства, стремящегося удержать свое влияние в коммунистическом мире на так называемой «добровольной» или «идеологической» основе, будет уже невозможно остановить.

Кроме того, и само советское руководство теперь уже не то, каким оно когда-то было. Оно утратило монополию на новые идеи и моральное право предписывать единственно дозволенную политическую линию. Отрекшись от Сталина, оно отреклось и от своего идеологического главенства. В самом Советском Союзе эпоха коммунистических самодержцев пришла к концу и началось царствование посредственных коммунистических бюрократов.

«Коллективное руководство» не предвидело тех трудностей, что возникли в результате самого развития коммунизма, как внутри страны, так и вне ее. Но что им оставалось делать? Сталинский империализм был слишком крайним, слишком опасным, да и не достигал желаемых результатов. При Сталине не только народ, но и сами коммунисты роптали, и притом в период очень напряженного международного положения.

Мировой центр коммунистической идеологии находится в полном распаде. Единство мирового коммунистического движения нарушено и нет никаких признаков того, что его можно будет восстановить. Но точно так же, как переход от Сталина к так называемому «коллективному руководству» не изменил сущности коммунизма в Советском Союзе, так и национальный коммунизм, несмотря на все растущую возможность освобождения от советского владычества, оказался неспособным изменить ту же самую свою внутреннюю сущность, которая заключается в предоставлении партийной бюрократии абсолютной монополии на власть, собственность и идеологию. Правда, он значительно смягчил нажим, и несколько ограничил монополию в области сельского хозяйства. Но национальный коммунизм остается коммунизмом, не хочет и не может быть ничем другим; да и как он ни бьется, все-таки продолжает что-то притягивать его к его источнику, Советскому Союзу. Он неспособен отде-

лить свою судьбу от судьбы коммунизма и порвать цепь, приковывающую его страну ко всем другим коммунистическим странам и движениям.

Национальный коммунизм опасен для советского империализма, особенно для империализма сталинского типа, но не для коммунизма, как такового: он не меняет его сущности. Напротив, там, где коммунизм находится у власти, эта его национальная окраска может его даже укрепить и сделать его более приемлемым для внешнего мира. Национальный коммунизм соответствует недогматической — послесталинской и антисталинской — фазе в развитии коммунизма. Эта фаза, пока что, именно в нем и получила конкретное свое осуществление.

3

Национальный коммунизм не может в корне изменить ни существующие ныне международные отношения, ни положение вещей внутри рабочего движения. Но влияние его, и тут и там, может быть весьма значительным.

Так, например, югославский коммунизм, в качестве одной из форм национального коммунизма, сыграл чрезвычайно важную роль в ослаблении советского империализма и в развенчании сталинизма внутри коммунистического движения. Перемены, происходящие в Советском Союзе и в восточноевропейских странах, обусловлены, разумеется, положением внутри каждой из этих стран. Но все же начались эти перемены в Югославии, и там же впервые получили законченный облик. Таким образом, югославский национальный коммунизм, во время конфликта со Сталиным, фактически положил начало послесталинской фазе в развитии коммунизма. Тем самым он вызвал изменения во всем коммунизме, как целом, но на международные отношения и на некоммунистическое рабочее движение решающего влияния не оказал.

Ожидания, что югославский коммунизм будет развиваться в сторону демократического социализма или что он послужит мостом между социал-демократией и коммунизмом, оказались ошибочными. Среди самих югославских руководителей возникли разногласия по этому вопросу. В период советского давления на Югославию, они выражали горячее желание сблизиться с социал-демократами. Но в 1956-ом году, в период примирения с Советским Союзом, Тито высказал мнение, что и Коминформ и Социалистический Интернационал одинаково не нужны, несмотря на то, что Социалистический Интернационал бескорыстно защищал Югославию, тогда как Коминформ усердно нападал на нее. Следуя своей политике так называемого активного сосуществования, отвечавшей их интересам в данный момент, югославские руководители называли обе эти организации «неумеренными», «крайними», обвиняя их в том, что они представляли два враждебных блока. Говоря так, они принимали свои желания за действительность и, в угоду своим преходящим интересам, затушевывали глубокие исторические и социальные различия.

Не подлежит сомнению, что Коминформ был орудием Сталина в его стремлении создать коммунистический военный блок. Что же касается Социалистического Интернационала, то будучи западноевропейской организацией, он тем самым связан с западным блоком и с Атлантическим Пактом. Он, однако, существовал бы даже, если бы никаких блоков не было. Он, в первую очередь, не что иное, как объединение социалистов в передовых европейских странах, где существует политическая демократия.

Военные союзы и блоки — явления временные, а западный социализм и восточный коммунизм отражают каждый по своему, гораздо более глубокие и устойчивые тенденции развития.

Контраст между коммунизмом и социал-демократией — не столько результат различных принципов, сколько различных направлений развития, как в области экономики, так и в области идей. Столкновение

между Мартовым и Лениным на Втором Съезде русских социал-демократов в Лондоне, в 1903-ем году, по вопросу о членстве в партии и о большем или меньшем значении централизма и дисциплины в ней — то столкновение, которое английский историк Дейчер назвал началом величайшего раскола в истории — имело гораздо более широкие последствия, чем это возможно было тогда предвидеть. С этого момента началось образование не просто двух движений, но и двух противоположных одна другой общественных систем.

Раскол между коммунистами и социал-демократами нельзя будет устранить до тех пор, пока не изменится самая сущность этих двух движений или те условия, которые в конечном счете привели к расколу. В течение полустолетия, несмотря на отдельные попытки сближения, пропасть между ними все расширялась и природа их становилась все более различной. Теперь социал-демократия и коммунизм, это не просто два движения, это два мира.

Национальный коммунизм, сколько бы он ни отходил от советского руководства, раскол этот устранить не мог. Он только обходил его, как это показало сотрудничество югославских коммунистов с социал-демократами, которое было скорее видимым, чем реальным, скорее вежливым, чем искренним, и которое не принесло ни той, ни другой стороне сколько-нибудь важных или просто ощутимых результатов.

По совершенно другим причинам не было достигнуто единение и между западными и азиатскими социалистами. Теоретически различия между ними были не велики, но оказались велики на практике. В силу чисто национальных условий азиатские социалисты оставались отделенными от западноевропейских социалистов. Эти последние, даже выступая как противники колониализма, все же остаются представителями стран, эксплуатирующих отсталые страны уже по причине самой этой их отсталости. Противоречие между азиатскими и западноевропейскими социалистами просто-напросто отражает, внутри социализма, противо-

речие между отсталыми и передовыми странами. Оно не устраняет внутреннего родства социалистических движений, а только затемняет его в условиях нынешней мировой политики.

4

Национальный коммунизм, вроде того, который существует в Югославии, мог бы иметь огромное значение для коммунистических партий в некоммунистических странах. Роль его здесь могла бы быть даже и более важной, чем в странах, где коммунистическая партия находится у власти. Это особенно верно в отношении компартий Франции и Италии, охватывающих значительное большинство рабочего класса, и которые, вместе с некоторыми азиатскими партиями, одни только и пользуются существенным влиянием в некоммунистическом мире.

До сих пор проявления национального коммунизма в этих партиях не имели решающего значения и силы. Но проявления эти были все же неизбежны и в конечном счете они способны привести к глубоким и важным переменам в этих партиях.

Партиям этим приходится соперничать с социал-демократами, которые благодаря своей собственной социалистической программе и своим собственным действиям, могут перетянуть недовольные массы на свою сторону и отвлечь их от коммунизма. Но это не единственная причина возможного отхода этих коммунистических партий от советского руководства. Другие причины следует искать во все более частых, но всегда неожиданных переменах направления советской компартии, да и других правящих коммунистических партий. Эти перемены вызывают внутренние кризисы в ненаходящихся у власти компартиях. Им приходится отрекаться от того, чему они вчера поклонялись, и менять свою линию по указаниям извне. Если что-нибудь играет роль в развитии этих партий, так это

именно судороги такого рода, а никак не враждебная пропаганда и не административное давление.

Основную причину отхода коммунистических партий в некоммунистических странах от советского руководства следует искать в общественном строе этих стран. Когда рабочий класс убедится — а он уже и сейчас в этих странах все больше в этом убеждается — что время не за горами, когда он добьется демократическими, парламентскими путями, не только улучшения своего положения, но и коренных изменений общественного строя, он, несмотря на свое революционное прошлое, откажется от коммунизма. Только узкая группа партийных доктринеров в таких странах может относиться равнодушно к этому, уже намечающемуся отходу рабочих от партии. Серьезные партийные руководители будут стремиться предотвратить этот отход, даже ценой ослабления связей с советским партийным руководством.

Парламентские выборы, на которых коммунисты в этих странах получают большое число голосов, нельзя считать точным мерилom могущества их партии. Цифры тут свидетельствуют, главным образом, о недовольстве и о заблуждении народных масс. Массы эти, как покорно они ни следуют за коммунистическими вождями, немедленно их покинут, как только им станет ясно, что эти вожди готовы пожертвовать и демократией и конкретными интересами рабочего класса, ради своих собственных бюрократических интересов, обеспечиваемых так называемой «диктатурой пролетариата», и ради того, чтобы не порывать связей с советским руководством.

Конечно, все это гипотеза. Но нельзя отрицать то, что партии эти уже и сейчас оказались в затруднительном положении. Если они намерены действовать внутри демократической парламентской системы, их вождям придется, либо отказаться от своего всегдашнего антипарламентаризма, либо перейти к национальному коммунизму, который, в свою очередь, скорей разлагающе действует на партии, не находящиеся у власти.

Есть целый ряд факторов, направляющих коммунистическое руководство в некоммунистических странах на путь, ведущий к национальному коммунизму. Вот некоторые из них. Рост уверенности в том, что преобразование общества и улучшение положения рабочих может быть достигнуто демократическими средствами. Перемены в курсе советского руководства, которое, развенчав Сталина, само положило конец своему идеологическому главенству. Соперничество со стороны социал-демократических партий. Тенденция, проявляемая Западом к объединению на глубокой и прочной социальной основе, в дополнение к объединению военному. Укрепление военной мощи западного блока, которое оставляет все меньше возможностей для «братской помощи» советской армии. Наконец, невозможность возникновения новых коммунистических революций без новой мировой войны. Но в то же время страх перед неизбежными результатами перехода к парламентаризму и разрыва с советским руководством не позволяет коммунистическим вождям в демократических странах принять какое-либо ясное и твердое решение. Все растущие социальные различия между Западом и коммунистическими странами сказываются с неумолимой силой. Хитрый Тольятти недоумевает, браваый Торез колеблется. Партийные дела становятся слишком сложными для них.

Когда Хрущев, в своем выступлении на XX-ом съезде, заявил, что в наши дни к социализму можно прийти парламентским путем, он хотел облегчить этим работу коммунистических партий в «капиталистических» странах и способствовать сотрудничеству коммунистов с социал-демократами в целях образования «народных фронтов». Перспективы этого рода открылись, по его словам, в связи с переменами, приведшими к укреплению коммунизма в обстановке всеобщего мира; но выдвигая именно эти перспективы, он, тем самым, и признал невозможность коммунистической революции в промышленно развитых странах, а вместе с тем и невозможность дальнейшей экспансии коммунизма без риска новой мировой войны.

Политика советского правительства сведена к сохранению существующего ныне положения вещей, а коммунистическому движению приходится думать о постепенном завоевании новых позиций новыми путями.

В коммунистических партиях некоммунистических стран фактически начался кризис. Если они перейдут к национальному коммунизму, они рискуют потерять свою сущность, а если не перейдут к нему, рискуют потерять своих сторонников. Их вождям, которые воплощают в этих партиях дух коммунизма, придется прибегнуть к самым сложным и бессовестным маневрам, чтобы выпутаться из этого противоречия. Но мало вероятно, что им удастся остановить разброд и разложение их партий. Слишком уж велико их расхождение с подлинными тенденциями развития в их странах и во всем мире.

Национальный коммунизм в некоммунистических странах неизбежно ведет к отказу от коммунизма, как такового, или к развалу коммунистических партий. Возможностей у него там больше, чем в коммунистических странах, но осуществляются они лишь при условии постепенного отхода от коммунизма. Поэтому идея национального коммунизма может восторжествовать в этих партиях лишь преодолев большие трудности, в конце долгого пути, после ряда внутренних взрывов.

На примере коммунистических партий, не находящихся у власти, становится ясно, что национальный коммунизм, несмотря на его стремление дать новый импульс коммунизму и укрепить его, представляет собой ересь, которая подтачивает коммунизм в самой его основе. Национальный коммунизм внутренне противоречив. Сущность его та же, что и сущность советского коммунизма, но он хочет оторваться от него и стать чем-то самостоятельным, заключенным в пределы одной страны. Национальный коммунизм, это начинающееся разложение коммунизма.

Глава десятая

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

1

Для того, чтобы яснее определить международное положение коммунизма в современном мире, необходимо вкратце обрисовать этот современный мир.

В результате первой мировой войны царская Россия превратилась в государство нового типа; весь ее общественный строй оказался переделанным на новый лад. Другим результатом войны было все более заметное отставание Западной Европы от развития техники и экономики в Соединенных Штатах. Вторая мировая война довела бы это различие до еще невиданных размеров, если бы в экономической структуре Соединенных Штатов не произошли грандиозные перемены.

Войны не были тут единственной причиной, они лишь ускорили развитие, которое и без них вырыло бы тот ров между Соединенными Штатами и всем остальным миром, который так ясно обнаружился в наши дни. Причины ускоренного развития Соединенных Штатов следует искать прежде всего в особых природных и общественных условиях и в особом характере американской экономики. Американский капитализм развивался в другой обстановке, чем европейский, и был в полном расцвете, когда европейский капитализм начал уже приходить в упадок.

В настоящее время ров, о котором идет речь, весьма широк. При шести процентах мирового населения Соединенные Штаты давали между первой и второй мировой войной 33 процента мировой продукции, а после второй мировой войны дают 50 процентов. Что касается Европы (не считая СССР), то ее доля в мировой продукции упала — по данным ООН — с 68-ми процентов в 1870 году до 42-х процентов в 1925-29 годах, затем до 34-х процентов в 1937-ом, и наконец, до 25-ти процентов в 1928-ом году.

Развитие современной промышленности и техники в колониальных странах также имело большое значение и привело к тому, что большинство из них получили независимость после второй мировой войны.

В период между первой и второй мировой войной капитализм прошел через экономический кризис, который был настолько глубок и имел такие серьезные последствия, что только ослепленные своей доктриной коммунисты, особенно коммунисты Советского Союза, не поняли этого. В противоположность кризисам 19-го столетия, страшный кризис 1929-го года показал, что такие потрясения означают в наше время опасность для всего общественного строя и даже для жизни целых народов. Экономически развитым странам, прежде всего Соединенным Штатам, нужно было найти пути, следуя по которым кризис мог бы быть преодолен. Пути эти вели к плановому хозяйству в государственном масштабе, а перемены, вызванные таким переходом, в свою очередь, имели огромное значение для экономически развитых стран, да и для всего мира, хоть они и не нашли еще себе достаточного признания в экономической теории.

В тот же период, в Советском Союзе и в капиталистической Германии развились различные формы тоталитаризма.

Германия, в противоположность Соединенным Штатам, не была в состоянии разрешить проблему внутренней и внешней экспансии обычными экономическими путями. Война и тоталитаризм были единственным

ыходом для немецких монополистов, и они стали под командой милитаристической нацистской партии.

Как мы видели, Советский Союз перешел к тоталитаризму по другим причинам. Там он был необходимым условием для проведения индустриализации.

Революционную роль сыграли также, хоть и не всем то было ясно, современные войны. Даже когда они не кончались революцией, они приводили к огромным сдвигам, как в международных отношениях, так и во внутреннем положении отдельных стран.

Революционный характер современных войн сказался не только в том, что они давали толчок важным техническим открытиям, но еще, и прежде всего, в том, что они делали необходимым изменение всей экономики и всего общественного строя. Англию вторая мировая война заставила приступить к национализации промышленности в очень значительных размерах. Индия, Бирма, Индонезия вышли из войны независимыми странами. Объединение Западной Европы тоже началось в результате войны. Благодаря войне, Соединенные Штаты и Советский Союз стали двумя самыми мощными державами.

Современная война влияет на жизнь народов и всего человечества гораздо сильнее, чем войны былых времен. На то есть две причины. Во-первых, современная война не может не быть тотальной: технический уровень производства настолько высок и требования, предъявляемые ко всему народу войной настолько всеобъемлющи, что никакая область экономики, никакая область жизни вообще, не может остаться незатронутой.

Во-вторых, по тем же самым техническим, экономическим и иным причинам, мир сделался в такой мере единым целым, что малейшие перемены в одной его части вызывают перемены и в других частях. Каждая современная война тяготеет к тому, чтобы превратиться в мировую войну.

Эти невидимые, неосознаваемые сразу военные и хозяйственные революции достигают в наше время грандиозных размеров и имеют огромное значение.

Они более стихийны, чем политические революции, менее обременены идеологическими и организационными элементами. Поэтому они дают возможность более точно определить тенденции развития современного мира.

Современный мир теперь не таков, каким он был до второй мировой войны.

Атомная энергия, которую человек вырвал из самой толщи материи, из самого сердца вселенной — наиболее поражающее, но не единственное знамение эпохи.

В официальных коммунистических прорицаниях о будущем человеческого рода объявляется, что атомная энергия — символ коммунистического общества, точно так же, как пар был символом и предпосылкой власти промышленного капитализма. Как бы мы ни относились к этому тенденциозному и наивному прогнозу, несомненно одно: атомная энергия уже сейчас меняет положение, как в отдельных странах, так и во всем мире. И ясно также, что перемены эти вовсе не идут в направлении того коммунизма или социализма, о котором вещают коммунистические прорицатели.

Атомная энергия, как научное открытие, не есть достижение какого-либо отдельного народа. Это результат многих десятилетий напряженной работы сотен лучших умов в целом ряде стран. Ее применение — также результат усилий, не только научных, но и экономических, во многих странах. Если бы мир уже не был в известной мере единым целым, то не было бы возможно, ни открытие, ни применение атомной энергии.

Дальнейшая работа в области атомной энергии прежде всего будет вести к дальнейшему объединению мира. На пути к этому объединению неизбежно будут сметены все унаследованные от прошлого препятствия, все собственнические общественные отношения и, в первую очередь, все замкнутые в себе нетерпимые системы и идеологии, — такие как коммунизм, каким он был при Сталине и каким остался после его смерти.

Тяготение к единству всего мира — основная отличительная черта нашего времени, хоть наблюдалось оно и раньше, только в другой форме. Тенденция к объединению при помощи мирового рынка была господствующей уже в середине прошлого века, то есть в эпоху капиталистического хозяйства и национальных войн. Можно сказать, таким образом, что известное единство мира было уже достигнуто через посредство национальных хозяйственных единств и войн, в которых они сталкивались между собой.

Дальнейшее объединение мира происходило путем устранения докапиталистических форм производства в отсталых странах, а также эксплуатации этих стран более развитыми странами и их монополиями. То был период монополистического капитализма, колониальных завоеваний и войн, в которых взаимоотношения и интересы монополий часто играли более решающую роль, чем интересы чисто национальные. В те годы тенденция к объединению мира осуществлялась, главным образом, в борьбе монополий и в союзах между ними, причем осуществлялось оно на более высоком уровне, чем прежде. Капитал, шедший из национальных источников, проникал повсюду, расширял свое владычество, господствовал над всем миром.

В наши дни тенденция к объединению проявляется по иному. Она связана с достижением чрезвычайно высокого уровня производства, а также с грандиозными успехами современной науки и техники. Дальнейшее развитие мирового единства немыслимо на узконациональной основе или на основе распределения монополистических сфер влияния.

Тенденция к новому единству, единству производства исходит из уже достигнутых единств — рынка и капитала. Но ей препятствуют унаследованные от того же прошлого трения и противоречия в международных отношениях и еще больше во внутренней жизни общества. Если прежние формы единства достигались через посредство национальных раздоров

или войн, приводивших к новому разделению сфер влияния, то современная его форма может развиваться только путем преобразования старого общественного строя.

Никто не может сказать с уверенностью, как именно будет достигнуто координирование и объединение мировой продукции, — путем войны или мирными путями. Но нет сомнения в том, что тенденцию к этому объединению остановить нельзя.

Война ускорила бы объединение, но ускорила бы его силой и привела бы к господству одного государства или группы государств над всеми остальными. Кроме того, она посеяла бы семена новых раздоров, и объединение, произведенное ею, было бы совершено за счет слабых и побежденных. Порядок, принесенный ею, не устранил бы вражды между народами и оставил бы нерешенными целый ряд больших вопросов.

В мировом конфликте, характеризующем нашу эпоху, столкнулись две системы что и делает его больше классовым конфликтом, чем столкновением между государствами и народами, и придает ему исключительную силу и резкость. Всякая будущая война будет скорее мировой гражданской войной, чем войною между правительствами и народами, и не только сама она была бы ужасна, — не менее ужасны были бы и последствия ее для всего дальнейшего развития.

Единственная альтернатива этому — объединение мира мирными путями, более медленное, но куда менее болезненное и несравненно более справедливое.

Подобно тому, как прежде объединение происходило через столкновение наций, теперь оно произойдет через противоборство систем. Не то, чтобы современные конфликты вытекали из этого противоборства, но именно в нем — и наперекор ему — тенденция к мировому единству производства проявляется всего яснее.

Было бы опрометчиво ожидать, что единство это будет достигнуто в ближайшем будущем. Оно потребует долгого времени и явится результатом организованных усилий всего человечества в области хозяйства

и во всех других областях. Кроме того, **полное** единство производства вряд ли когда-либо будет осуществлено. Речь идет лишь о приближении к нему. Как и прежние виды единства, то, о котором мы говорим сейчас, есть лишь мощное течение, прежде всего проявляющееся в экономике наиболее передовых стран. Будущее ему принадлежит, но это не значит, что будущее будет им исчерпано.

3

К концу второй мировой войны мир уже начал разделяться на два враждебные лагеря, соответствующие двум соперничающим системам. Во всех странах или частях стран (Германия, Корея), которые попали под советское влияние, была установлена более или менее одинаковая система. Аналогичный процесс происходил и на Западе.

Советские руководители отлично это сознавали. Я помню, как на одной интимной вечеринке в 1945-ом году, Сталин сказал:

«В современной войне победитель навязет другим свой режим, чего не бывало в прежних войнах».

Он говорил это еще до окончания войны, говорил в то время, когда симпатии к его стране среди западных союзников, а также их доверие к нему, их надежда на благоприятный исход войны, достигли апогея. В феврале 1948-го года он сказал нам, югославам и болгарам:

«Они, западные державы, сделают из Западной Германии свою страну, страну на свой образец, а мы поступим точно так же с Восточной Германией; это неизбежно».

В настоящее время принято, и до некоторой степени это естественно, противопоставлять нынешнюю советскую политику сталинской политике. Но Сталин не изобрел борьбы двух систем, и его наследники придают этой борьбе отнюдь не меньшее значение. Вза-

имоотношения между системами они могут налаживать другим способом, чем он, но самую эту двойственность, самый этот контраст они мыслят совершенно так же. Хрущев, выступая на XX-ом съезде КПСС, говорил о «социалистическом мире», о «социалистической системе», как о чем-то обособленном, отдельном. На практике это именно и значит, что мир для него попрежнему разделен на две враждующие системы и что владычество своей системы он все так же стремится распространить на весь остальной мир.

Поскольку конфликт между Западом и Востоком есть именно конфликт систем, он естественно должен принимать вид идеологической войны. Идеологическая война не прекращается даже, когда достигаются временные компромиссы, и она постепенно усыпляет умы в обоих противоположных лагерях. Чем больше обостряется конфликт в материальной, экономической, политической областях, тем больше кажется, что присуствуешь при чистой борьбе идей.

Кроме коммунистических и капиталистических стран, есть, однако, еще и страны, которые освободились от колониальной зависимости — Индия, Индонезия, Бирма, арабские страны. Они стремятся построить собственное народное хозяйство, чтобы освободиться от экономической зависимости. При этом наблюдается смешение различных этапов хозяйственного развития и обеих современных систем, уживающихся как-то одна с другой. Эти страны, естественным образом, сочувствуют идеям национального суверенитета, мира, взаимного понимания народов. Но устранить конфликт между двумя системами они не могут. Они могут разве что смягчить его. Кроме того, они сами представляют собой поле битвы между двумя системами. Их роль может быть значительной и благородной, но, в настоящее время, она не может быть решающей.

Характерным образом каждая из враждующих систем проникнута убеждением, что объединение мира будет достигнуто именно ею и на ее лад. Следовательно, обе стороны считают, что мировое единство необходимо. Но позиции их при этом диаметрально про-

тивоположны. Тенденция современного мира к единству осуществляется в борьбе между противоположными силами, в борьбе, достигающей неслыханного в мирных условиях напряжения.

Одна сторона, это западная демократия, другая — восточный коммунизм.

Стремление к объединению более непосредственно и стихийно проявляется на Западе, что соответствует его более высокому техническому и культурному уровню, его демократическим убеждениям, его традиции духовной свободы. Режим собственности, существующий в этих странах, может задерживать или ускорять развитие этой тенденции, смотря по обстоятельствам, но она во всяком случае широко распространена.

Препятствуют ей монополии. Они, правда, и сами хотят единства, но хотят достигнуть его уже устаревшим средством — разделением мира на сферы влияния. Однако, противники монополий, например, английская партия лейбористов, — тоже сторонники единства, хоть и в другой форме и другими методами. Тяга к нему вообще очень сильна в Англии, где была проведена частичная национализация промышленности. Соединенные Штаты также проводят национализацию даже в более значительных размерах, но не меняют при этом режима собственности, а только передают значительную часть народного дохода в руки правительства. Если бы в Соединенных Штатах полностью восторжествовала национализированная экономика, дело объединения современного мира сильно продвинулось бы вперед.

4

Закон общества и человечества — развивать и улучшать производство. На современном уровне науки и техники этот закон проявляется в тяготении к единству мировой продукции. Чем выше культурный уровень страны, тем это тяготение там сильнее.

Западная тенденция к объединению проистекает из множества причин, обуславливается экономическими, техническими, политическими и другими факторами. В советском лагере дело обстоит иначе. Коммунистический Восток, уже в силу одной своей отсталости и независимо от всего другого, вынужден изолировать себя экономически и идеологически, вынужден компенсировать эту свою экономическую и всякую другую отсталость политическими мерами.

Может быть, утверждение мое покажется странным, но я убежден, что оно правильно: так называемая социалистическая собственность, то есть существующий при коммунизме режим собственности, представляет собой главное препятствие к объединению мира. Тоталитарное владычество и коллективная собственность нового класса, как раз и создает ту замкнутую в себе политическую и экономическую систему, которая этому объединению препятствует. Эта система может изменяться и она меняется, но крайне медленно и не в сторону сближения с другими системами. Когда ее изменяют сознательно, это делается лишь для дальнейшего ее обособления. Все в этой системе неизбежно ведет к замкнутости и нетерпимости.

Советские правители тоже стремятся к объединению мира, но на свой лад, а именно, представляя его себе на подобие их собственного, уже известного им мира, строго подчиненного их власти. Мирное сосуществование с Западом, о котором они говорят, означает для них не сближение и переплетение двух систем, а неподвижную их противопоставленность, продолжающуюся до тех пор, пока другая система, капиталистическая, либо будет побеждена, либо сгниет изнутри.

Наличие конфликта между системами не значит, что исчезли другие, национальные и колониальные конфликты. Напротив, именно в столкновениях национального и колониального характера и обнаруживается основной конфликт систем. Война за Суэцкий канал едва не превратилась в войну между двумя системами, хоть и была по существу всего лишь конфликтом между египетским национализмом и мировой торговлей,

которая в данном случае была представлена двумя старыми колониальными державами, Англией и Францией.

Неизбежным результатом такого положения вещей явилось крайнее напряжение во всех областях международной жизни. Холодная война стала обычной формой мирного существования для современного человечества. Она становится то мягче, то суровей, но прекратить ее в данных условиях нельзя. Сначала нужно было бы устранить ее причины, которые приходится искать в самом существе враждующих между собой систем, особенно коммунистической.

Мир, в котором мы живем, полон сомнений и боязни. Это — мир поразительных открытий, которые наука приносит человечеству, но и растущего страха перед необъятной катастрофой, которую могут вызвать современные средства войны.

Мир этот изменится так или иначе. Он не может остаться таким, как он есть, разделенным и вместе с тем неудержимо стремящимся к единству. Международные отношения, которые положат когда-нибудь конец нынешнему запутанному положению, идеальными не будут, всех трений не устранят. Но все же они будут лучше тех, что существуют сейчас.

Нынешний конфликт систем не позволяет, однако, сделать вывод, что человечество идет к какой-то одной системе. Единственный вывод, подсказываемый им, это, что дальнейшее объединение мира, или, точнее говоря, объединение мирового производства, будет достигнуто через этот конфликт между системами.

Тенденция к единству мирового производства вовсе не должна всюду привести к одинаковому режиму собственности, одинаковому государственному строю и т. д. Она только приглашает устранить унаследованные от прошлого препятствия к процветанию производства и лучше приспособить его к местным — естественным и национальным — условиям. Она зовет к более совершенному учету и использованию мирового потенциала производства.

Это не горе, а большое счастье, что в мире не го-

сподствует одна единственная система. Плохо, что различных систем черезчур мало. А хуже всего отгороженность, замкнутость систем, каковы бы они ни были.

Один из законов общества, это растущая дифференциация социальных единиц, государственных и хозяйственных систем, наряду с растущей эффективностью производства. Люди объединяются, человек все больше и больше приспосабливается к окружающему его миру, но в то же время приобретает все более индивидуальные черты.

Будущий мир будет одновременно более разнообразным и более объединенным. Объединение его станет возможным именно благодаря разнообразию, а не одинаковости личностей и групп. Так, по крайней мере, шло развитие до сих пор. Одинаковость привела бы лишь к рабству и застою, а не к большей свободе производства, чем те, что налицо сейчас.

Народу, не сознающему подлинных тенденций современного мира, придется дорого за это заплатить. Он неизбежно будет отставать от других народов и, в конце концов, ему все же придется покориться исторической необходимости и пойти по тому же пути к мирному единству, какова бы ни была его численная и военная мощь. Этого не избежит ни один народ, точно так же, как в прошлом ни один народ не мог противостоять проникновению капитала и создаваемой им связи с другими народами через мировой рынок.

Вот отчего уже и в наше время любая автархическая, замкнутая в себе национальная экономика, какой бы ни был режим собственности, государственный строй или даже технический уровень данной страны, неизбежно приводит к неразрешимым противоречиям и застою. Верно это и в отношении социальных систем и всего, что связано с ними. Замкнутая в себе система способна обеспечить людям лишь очень скромные жизненные условия. Она неспособна двигаться вперед и разрешать вопросы, выдвигаемые перед ней современной техникой и современными идеями.

Кстати сказать, мировое развитие вполне опровергло коммунистическую, сталинскую идею о возможности построения «социализма» в одной стране. Из попытки его построить получился лишь тоталитарный деспотизм и нераздельное господство нового эксплуататорского класса.

На теперешнем этапе мирового развития строительство социалистического, коммунистического, да и любого другого общества «в одной стране», или хотя бы в большой группе стран, но отрезанных от всего остального мира, неизбежно ведет к тоталитарному деспотизму и мешает экономическому и социальному прогрессу в создаваемом таким образом автархическом целом. А между тем, вполне возможно, соответственно прогрессивным и демократическим чаяниям всего человечества, дать людям больше хлеба и больше свободы, добиться более справедливого распределения материальных благ и более быстрого темпа хозяйственного развития. Но непереносимое условие для этого — изменение существующего общественного строя, особенно внутри коммунистической системы, потому что там монополия правящего класса и связанный с ней режим собственности представляет собой самое серьезное, хоть и не единственное, препятствие для национального и мирового прогресса.

5

Тенденция к объединению проявляется, кроме того, и в изменении режима собственности.

Повсюду в мире роль, которую играет государство в хозяйственной жизни, становится все более значительной, а то и преобладающей. Это отражается, конечно, на режиме собственности, и это ведет к объединению, но только при условии, чтобы собственность, формально принадлежащая государству, не служила бы, как в коммунистических странах, простым прикрытием для коллективной монопольной собственности захватившего власть нового класса.

В Англии частная собственность уже утратила свой престиж и свою неприкосновенность в результате национализации, проведенной лейбористами. Более двадцати процентов английской промышленности теперь национализировано. В скандинавских странах, кроме государственной собственности, развивается и коллективная, на почве свободной кооперации.

Растущая роль государства в народном хозяйстве особенно заметна в странах, которые еще недавно были колониями или полуколониями, независимо от того, правят ли им социалисты, как в Бирме, установилась ли в них парламентская демократия, как в Индии, или военная диктатура, как в Египте. Большинство капиталовложений в этих странах делает правительство; оно руководит экспортом, распоряжается экспортными фондами. Инициатива в экономике принадлежит почти исключительно ему, и национализированная собственность во всех этих странах играет более значительную роль, чем частная.

В Соединенных Штатах, где капитализм достиг наивысшего развития, положение в сущности такое же. Не только каждому ясно, что после кризиса 1929-го года вмешательство государства в хозяйственную жизнь не переставало увеличиваться, но и мало кто отрицает необходимость этого вмешательства.

Джэмс Блэйн Уокер в своей книге «Эпопея американской промышленности» (1919) пишет:

«Все более тесное сближение между государственной властью и хозяйственной жизнью страны — одна из наиболее характерных черт двадцатого века».

Уокер отмечает, что в 1938-ом году было обобществлено около 20-ти процентов национального дохода, а в 1940-ом году не меньше 25-ти. Систематическое правительственное планирование народного хозяйства началось при Рузвельте. В соответствии с этим ростом правительственных функций, растет и число чиновников. Особенно это касается федерального правительства.

Джонсон и Кросс в их труде «Происхождение и развитие американской экономики» (1953) приходят

к тому же выводу. Они утверждают, что управление предприятиями все более отделяется от собственности над ними и что роль правительства, как кредитора, значительно возрасла. «Одна из главных характерных черт 20-го века это, по их словам, непрерывный рост правительственного влияния, особенно влияния федерального правительства во всех хозяйственных делах».

В своей книге «Американский путь» (1953) Шепард Б. Клаф приводит подтверждающие это цифры. Согласно его данным, расходы и национальный долг федерального правительства росли в такой пропорции:

Год	Расходы федер. прав. (В милл. долл.)	Национальный долг (Федеральный) (В тысяч. долл.)
1870	309,6	2,436,453
1940	8,998,1	42,967,531
1950	40,166,8	266,708,000

Клаф говорит по этому поводу о «директорской революции», понимая под этим чрезвычайно быстрый рост влияния профессиональных администраторов, директоров, управляющих, без которых собственники уже не могут обойтись. В Соединенных Штатах их становится все больше и больше, ряды их все плотней смыкаются, а о новых предпринимателях-собственниках, равных по таланту какому-нибудь Джону Рокфеллеру, Джону Ванамэкеру, Чарльзу Швабу, что-то ничего не слышно.

По мнению Фэнсода и Гордона, авторов книги «Правительство и американская экономика» (1941), если правительство и всегда имело влияние на хозяйственную жизнь (причем различные социальные группы пытались это влияние использовать), то в наше время положение все же существенно изменилось. Регулирующая роль правительства проявляется не только в

вопросе о рабочей силе, но и в самом производстве, и притом в таких важных для страны отраслях хозяйства, как транспорт, добыча натурального газа, угля и нефти. «Значительным новшеством — пишут Фэнсон и Гордон — явилось также расширение сектора государственных предприятий и усиленная забота государства о сохранении естественных и человеческих ресурсов страны. Государственная инициатива приобрела особенно важное значение в банковском и кредитном деле, в снабжении электроэнергией и в строительстве дешевых жилищ». Государство, по их словам, играет ныне во всем этом гораздо более важную роль, не только, чем полвека тому назад, но и чем десять лет тому назад. «Результатом этого развития — пишут они — явилась «смешанная экономика», то есть экономика, в которой одновременно участвуют государственные предприятия, частично контролируемые государством частные предприятия и более или менее независимые частные предприятия».

Эти и другие авторы подчеркивают различные стороны этого процесса и отмечают при этом, как увеличение запросов общества в отношении социального обеспечения, образования и других видов государственного обслуживания, так и непрерывное возрастание числа людей, занимающихся этим обслуживанием, то есть находящихся на государственной службе.

Вполне понятно, что в течение второй мировой войны этот процесс, в связи с требованиями военного времени, значительно ускорился и стал более интенсивным. Но и после окончания войны он не только не прекратился, но пошел более быстрым темпом, чем это наблюдалось до войны. Объясняется это вовсе не тем одним, что у власти в Соединенных Штатах находилась демократическая партия. Приход к власти республиканского правительства Эйзенхауэра, выставившего на выборах 1952-го года лозунг о возврате к частной инициативе, существенной задержки этого процесса не принес. То же самое следует сказать о приходе к власти консервативного правительства в Англии. Ему удалось провести денационализацию

только в сталелитейной промышленности, и роль его в экономике страны, по сравнению с ролью лейбористского правительства, если не увеличилась, то и сколько-нибудь заметно не уменьшилась.

Совершенно ясно, что вмешательство государства в экономику — результат тех объективных тенденций развития, которые люди начали осознавать уже давно. Все серьезные экономисты, начиная с Кэйнса, были сторонниками этого вмешательства, которое наблюдается теперь почти повсюду. Государственная инициатива и государственная собственность стали в наше время важным, а нередко и решающим фактором в народном хозяйстве европейских и неевропейских стран.

Из этого, казалось бы, можно заключить, что нет никакой резкой, способной привести к конфликту разницы между экономикой коммунистических стран, где государство играет главную роль, и западной экономикой, где главная роль принадлежит частной собственности, или собственности монополий и акционерных обществ. Такой вывод кажется тем более законным, что роль частной собственности на Западе все время уменьшается, а роль государства возрастает.

И все-таки вывод этот был бы ложным. Не говоря уже о других различиях между этими системами, в них обнаруживается совершенно разное понимание, и государственной собственности, и роли государства в экономике. В обоих случаях государственная собственность налицо, но это два различных, и даже резко противоположных типа собственности. То же, приблизительно, можно сказать и о роли государства в экономике.

Ни одно западное правительство не ведет себя в государственных делах, как собственник, ни об одном из них нельзя сказать, что обобществленная или национализированная собственность ему принадлежит или, что оно — собственник тех сумм, которые получает государство посредством налогов. Правительства эти уже потому не могут быть собственниками, что они сменяемы. Распоряжаться государственным иму-

ществом они могут лишь под контролем парламента. При распределении государственных средств правительство может подвергаться различным, быть может, и вредным влияниям, но совсем по своему усмотрению их распределять оно все-таки не может. Оно только управляет, плохо или хорошо, собственностью, которая ему не принадлежит.

В коммунистических странах положение совсем иное. Там правительство делает с народным имуществом что ему угодно. Новый класс, или его исполнительный орган, партийная олигархия, рассматривает это имущество, как свою собственность и распоряжается им, как собственник. Самое что ни на есть буржуазное и реакционное правительство не смеет и мечтать о таком безграничном собственническом произволе.

Таким образом, поверхностное сходство между Западом и коммунистическим миром в этой области как раз и вскрывает, при ближайшем рассмотрении, глубочайшую их противоположность.

6

Уже после первой мировой войны вопрос о режиме собственности был едва ли не важнейшей причиной столкновений между Западом и Советским Союзом. Тогда монополии играли гораздо более значительную роль, чем теперь, и они не могли примириться с тем, что вся огромная территория бывшей Российской империи ускользает из-под их влияния. Коммунистическая бюрократия в те времена только еще становилась правящим классом.

Режим собственности продолжал и в дальнейшем влиять на отношения коммунистического государства с другими странами. Где только он мог, Советский Союз насаждал свой режим собственности и свой государственный строй, но налаживая свои деловые отношения с несоветским, некоммунистическим миром, он не шел и не мог идти дальше того

простого товарообмена, который существовал между национальными государствами до первой мировой войны. Так же обстояло дело с югославской внешней торговлей в период ее разрыва с Советским Союзом. Югославии тоже пришлось ограничиться простым товарообменом с некоммунистическими странами, хотя она и надеялась — как и продолжает надеяться сейчас — что ей удастся наладить с ними более тесное экономическое сотрудничество. Ее экономика осталась столь же изолированной, как и экономика Советского Союза.

Существуют и другие препятствия на пути к мировому экономическому единству. Если усиленное стремление к этому единству на Западе не сопровождалось бы сознанием необходимости оказывать помощь отсталым странам, оно могло бы привести к безусловному владычеству одной страны — Соединенных Штатов — или, в лучшем случае, группы стран.

Как только экономика отсталых стран вступает в контакт с экономикой стран более развитых, начинается — силою вещей — эксплуатация первых вторыми. Это не означает, однако, что они могут защитить себя от эксплуатации только самоизоляцией и политическими мерами. Это — один путь. Другой путь — получить помощь извне, от развитых стран. Третьего пути нет. Да и второй только еще намечается; помощь дается в недостаточных размерах.

В настоящее время разница в уровне жизни между американским и индонезийским рабочим больше, чем разница между американским рабочим и американским богачем. В 1949-ом году на каждого гражданина Соединенных Штатов приходилось в среднем 1.440 долларов годового заработка, а индонезийский рабочий зарабатывал в год (по данным ООН) 27 долларов, т. е. в пятьдесят три раза меньше. К тому же, все данные говорят о том, что различия этого рода между передовыми и неразвитыми странами не уменьшаются, а возрастают.

Неравенство между западными передовыми странами и странами отсталыми носят в наше время, главным

образом, экономический, а не политический характер. Вице-короли, наместники, губернаторы, местные царьки и корольки — все это уходит в прошлое. Но экономика отсталой страны, пользующейся политической независимостью, все еще зависима от экономики какой-либо промышленно развитой страны или группы таких стран.

Добровольно, однако, никакой народ на такую зависимость не идет, точно так же, как ни один народ добровольно не откажется от преимуществ, обеспечиваемых высоким уровнем производства.

Требовать от американского или западноевропейского рабочего, не говоря уже о владельцах предприятий, чтобы они добровольно отказались от тех преимуществ, которыми они пользуются благодаря высокому уровню техники и производства, так же невозможно, как убедить бедного азиатского рабочего довольствоваться нищенской оплатой его труда.

Что же касается помощи отсталым странам и постепенного устранения экономического неравенства между народами, то надо сказать, что до сих пор помощь эта оказывалась большей частью в тех случаях, когда отсталые страны, с их низкой покупательной способностью и низким уровнем продукции, становились бременем для передовых стран. Но вся эта акция могла бы быть расширена, могла бы стать делом не только одной необходимости, но и доброй воли. Она уже на пути к тому, но ей препятствует нынешний конфликт двух мировых систем. И препятствие это заключается не только в том, что огромные суммы тратятся на вооружение, но еще и в том, что напряженность международного положения тормозит развитие производства и стремление к объединению, мешает прогрессу наиболее развитых стран и уже тем самым мешает им оказывать помощь отсталым странам.

Экономическое неравенство между развитыми и отсталыми странами отражается и на всей внутренней жизни тех и других. Было бы нелепо истолковывать западную демократию всего лишь, как выражение солидарности богатых стран в эксплуатации бедных

стран. Западные страны были демократическими задолго до времен колониальных сверхприбылей, хотя и в меньшей степени, чем теперь. Единственная связь между теперешней демократией в западных странах и демократией тех времен, когда жили Маркс и Ленин, заключается в непрерывности развития за весь прошлый и наш век. Сходство между тогдашней и теперешней демократией не больше, чем между либеральным или монополистическим капитализмом и современным хозяйственным строем, в котором государство играет всё более решающую роль.

В своей книге «Вместо страха» (1952) английский социалист Эньюрин Бивен пишет:

«Нужно различать намерения либерализма и его фактические достижения. Его намерением было завоевать власть для новых форм собственности, выдвинутых промышленной революцией. Его достижение состояло в том, что он завоевал власть для народа, независимо от собственности.

«С исторической точки зрения функция парламентарной демократии, при всеобщем избирательном праве, состоит в том, чтобы дать народу возможность вести наступление на привилегии богатых. Парламентарная демократия, это меч, направленный против собственников, а парламент — арена, где происходит борьба».

Бивен писал это об Англии, но его замечания могли бы относиться и к другим западным, да и не к одним только западным странам.

На Западе, поэтому, стремление к мировому единству выражается в экономических мероприятиях. На Востоке, в коммунистическом лагере, это единство всегда мыслили политически. Для Советского Союза, после Сталина, как и при Сталине, «объединять», это значит завоевывать. Порабощенными народами называются там лишь те, над которыми властвует не советское правительство, а какое-либо иное. Оказывая помощь другим странам, даже если эта помощь выражается в займах, советское правительство руко-

водствуется исключительно своей собственной политической выгодой.

Это означает, что советская экономика еще не достигла того уровня, который заставил бы ее стремиться к объединению мировой продукции.

Противоречия и трудности, ей свойственные, зависят прежде всего от внутренних причин. Сам режим сможет существовать до тех пор, пока он останется изолированным от внешнего мира. Это обходится очень дорого и нуждается в широком применении методов насилия. Но положение это долго продолжаться не может; наступит момент, когда предел будет перейден. И это будет значить, что близок конец безграничной власти нового класса.

Существуют, конечно, и опять-таки в области политики, пути, следуя по которым коммунизм мог бы содействовать объединению современного мира, например, своей внутренней демократизацией и отказом от своей замкнутости и отъединенности. Однако, от этого он еще весьма далек. Да и способен ли он вообще на это? Как рисует он себе мировое положение и свою роль в современном мире?

В свое время, в период монополий, марксизм, видоизмененный Лениным, рисовал довольно точную картину тех внутренних и внешних отношений, которые определяли положение царской России и соседних с нею стран. Руководясь этими данными, движение, во главе которого стоял Ленин, боролось и победило. Во времена Сталина, та же самая идеология, снова видоизмененная, отвечала действительности, в той хотя бы мере, что она достаточно верно характеризовала положение и роль нового государства в международных отношениях. Вследствие чего это новое государство и хозяин его, новый класс, как раз и получили возможность укрепиться внутренне и вести успешную внешнюю политику, направленную к захвату всего, что только можно было захватить.

Но теперь советским руководителям ориентироваться стало труднее. Они утратили способность разбираться в реальном положении вещей. Мир, как он пред-

ставляется им, не тот, который существует на деле. Это — или мир, каким он некогда был, или мир того будущего, о котором они мечтают.

Цепляясь за свои устаревшие догматы, коммунистические руководители воображали, что весь остальной мир придет в состояние застоя и погибнет из-за внутренних раздоров. Но этого не случилось. Запад продолжает развиваться экономически и духовно. Он оказывался единым каждый раз, когда ему грозила опасность со стороны другой системы. Колонии получили независимость, но не сделались коммунистическими странами и не порвали связей с прежними своими метрополиями.

Крушения западного капитализма вследствие кризисов и войн не произошло. В 1949-ом году Вышинский, выступая в ООН от имени советского правительства, предсказывал начало нового грандиозного кризиса в Соединенных Штатах и кризиса капитализма вообще. Случилось обратное. И объясняется это не тем, что капитализм хорош или плох, а тем, что того капитализма, о котором с пеной у рта твердит советское руководство, более не существует. Советское руководство не замечало, что Индия, арабские государства и другие страны стали независимыми, покуда эти страны — в силу собственных побуждений — не стали одобрять советскую точку зрения на международные вопросы. Советское руководство не понимало и не понимает, что такое социал-демократия. Оно подходит к ней с той самой меркой, которую оно применяло, когда решало участь социал-демократов в своей собственной стране. Основываясь на том факте, что Россия не достигла в свое время той ступени развития, скорое достижение которой учитывали социал-демократы, советские руководители считают возможным обвинять западную социал-демократию в слепоте и «предательстве».

Такое же непонимание проявляют советские идеологи и правители, когда дело касается основных проблем нашего времени: конфликта между двумя мирами и тенденции к объединению производства в мировом

масштабе. И здесь их оценка совершенно не соответствует действительному положению вещей.

Они определяют конфликт, как борьбу между двумя противоположными социальными системами. В одной из них — разумеется, их собственной — классов, по их словам, нет, или скоро не будет, а все народное имущество народу (или государству) и принадлежит. Зато в другой системе, западной, идет, по их словам, непрерывная классовая борьба, происходят постоянные кризисы и все материальные блага сосредоточены в руках владельцев капиталистических предприятий, а правительства — лишь послушные орудия кучки жадных монополистов. Подходя к международным отношениям с такой меркой, они высказывают убеждение, что нынешнего конфликта можно было бы избежать, если бы государственный и общественный строй на Западе, был бы иным.

В этих то их взглядах вся трудность и заключается.

Если положение вещей на Западе было бы таким, как его описывают коммунисты, то конфликт был бы еще острее, чем сейчас, потому что он проистекал бы не из одних только различий в режиме собственности, но еще и из противоположности самых основных стремлений, за которыми стояла бы современная техника и жизненные интересы различных групп, классов и целых стран.

Коммунисты изображают конфликт, а потому и делают его, более безвыходным, чем он есть на самом деле. Когда они расценивают современные западные правительства, как слепые орудия монополий, они так же далеки от истины, как в определении их собственной системы, якобы представляющей собой бесклассовое общество, которое не знает другого собственника, кроме самого себя. Правда, монополии все еще играют важную роль в политике западных стран, но теперь эта роль не так велика, как она была до первой или даже второй мировой войны. Нечто другое, новое, теперь куда важнее: непреодолимое стремление к объединению мира. И стремление это выражается теперь не столько через влияние и действия монополий сколь-

ко через усиление роли государства в хозяйственной жизни и через обобществление промышленности.

Чем дольше какой-нибудь класс, партия или единоличный диктатор удерживают в своих руках неограниченную власть и удушают критику, тем неизбежней начинают они подходить к действительности с произвольной, узкой и фальшивой меркой.

Именно это и происходит сейчас с коммунистическими правителями. Они больше не хозяева своих решений; действительность диктует им эти решения. Можно даже сказать, что в результате они стали трезвей, практичней. Но большого толку тем не менее от этого не получается. Слишком уж плохо они разбираются в действительности, слишком уж видят ее в свете своих предвзятых взглядов. Обветшала идеология, старое привычное доктринерство, побуждают их к решениям, от которых им потом приходится отрекаться. Они спотыкаются, отступают, тянут то вперед, то назад. Остается лишь выразить надежду, что в будущем зрелое размышление возьмет верх. Если коммунисты начнут подходить к действительности более здраво, коммунизм от этого, пожалуй, и пострадает, но они, как люди и все человечество в целом от этого только выиграют.

Во всяком случае, мир будет меняться, будет развиваться в том направлении, в котором только и может идти его развитие, — в направлении все растущего единства, прогресса и свободы. Действительность, живая жизнь всегда были и всегда будут сильнее, чем любая грубая сила, чем любая предвзятая теория.

СОДЕРЖАНИЕ

Биография	5
Предисловие	9
Исторические корни коммунизма	13
Особенности коммунистической революции	28
Новый класс	52
Партийное государство	88
Догматизм в экономике	124
Угнетение духа	148
Цель и средства	173
Сущность коммунизма	191
Национальный коммунизм	200
Современный мир	219

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА ПРЕГЕР
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

	Цена в долл.
БАРБАРА УОРД Пять идей, которые меняют мир	1.35
ТИБОР МЕРАИ Тринадцать дней	1.65
ДАВИД КОЙЛ Политическая система Соединенных Штатов и как она действует	1.35
В. В. РОСТОУ Стадии экономического роста	1.35
КОНРАД СЫРОП Весна в октябре	1.35
МИЛОВАН ДЖИЛАС Новый класс	1.35
«ГОРЬКАЯ ЖАТВА» — под ред. Эдмунда О. Стиллмана	1.65
САУЛ К. ПАДОВЕР Джефферсон — жизнь и идеи великого американца	1.35
АЛЛАН НЕВИНС и ГЕНРИ С. КОММАДЖЕР Краткая история Соединенных Штатов	1.95
✱	
А. С. ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН Весенний лист (В переплете, текст по-английски и по-русски)	3.00